

СЕРГЕЙ
НУРТАЗИН

Волжский
роман

Сарматы

Сергей Викторович Нуртазин

Сарматы. Рать порубежная

Серия «Волжский роман»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39853543
Сарматы; Рать порубежная. Романы: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8186-4

Аннотация

Первый век нашей эры... Время, ставшее переломным для многих племен и народов, населяющих в ту пору Великую Степь, в том числе и сарматских племен аорсов. Молодому сармату Умабию предстоит пройти через многие битвы в приволжских степях, побывать в далеких краях и, спасая свой народ от нашествия врагов, уводить аорсов в земли, где им суждено обрести новую родину...

Вторая половина XVI века... Московское царство ведет кровопролитные войны с соседями. Каждый удар может оказаться смертельным, но на пути неприятелей стоит порубежная рать. Волжские, донские и яицкие казаки, воеводы, стрельцы и простой русский люд готовы сложить головы за родную землю...

Содержание

Сарматы	4
Пролог	4
Часть первая. Степь Великая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	32
Глава четвертая	51
Глава пятая	71
Глава шестая	78
Глава седьмая	89
Глава восьмая	115
Часть вторая. В недрах империи	131
Глава первая	131
Глава вторая	151
Глава третья	161
Глава четвертая	175
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Сергей Викторович Нуртазин Сарматы *Романы*

Сарматы

Пролог

Орел, красавец в полном расцвете жизненных сил, широко раскинув могучие крылья, одиноко парил под солнцем. Хищник выискивал добычу. Его взор обнаружил ее. Суслик, подслеповато шурясь, выбрался из норы понежиться в лучах теплого весеннего солнца. Птица камнем упала вниз и впилась когтями в жертву. Несчастный зверек судорожно дернулся в тщетной попытке вырваться, но мощный клюв довершил дело, разрывая еще живую плоть на части. Утолив голод, орел расправил крылья и, тяжело скакнув, взмыл ввысь. Ловя воздушные потоки, сытая птица лениво поглядывала с поднебесья на покрытую молодым шелковистым ковылем Великую Степь. Но даже орлу не дано было объять

взором всю эту гигантскую ширь, протянувшуюся от предгорий Карпат до Алтайских гор и ставшую колыбелью многих народов, свидетельницей судьбоносных событий и хранительницей множества тайн.

Далеко внизу орел увидел всадников. Люди преследовали огромного матерого секача. Животное спешило найти спасение в густых зарослях пожелтевшего прошлогоднего камыша, что стеной обступили русло узкой извилистой речки. Охотники не отставали. Каждый упорно стремился к своей цели. Все шло естественным путем.

Орел прожил на белом свете всего двадцать зим, но уже немало повидал. Он знал – в этом жестоком мире все живое поделено на тех, кто охотится, и на тех, на кого охотятся, но грань, их разделяющая, слишком зыбка, а судьба изменчива...

Часть первая. Степь Великая

Глава первая

*За рекой Танаис¹ кончается Скифия и начинаются земли сарматов, простирающиеся на север на пятнадцать дней пути, на которых не растет никаких деревьев, ни диких, ни насаженных.
Геродот²*

Туракарт, двадцатичетырехлетний сын предводителя нижних аорсов Евнона, настигал добычу. Его конь, каурой масти холощенный жеребец Кахар, малорослый, широкогрудый, с большой головой, не давал секачу малейшей возможности оторваться от погони. Степные лошади хоть и были своенравны и небыстры в беге на короткие расстояния, зато отличались неприхотливостью и выносливостью. Туракарт видел, что жертва начинает слабеть, три стрелы, торчащие в правом боку вепря, потихоньку высасывали из него жизненные силы. Главное, не дать ему уйти в заросли. Он махнул рукой рыжеволосому Сухраспу – сопровождающему его воину, жестом приказывая отрезать кабану путь к камышам. Сухрасп скакал левее и впереди, он увидел и понял приказ.

¹ Танаис – античное название реки Дон и города, стоящего в его устье.

² Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.) – древнегреческий историк.

Второй спутник Туракарта, Дарган, скакал далеко позади, а младший брат Умабий и вовсе безнадежно отстал; надеяться на их помощь не приходилось.

Азарт волной захлестнул Туракарта. Он прицелился в покрытую щетиной спину вепря, метнул дротик. Удача изменила ему. словно угадав намерения человека, животное резко повернуло вправо. Дротик лишь царапнул бедро секача. Вынув из ножен короткий меч, с которым он не расставался, Туракарт направил коня следом, надеясь мечом одолеть раненого и терявшего силы вепря. Поздно. Кабан, протаранив камышовую стену, стал углубляться в заросли. Еще немного, и он уйдет в непроходимые крепи. Рыжеволосый Сухрасп вломился в камыш, поскакал наперерез. Все верно. Прямо вепрь не пойдет. Там река, там он уязвим, а значит, у него один выход. Туракарт взял правее к высохшему озерцу: именно туда должен выгнать зверя Сухрасп.

Камыш расступился, конь на всем скаку вылетел на покрытую потрескавшейся глинистой коркой проплешину – дно высохшего озерца. Туракарт бросил взгляд налево: «Где вепрь? Почему Сухрасп медлит?» Мысль оборвалась. Передние ноги Кахара неожиданно провалились в наполненную жижей яму, оставленную корнями упавшего от старости дерева. Его корявый ствол лежал тут же. Туракарт, перелетел через голову коня, упал на землю. Обученный с малолетства верховой езде, он мгновенно вскочил на ноги, подошел к жеребцу. Кахар, всхрапывая, лежал на боку, бабка на его пра-

вой передней ноге опухла, левая нога была окровавлена и подрагивала. Туракарт покачал головой, присел, стал осматривать рану. Отдаленный крик Сухраспа заставил его оглянуться. Из камышовых зарослей на него выбежал разъяренный секач, обезумевший от ран и преследования. Охотник оказался безоружным перед яростью дикого зверя. Меч он выронил при падении и теперь попытался вновь завладеть им. Лишь три шага отделяли Туракарта от оружия. Помешал ствол поваленного дерева. Дух зла, приняв корявый облик, строил человеку козни. Туракарт споткнулся. Его пальцы коснулись рукояти, но поднять меч он не успел. Клыки ударили в живот, вспарывая брюшину и круша ребра.

* * *

Дарган, родовой вождь и знатный воин, не торопился. Он был на пять лет старше Туракарта и гораздо опытнее в охоте: «Пусть спешит, сломает себе шею и тогда после Евнона, он, Дарган, будет возглавлять аорсов». Было время, когда заветное желание должно было исполниться, но судьба оказалась благосклонна к Евнону. Но и сейчас в случае его смерти или отрешения Даргана снова ждала неудача. Виной тому был Туракарт, сын Евнона, любимый большинством старейшин и воинов. Его-то и прочили в военные вожди, а значит, надежды стать предводителем у Даргана было мало. Но все же теплилась в душе эта мечта, оттого ненавидел он Туракарта,

но скрывал это, притворялся другом, и тот ему верил.

Проскакав по следам Кахара, Дарган оказался на высохшем озерце. Обессиленный схваткой секач расправился с Туракартом и собирался покинуть проплешину, когда его догнал дротик. Пробив кожу за ухом животного, наконечник вошел в плоть по древко. Секач взвизгнул, припал на передние ноги. Охотник подъехал ближе, соскочил с коня. Вепрь злобно посмотрел на него маленькими, налитыми кровью глазками и попытался встать. Последние силы покидали его; взор помутнел, из пасти потекла кровавая пенистая слюна. Дарган еще раз вонзил дротик в тушу. Убедившись, что кабан мертв, обернулся, посмотрел на Туракарта. Тот лежал на животе вниз лицом. Неужели свершилось то, о чем он, Дарган, мечтал столько лет?.. Туракарт застонал, приподнял голову, тихо прохрипел:

– Да-а-рган, помоги.

Неужели? Нет! Теперь, когда до осуществления желания стать вождем осталось сделать один шаг, он не допустит этого. Дарган откинул окровавленный дротик, подошел к Туракарту. Взяв одной рукой за подбородок, другой за затылок, потянул его голову назад, резко крутанул вбок. Послышался хруст...

Спустя мгновение из камыша выехал Сухрасп. Дарган отпрянул. Голова Туракарта безвольно уткнулась в высохшую черную глину. Рыжеволосый воин слез с коня и, прихрамы-

вая, подошел к телу сына вождя. Дарган пронзительно посмотрел в глаза Сухраспу. Видел ли? Догадался?

– Где тебя носило, старый хромоногий верблюд?! Что ты теперь скажешь Евнону?! Как объяснишь ему смерть сына?!

Слова Даргана словно бичом хлестали и без того перепуганного Сухраспа. Воин заметно волновался: хмурился, чесал низкий, плоский, обросший мелкими волосиками лоб, приглаживал рыжие, похожие на шкуру степной лисицы, волосы. Его глубоко посаженные глаза, болотного цвета, беспомощно смотрели на Даргана из-под нависающих надбровий с широкими густыми бровями:

– Промедлил я, не поспел Туракарту на помощь. Конь от вепря шархнул. Пока развернул да по следу пошел, он... – Голос Сухраспа дрогнул. Еще перед походом в Армению Евнон доверил ему жизнь малолетнего Туракарта, повелел сопровождать его в бою и на охоте. С той поры он тенью следовал за сыном Евнона. – Обычно самец только с ног сбивает и дальше бежит, а этот, будто свинья... Подранок он вдвойне страшнее... Что же мне теперь делать? Это моя вина! Я должен был находиться с Туракартом! Из-за меня вепрь налетел на него. Теперь Евнон убьет меня.

– Убьет, но я помогу тебе.

– Помоги! Я буду твоим верным слугой, – подобострастно проговорил Сухрасп.

– Я запомню эти слова. Думаю, твои услуги мне еще понадобятся... А теперь слушай. Скажем, что это я гнал зве-

ря, а ты был рядом с ним. – Дарган кивнул на расprostертое на земле тело. – Туракарт поскакал наперерез, конь попал в яму, и он оказался на пути вепря. Мы же, спасая его, убили секача. И это почти правда. Он сам виноват. Зная, как горяч и нетерпелив его сын, Евнон поверит нам. Ты уяснил, что надо говорить, чтобы твоя рыжая голова осталась на плечах?

– Да, господин.

Слово «господин» приятно умастило самолюбие Даргана, так его еще никто не называл. Снисходительно глянув на рыжего простака, он произнес:

– Тебе повезло, что Умабий отстал и никто нас не видел...

Ржание лошади и треск камыша заставили их обернуться. На проплешину выехал Умабий. Младший сын Евнона внешне во многом походил на старшего брата. Глядя на него, Даргану до ломоты в пальцах захотелось выхватить акинак и прикончить еще одного отпрыска Евнона: «Жаль нельзя, да и к чему, он мне не соперник».

Умабий спрыгнул с коня, бросился к брату, пал на колени:

– Туракарт! – Перевернув тело на спину, распахнул на нем куртку, разорвал рубаху, прильнул ухом к груди.

– Он мертв. Мы пришли на помощь, но было поздно. Наверное, вепрь задел то, без чего нельзя жить, – мрачно произнес Дарган.

Умабий прикрыл лицо ладонями. Единственный человек, кому он доверял свои тайны, делился своими чаяниями, с кого брал пример и на кого хотел быть похожим, как и боль-

шинство молодых воинов племени, любимый брат мертв. Ведь это он защищал его в мальчишеских драках и обучал с наставником Гордом воинскому искусству. Он был ему больше чем брат. У отца редко находилось время для младшего сына. Сначала наемная служба в Армении, затем заботы вождя забирали его время. Участь воспитателя и друга легла на плечи Туракarta. И вот его нет. Что он скажет отцу? Как оправдается перед ним за то, что в миг опасности не помог брату. Как объяснит, что отъехал от остальных охотников осмотреть окрестности с ближайшего бугра и словно мальчишка засмотрелся на орла в небе, в то время как остальные обнаружили вепря и погнались за ним...

Глава вторая

Племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвовали в войне наравне с мужчинами.
Помпоний Мела

Временный стан аорсов, расположенный на берегу великой реки Ра³, затих. Не слышно громких криков, смеха, звонких детских голосов. Даже лохматые сарматские псы перестали лаять, словно знали о случившемся несчастье. Кочевники то и дело бросали скорбные озабоченные взгляды на плоскую вершину невысокого бугра. Наверху, отдельно от

³ Ра – древнее название реки Волга.

других, стояла крытая беловойлочным шатром повозка вождя. Рядом, под навесом, закрытым со всех сторон красной китайской тканью, склонив головы, сидели двадцатилетний младший сын вождя Умабий и зрелый муж могучего телосложения. Это Евнон – сорокалетний предводитель нижних аорсов, чьи земли простирались от Дана, называемого греками и римлянами Танаисом, до многоводной реки Ра, и от предгорий Кавказа до пределов, за которыми начинались владения неподвластных ему верхних аорсов. Эти родственные сарматские племена кочевали от низовьев Ра и Гирканского моря⁴ на север и восток.

Вождь отличался отметиной на окладистой темно-коричневой бороде. Седина белой полосой протянулась от нижней губы царя к подбородку, будто пил он молоко да забыл утереться. Но не только в этом было отличие, а прежде всего в его смелости, мудрости, умении сражаться и повелевать. Сам облик предводителя говорил об этом. Высокий рост, движения, полные достоинства и силы, зачесанные назад волнистые, достающие до плеч темно-русые, почти черные волосы, небольшой с легкой горбинкой нос, высокий лоб, взлетающие от переносицы вверх брови и карие, слегка навывкате глаза, в которых сейчас застыла невыносимая печаль. Едва сдерживая слезы, с болью в сердце глядел он на неподвижное тело сына, лежащее на бараньих шкурах и укрытое по грудь белым льняным покрывалом.

⁴ Гирканское море – древнее название Каспийского моря.

Вождем Евнон стал четыре года назад. Предшествовали этому события, произошедшие в Армении на восемь лет ранее.

Освободившийся после смерти царя Арташеса армянский престол был лакомым куском, а потому парфянский правитель Артабан, не теряя времени, посадил на него сына Аршака. Римский император Тиберий не мог позволить парфянам, злейшим врагам империи, воцариться в Армении. Помирив царя Иберии⁵ Фарасмана с братом Митридатом, в прошлом боровшимся за иберийский престол, он предложил Фарасману отнять трон у Аршака. Путь к власти зачастую лежит через кровь, хитрость, обман, и большинство идущих по нему людей используют любые средства для достижения цели. Таковыми оказались Фарасман и Митридат. Подкупом они добились желаемого – приближенные убили Аршака. Войско иберов вторглось в Армению, захватило столицу государства город Арташат в Араратской долине на левом берегу реки Аракс, а с ней и трон армянских правителей. Но на их пути встал Ород, брат свергнутого и убитого Аршака. Предстояла серьезная война. И вот тогда-то иберы направили послов к албанам⁶ и сарматам. Ород в поисках союзников тоже послал своих людей в сарматские степи. И тем, и другим хотелось иметь в войске этих опытных и отчаянных в

⁵ Иберы, иверы, иберийцы – восточно-грузинские племена. Иберия – античное название Восточной Грузии.

⁶ Албаны – племя на северо-востоке Кавказа.

бою всадников, они знали их силу. Не в первый раз сарматские отряды, а то и целые племена шли на службу к соседним государям.

Приняв дары и от парфян, и от иберийцев, пожилой вождь нижних аорсов Арнаварк, старейшины и знатные воины долго раздумывали; кому отдать предпочтение. Парфия⁷ сильна, но она за Гирканским морем и за горами Кавказа. Сторонники великого Рима под боком – Иберия и Боспорское царство⁸, где у власти находился «друг римлян» Аспаруг, чеканивший монеты с изображением римских императоров. Но все сомнения исчезли после того, как они узнали, что племена сираков, в жилах которых тоже текла сарматская кровь, собираются идти на помощь парфянам. Решение было принято – нижние аорсы будут сражаться за иберов.

В последнее десятилетие отношения между сираками и аорсами не ладилась. Сиракам не нравилось, что аорсы оттеснили их от побережья Гирканского моря и взяли караванные пути с юга на север и с запада на восток под свою опеку. Некоторые из сираков считали родственными кочевников-аорсов ниже себя, и хотя половина их все еще вела кочевой образ жизни, другая уже занималась земледелием. Этому они научились от ранее завоеванных ими меотов и жи-

⁷ Парфия – древнее государство, располагалось к юго-востоку от Каспийского моря. Просуществовало с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э.

⁸ Боспорское царство – государство в Северном Причерноморье в V в. до н. э. – IV в. н. э. Столица Пантикапей.

ли, подобно им, в поселениях из глинобитных и каменных домов, окруженных оградой. Сираки даже построили свою столицу – Успу. Часть их служила боспорскому царю, имела родственные связи с жителями его городов и состояла среди подчиненной царю знати. Ко всему прочему они считали аорсов пришельцами с востока, так как сираки раньше заселили земли, прилегающие к Понту, Гирканскому морю и Меотийскому озеру.

Многочисленные аорсы, в свою очередь, с презрением относились к землепашцам-сиракам и постепенно теснили их к Понту Эвксинскому и Кавказским горам.

До войны не доходило, но стычки и набеги случались. А ведь в прежние времена они заодно с боспорским царем Фарнаком стояли против Рима...

Предводителем воинов, пожелавших идти на помощь иберам, выбрали Мазвараза. Он-то и повел войско, состоявшее в основном из молодежи, к Кавказскому хребту. Уговорил вождь пойти с собой ровесника и друга Евнона. Оставив жену с малолетней дочерью Хорзой и столь же малолетним сыном Умабием, Евнон взял старшего сына Туракарта и отправился в Армению. Туда же направились и сираки. Аорсы опередили их и первыми прошли через Кавказские ворота – проход в горах, называемый иберами Хевискари. Они же, иберы, пропустив аорсов, перекрыли путь сиракам. Те решили идти по побережью Гирканского моря, но дувшие с севера летние ветры нагнали воду и затопили их последнюю

надежду – узкую полосу суши. Посчитав это дурным знаком, сираки вернулись. Ждали скорого возвращения своих воинов и аорсы. Случилось иначе. На долгих восемь лет растянулось пребывание сарматского войска в Армении. Аорсы, соединившись с иберами и албанами, в решающей битве разбили войско парфян. В этом бою сарматы покрыли себя славой, опрокинув и уничтожив большую часть конницы врага. Митридат Иберийский, получивший армянский престол при помощи аорсов, уговорил их не уходить и за плату служить ему, так как опасался новой войны с парфянами. Но царствовать новоявленному правителю пришлось недолго. Через полтора года к власти в Риме пришел Калигула. Император вызвал его в Рим и посадил в оковы. Митридата сменил Артевасд из знатного армянского рода Арташесидов, он, как и его предшественник, попросил сарматов остаться, пообещав платить больше предыдущего хозяина. И слово держал, в отличие от Митридата. Оттого и встали они на сторону Артевасда, когда Митридат, освобожденный через четыре года новым императором Клавдием, явился в Армению, чтобы при помощи иберийцев и римлян вернуть себе трон. Произошло сражение. Артевасд проиграл. Армянское войско под предводительством Демонакта было разбито. Аорсы, отбиваясь от противников, ушли на север в сторону родных степей.

Евنون помнил тяжелый зимний переход в горах, глубокий снег, пронизывающий ледяной ветер. С сожалением вспоми-

нал тех, кто погиб в этом переходе и остался лежать на полях сражений в далекой Армении. Помнил и о том, как проходили через земли дружественных им гелов⁹, легов¹⁰, албан. С ними они раньше плечом к плечу сражались против общих врагов и с их помощью миновали проход между Гирканским морем и горами. Тот самый, по которому не удалось пройти сиракам. К аорсам море проявило больше благосклонности. Зимний ветер с юга отогнал воду, обнажив сушу для прохода.

Холодная зима остановила воинов, утомленных дальним переходом и несколькими нападениями сираков, в низовьях реки Ра, где их гостеприимно приняло одно из племен верхних аорсов. Здесь, так и не добравшись до родных кочевий, умер от полученных в стычках с сираками ран предводитель войска, жрец и великий воин Мазвараз. С дарами, полученными им от армянских царей, его похоронили в земле верхних аорсов. Дальше войско повел Евнон.

Но смерть Мазвараза не стала последней печальной новостью. Тяжелый недуг свалил Арнаварка, старого вождя, оберегавшего земли аорсов во время отсутствия войска, ушедшего в Армению. Нужен был новый предводитель, ведь аорсы все еще находились в состоянии необъявленной войны с сираками. Из двух великих воинов – Даргана, племянника Арнаварка, и Евнона старейшины выбрали последнего.

⁹ Гелы – племя на северо-востоке Кавказа.

¹⁰ Леги – племя на северо-востоке Кавказа.

Евнон стал вождем нижних аорсов, но задумки его простирались дальше. Он хотел власти большей, такой, как у царей скифов, Парфии, Боспора, Иберии. Власти над всеми аорсами – верхними, нижними и не только. Возможно же это было, лишь усиливая свое влияние среди соплеменников, покоряя соседей, беря под свою руку слабые племена и приобретая союзников, в том числе и благодаря вступлению в родственные связи. Оттого выдал он свою дочь Хорзу за Бахтава – вождя аланского племени, земли которого лежали между владениями верхних аорсов и независимых от них алан, кочующих ближе к Оксианскому озеру¹¹. В том и таился его расчет – если понадобится, использовать родственника в войне против одного из возможных врагов. Но главной задумкой являлся брак его старшего сына Туракарта и единственной дочери вождя верхних аорсов Фарзоя. Для Туракарта давно настала пора жениться, многие девушки дарили свою любовь воину-красавцу, но Евнон не давал первенцу согласия, ждал, пока дочь Фарзоя достигнет зрелого возраста. Этот брак мог привести его к цели, и тогда бы он оставил Туракарту власть во много раз большую, чем имеет он. Но кто знает, кого изберут аорсы предводителем завтра? Ему удалось дожить до сорокалетнего возраста в отличие от многих своих ровесников, и четыре года оставаться бессменным вождем, обладая военной властью и имея значительное влияние на течение мирной жизни аорсов. Но он уже на поро-

¹¹ Оксианское озеро – античное название Аральского моря.

ге старости и соплеменникам вскоре понадобится молодой вождь. Евнон надеялся, что им станет его сын. Все к этому и шло. Туракарт прославил себя в Армении в сражениях с парфянами и римлянами, проявил доблесть в стычках с сираками, и потому пользовался немалым уважением среди аорсов. Но теперь с его смертью все рушилось...

Налетевший со степи порыв ветра попытался сорвать привязанную к жердям ткань. Она пошла волнами, задергалась, запузырилась, но не поддалась. Оставив навес в покое, степной озорник пробежал рябью по водной глади, умчался за реку. Из-за большого, кудрявого облака медленно выползло солнце. Лучи-стелы пронзили красное полотнище, проникли под навес, окрасили мертвенно-бледное лицо Туракарта в розовый цвет.

Он был красив, сын и наследник царя аорсов. Длинные темно-русые волосы, высокий лоб, передавшиеся от отца нос и взлетающие от переносицы к вискам брови, рыжеватая борода, полноватые, как у матери, губы и такие же, как у нее, синие глаза. Только сейчас они прикрыты длинными мохнатыми ресницами.

Евнон гордился своим сыном: статным, сильным, смелым, находящим упоение в походах и битвах. С малых лет Туракарт проявлял недюжинные способности в воинском искусстве, оттого и взял Евнон не достигшего четырнадцати лет сына с собой в далекую Армению. Он любил его и оберегал, но запретить участвовать в сражениях не имел права. Как

и раньше, в сарматских племенах уважали и признавали повелителями отважных и опытных воинов. Туракарт же должен был стать вождем нижних, а может, и всех аорсов. Но не стал. Слишком нетерпелив и горяч был. Евнон боялся, что это приведет его к гибели на поле брани. Вышло иначе. Свою смерть нашел он не в далеком походе от меча или копья, а от клыков могучего вепря. Знал ли вождь аорсов, что сын лишится жизни в местах милых его сердцу, где каждую весну, в пору цветения тюльпанов, останавливал он свою повозку, чтобы быть поближе к могилам предков... Теперь оставалась одна надежда – на младшего сына. Ему предстояло после смерти Евнона стать вождем и носить рисунок орла на внешней стороне кисти правой руки. Подобный знак, но на левой руке, имела женщина-жрица их рода, и лишь ей дано право наносить его достойному воину. Так заведено в племени Евнона далекими предками, кочевавшими где-то далеко на восходе солнца.

Евнон оторвал взгляд от лица Туракарта, посмотрел на Умабия.

Природа сотворила братьев похожими друг на друга. Умабий чуть ниже ростом, крепче сложением, прямее бровями и светлее волосом, и это было все, что отличало его от брата. Когда-то их похожесть доставляла радость вождю аорсов, теперь причиняла боль... Младший подрастал быстро и не уступал брату в храбрости, но его прожитых лет, боевого опыта и влияния недостаточно для того, чтобы удосто-

иться чести быть выбранным в вожди. Среди нижних аорсов нашлось бы немало достойных мужей, способных заменить Евнона. Чего только стоит родовой вождь, племянник Арнавварка, Дарган. Ему не пришлось побывать с Мазваразом и Евноном в Армении, зато он прославился, как воин и предводитель в набегах на сираков, не раз побеждал их в бою. Но время не стоит на месте, с его течением все меняется, и кто знает, может в скором времени Умабий прославится не меньше брата и в свое время будет избран вождем...

Евнон почувствовал, как кто-то вошел под навес, поднял голову. Перед ним стояла высокая, стройная женщина в длинной, белой шерсти, рубахе навывпуск. Босые ноги, распущенные русые волосы, безумный взгляд красивых синих глаз, опухшие и покрасневшие от бессонницы и слез веки. «Донага – жена». Евнон поднялся с расстеленной на земле овечьей шкуры, подошел к ней. Только сейчас он заметил на ее лице паутину мелких морщинок, протянувшихся от уголков глаз к вискам; время и невзгоды оставили свой отпечаток. Она многое испытала в жизни; ей не раз приходилось терять близких людей...

Велика была радость рождения первого ребенка – Туракарта, за ним появились на свет дочь Хорза и младший сын Умабий. Дальше последовали несчастья: сын и дочь, рожденные позже, умерли во младенчестве. И все же потеря старшего из детей – сына Туракарта, оказалась наиболее тяжелой. Женщины сарматов часто видели смерть и при надоб-

ности становились воинами и охотницами. В былые времена девушка не могла выйти замуж, не убив врага. Но можно ли привыкнуть к смерти? Донага не могла. Усугубляли ее боль и слова жрицы Зимеганы, предсказавшей, что она больше не сможет порадовать мужа рождением детей. Предсказания сбылись. Почти восемь лет она ждала Евнона из Армении, но после его возвращения чрево Донаги ни разу не наполнилось новой жизнью.

Евнон обнял жену. Донага уронила голову на плечо мужа, зарыдала. Он молчал, сдерживал чувства, ласково гладил по густым волосам. За навесом послышались шаги. Донага успокоилась, затихла.

– Приведи себя в порядок, не пристало жене вождя в таком виде перед соплеменниками показываться. – Евнон бережно отстранил жену, вышел наружу.

У входа под навесом стоял Горд – верный друг, соратник, советник и предводитель его личного отряда отборных воинов. Откуда он родом и как появился среди аорсов, никто не знал. Одни говорили, что он скифских кровей, другие считали роксоланом, третьи причисляли к далеким венедам¹². Правду, кроме самого Горда, знал только он – Евнон. А правда была горькой. Горда называли человеком без рода, но род у него был. Был, да не стало.

Малый род Горда жил у лесистого берега реки, называемой в его племени Вислою, ближе к ее истоку. Родичи кор-

¹² Венеды – наименование славянских племен.

мились дарами Воды и Леса; ловили рыбу, бортничали, били птицу и зверя. Зверь давал мясо, шкуры. Водился и скот. В один день род лишился всего – запасов, утвари, свободы, а большинство родовичей и жизни. Воины бастранов с берегов Данастра¹³ потревожили спокойную жизнь венедакского селения. Они же уничтожили род Горда, а оставшихся в живых родовичей продали в Тирасе римлянам. Четырнадцать годов от рождения Горд стал рабом. Непокорный нравом венедак не мог стерпеть унижений, ему удалось бежать. Долгие скитания привели его, тяжело раненного роксоланской стрелой, в племя Евнона. Благодаря аорсам, вышедшим его, он обрел вторую жизнь. Сам же Горд говорил, что родился среди аорсов, среди них и умрет. Еще отец Евнона принял белокурого великана с серо-голубыми глазами под крыло рода, оценив его здравомыслие, воинское умение и недюжинную силу. А сила у него имелась: о том говорили крепкие ноги, мощная грудь, мускулистые руки и бычья шея. В стане не было равных ему в борьбе и поднятии тяжестей. Несмотря на то что Горд был немного младше Евнона, тот относился к нему с уважением.

– Что войско? – спросил Евнон.

– Готово. – Горд пригладил густые пшеничные усы.

– Войско поведешь ты. Я останусь... У предводителя должна быть светлая голова.

– Может, отменить поход?

¹³ Данастр – предположительно сарматское название реки Днестр.

– Нет.

К походу на племена, чьи земли находились севернее владений нижних аорсов, Евнон готовился давно и, несмотря на смерть сына, отменять его не собирался.

– Мое главенство в войске может вызвать недовольство среди старейшин и знати, – сказал Горд.

– Мой отец принял тебя в наш род, а значит, ты такой же, как и мы. Ты один из лучших воинов и не раз водил мой личный отряд на врага. Причем всегда успешно. Помимо этого, тебе одному приходилось бывать в тех местах. И не забывай, мое слово немало значит для аорсов. Думаю, старейшины и знать согласятся со мной.

– Надеюсь на это.

– Выступите на следующий день после погребения Туракarta. – Голос Евнона дрогнул. Справившись с собой, он продолжил: – Возьмешь часть моих личных воинов. Дарган и Сухрасп отправятся с тобой. Здесь они будут напоминать мне о смерти сына. И еще... – Евнон развернулся и тяжелой поступью пошел к повозке.

Горд посмотрел ему вслед: вялая походка, опущенные плечи. Горе не сломало, такого человека сломать трудно, но пригнуло его сотоварища и повелителя. Да и у самого Горда при мысли о смерти Туракarta комок подкатывал к горлу, он был его учителем и любил сына Евнона как собственного. Своих детей, впрочем, как и жены, у него не было.

Вернулся Евнон с мечом.

– Этот меч ты подарил моему сыну. Им ты учил его сражаться. Выполни то, что не привелось сделать Туракарту – обагри его в сражение кровью наших врагов.

– Я выполню твою волю. – Горд принял из рук вождя меч в деревянных, обшитых кожей ножнах с медными накладками. Бронзовая рукоять с прямой гардой заканчивалась круглой головкой из розового сердолика. Таких мечей у аорсов не было, этот Горд добыл во время скитаний, а затем подарил Туракарту.

* * *

Туракарта, как и многих других представителей его рода, хоронили на вершине кургана. Уходил к предкам старший сын вождя. Горькие мысли, словно змеи, жалили сердце Евнона, но, пересиливая себя, он всем своим видом показывал несгибаемую волю. На похороны сына вождь явился в лучшем наряде. На нем была темно-коричневая куртка без воротника с длинными рукавами, запахнутая на левую сторону, украшенная по краям золотыми бляшками виде бараньих голов, того же цвета штаны и красные сапожки из мягкой кожи. Стан вождя стягивал кожаный пояс с застежками из золота, изображающими схватку львов. На поясе короткий меч-акинак в богато убранных ножнах с золотыми накладками, подарок зятя – аланского вождя Бахтава. Голову Евнона украшала кожаная повязка, грудь – золотая пек-

тораль¹⁴ с концами в виде змеиных головок, символ власти сарматских вождей. Похожую он заказал боспорскому купцу Ахиллесу, чтобы возложить на Туракарта. Не случилось. Теперь ни одно божество не в силах воскресить сына...

Донага, успокаивая, тронула его за локоть. Хорошо, что она рядом. Такая женщина достойна называться женой вождя. Переборов свои чувства, она в подобающем наряде с гордо поднятой головой вышла к аорсам заодно с мужем. Взор синих глаз казался ясным. Но лишь казался. Перед Донагой все происходящее проплывало, как в пелене тумана: свежеврытая яма, кошомная подстилка, на которой покоится тело их первенца, печальные лица сородичей.

Звук бубна возвестил о появлении жрицы. Зимегана, молодая женщина с длинными иссиня-черными прямыми волосами, достигающими колен, была красива. Ее красота, в отличие от других женщин племени, увядала намного медленнее, а потому выглядела она гораздо моложе своих лет. Поговаривали, это ей удавалось благодаря колдовской силе и зелью из трав. Невысокого роста, белолицая, тонкобровая, с алыми губами и гибким станом, она могла бы пользоваться любовью многих мужчин. Если бы ни ее служение священному огню, надменность и глаза. Светло-голубые, холодные, они пугали, завораживали, проникали внутрь, читали мысли. Взгляд больше напоминал змеиный, как и ее движения. Ее называли повелительницей змей, и поговаривали,

¹⁴ Пектораль – шейное металлическое украшение, облегающее грудь и плечи.

что свои снадобья она изготавливает при помощи гадов, живущих у нее в повозке в корзине из ивовых прутьев, будто они же помогают ей предсказывать и наводить порчу на негодных ей соплеменников. Ее больше боялись, чем любили.

Жрица была облачена в белую длинную рубаху, стянутую у стана поясом из шерсти белой овцы. К поясу подвешены амулеты из камня, изображающие животных, и маленький жертвенный кинжал с костяной ручкой в виде барана. Белое покрывало скрывало ее волосы. Поверх него на голову одета высокая конусовидная шапка из белого войлока с золотыми нашивками. Прикрепленный к ней золотой лепесток прикрывал верхнюю часть прямого тонкого носа. За Зимеганой шла помощница жрицы, сирота Газная. Маленького росточка, пухленькая, смуглолицая девушка с добрыми черными глазами и большим родимым пятном в виде верблюда на левой щеке. Соплеменники говорили, что родимое пятно Газнай – знак свыше, и хоть считали ее чудаковатой, любили и уважали за доброту, умение излечивать людей и животных. Младшая жрица была одета в те же одежды, что и Зимегана, но без золотых украшений. Ей доверили бронзовую чашу с раскаленными углями – детьми священного очищающего огня. За ней ковыляла кривоногая Пунгара, широколицая, узкоглазая старуха в повседневном наряде сарматских женщин, отличном от мужского лишь тем, что полы куртки были несколько длинней. В подрагивающих руках старуха нес-

ла пустую чашу из золота.

Жрицы остановились у края ямы. Зимегана, обратилась к находившемуся в зените солнцу, вскинула руки и заговорила. Многие из слов жрицы казались окружающим чужими, но это был язык их далеких предков, ныне изменившийся, отчасти забытый и доступный только посвященным, да еще может быть самому светилу. Голос ее менялся каждый миг: вибрировал, срывался на визг, затихал, превращался в усыпляющий шепот, напоминающий шипение змеи, и внезапно перерастал в громкий пугающий крик. Все это повторялось снова и снова, пока жрица, вскрикнув в очередной раз, обессиленная, не упала на колени. Аорсы последовали ее примеру, преклонили колени пред Великим Светилом, дающим жизнь. Только Газная, держащая частицу священного огня, осталась стоять. Зимегана коснулась земли губами и вновь устремила взор ввысь. Три раза прикладывала она руки к груди, а затем вскидывала их вверх, славя отца – Небо, мать – землю и солнце – Дарителя Священного Огня. Аорсы не замедлили повторить ее движения. Вновь поцеловав землю, жрица поднялась, посмотрела на помощницу. Подчиняясь взгляду Зимеганы, Газная протянула чашу с углями. Зимегана растопырила пальцы, махнула над ней руками. Угли, к тому времени едва тлевшие, вспыхнули голубым огнем. Жрица протянула к нему ладони, прикрыла глаза и зашептала ведомые ей одной слова.

Дно погребальной ямы закидали сухими ветками и жер-

дями, в двух шагах от края поставили большой котел с водой, под низ подсунули хворост, обложили костями. Они дольше горели и давали больше жара.

Жрица содрогнулась всем телом, открыла глаза, убрала ладони от пламени, громко произнесла:

– Пора принести жертву.

Два молодых сармата подвели к жрице белого с закрученными рогами барана – символ небесного блага, связали ему ноги, повалили на землю. К ним подошла старуха Пунгара с золотой чашей. Зимегана вынула из ножен жертвенный кинжал. Белая шерсть на шее животного обагрилась кровью. Старуха подставила чашу к бившей из горла струе, наполнила, передала жрице. Зимегана обернулась к Газнае, свободной рукой зачерпнула горсть углей, бросила их на дно ямы. Ветки вспыхнули, занялись жерди. Следующая горсть разожгла хворост под котлом. Обычай соблюден. Зимегана полила жертвенной кровью угли в бронзовой чаше. Пламя потухло. Молодые аорсы приступили к жертве, содрав с барана шкуру, они разделали тушу, куски покидали в котел.

Священный очищающий огонь торопливо сделал свое дело, оставив в могиле лишь остывшие угли. Дно погребения посыпали мелом, на кошомной подстилке опустили тело Туракарта. У левой ноги положили длинный меч, у правой акинак и кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием на рукояти. Прославленный воин и единоборец Туракарт с малых лет любил мечи, их он забирал собой в небы-

тие. Копье, лук и колчан со стрелами для войны и охоты легли рядом, у правой руки. Туда же, по обычаю, поместили разрубленное на куски бронзовое зеркало Туракарта, а также все, что могло понадобиться сыну вождя в иной жизни: оселок, кремьень, огниво, серебряную чашу, медный ковш, кувшин с питьем. Вынув из котла переднюю ногу барана, Евнон положил ее в широкую глиняную миску, отдал Умабию:

– Положи в могилу брата. Путь Туракарта будет долгим... Наверное, ему больше пришлось по душе, если бы мы положили в могилу тушу кабана. Тогда бы он, в мире ушедших предков, наслаждался мясом своего убийцы...

Последним за хозяином отправился верный Кахар. Горд лично умертвил коня у могилы Туракарта.

Справив тризну по сыну вождя, аорсы покинули печальное место упокоения предков. Соплеменники оставили Евнона в одиночестве. Таково было его желание.

Предводитель аорсов печально смотрел на невысокий холм, насыпанный над могилой сына, и мысленно перебирал памятные вехи его жизни. Вот он в первый раз сажает маленького Туракарта на коня, вот дарит меч, признавая его воином, вот они бок о бок сражаются с парфянами... На миг Евнону показалось, что холм окрасился кровью... Нет, это уходило за горизонт красное закатное солнце. Солнце жизни его сына...

Глава третья

Когда они появляются конными отрядами, едва ли какой народ может им противостоять.

Тацит

Евнону не спалось. Горькие мысли и воспоминания о Туракарте не давали ему заснуть. Он повернулся набок. Рядом спала Донага. Переживания последних дней утомили ее. Евнон позавидовал ей. Сон помогает хотя бы на время уйти от невзгод. Погладив жену по теплому плечу, он встал и тихо вылез из повозки.

Свежий весенний ветерок пахнул в лицо запахом молодых трав. Вдохнув полной грудью степной воздух, он посмотрел на небо. Оно было прекрасно. Богиня сна – Ночь укрыла первозданную ширь степи черным покрывалом, усыпанным россыпью звезд, будто золотыми бляшками.

Степь замерла. Только плеск воды в реке, брачные песни лягушек, стрекотание сверчков, уханье сов и редкое тьякнанье шакалов нарушали разлившуюся по ней тишину. Но для Евнона это не было тишиной – это была ночная песня степи, песня его народа.

«Жаль, Туракарту уже не придется увидеть этой ночной степи, и услышать ее поющей тишины», – мелькнуло в голове Евнона. Словно вопреки его мыслям перед ним возник сын – живой, красивый. Отгоняя наваждение, Евнон потер

лицо ладонью. Видение не исчезло. Его и не было. Перед ним стоял младший сын Умабий.

«И ему не спится, видимо, тоже терзает потеря брата...» Захотелось подойти, утешить. Не подошел, не утешил. Кратко бросил:

– Готовься, тебе быть старшим в роду, – повернулся, зашагал к повозке.

Уснуть удалось только после полуночи...

С восходом солнца его разбудили громкие голоса, ржание лошадей и бряцание оружия. Знакомые с детства звуки означали, что войско готовится к выступлению. Евнон оделся, вылез наружу. Горд уже ожидал его. В железном шлеме и доспехе он казался еще внушительнее. В шаге от него стоял Умабий, без доспеха, но с мечом на поясе.

– Войско готово, – доложил Горд.

– Что ж, отправляйтесь. Пусть удача будет с тобой.

– Прощай, господин.

Горд поклонился, сбежал по склону, сел на коня, махнул – пора!

– Отец, отпусти меня. – Синие глаза Умабия с упрямством смотрели на Евнона.

– Нет. Ты уже слышал мой ответ.

Евнон понимал, что правильнее отпустить его, но сейчас он не мог себе позволить потерять второго сына, да и слезные мольбы Донаги немало повлияли на его решение.

Дарган собирался сесть на коня, когда женский голос остановил его:

– Спешишь уехать, Дарган? От кого бежишь? Не от себя ли?

Он обернулся. Перед ним стояла Зимегана. словно с неба упала чернокрылой птицей. Колдовской взгляд светло-голубых глаз верховной жрицы ожег его и не предвещал ничего хорошего. Неспроста она подошла. Глянув исподлобья, Дарган ответил:

– Убегаю? Мне не от кого убегать. Я никого и ничего не боюсь. Или ты считаешь исполнение воли верховного вождя бегством?

– Ты лжешь. Каждый человек чего-то боится. – Зимегана понизила голос, и он стал похож на шипение змеи. – Боишься и ты. Боишься, что Евнон, волю которого ты спешишь исполнить, узнает о том, кто убил его сына.

Узкое лицо Даргана побледнело. Маленькие темно-карие глазки забегали. Откуда она знает, что это он убил Туракарта? Неужели дар ясновидения открыл жрице его тайну? Соведавав с чувствами, он огляделся. Не слышал ли кто ее слов? Похоже, нет. Ближе всех находился Сухрасп, но и он вряд ли мог что-то расслышать в гомоне собравшегося в поход войска. Дарган усмехнулся:

– О чем ты говоришь? Всем известно, что виновником смерти Туракарта стал вепрь.

– Не пытайся обмануть меня. Я ловила змей у высохшего озера и видела, кто свернул шею сыну Евнона. – Жрица пронзила его ледяным взглядом.

Дарган отвел глаза, стал нервно поглаживать черную клиновидную бородку:

– Чего ты хочешь?

– Это ты хочешь стать вождем аорсов. Теперь, когда нет Туракарта, тебе мешает только Евнон, чьей смерти ты желаешь. И не пытайся скрыть от меня своих мыслей, я вижу их... Желание твое похвально, и я помогу тебе исполнить его, если ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Иначе...

– Я согласен.

– Другого ответа я не ожидала. Знаю, у тебя, как и у меня, достаточно причин ненавидеть Евнона. Выкормыш рода Спадина¹⁵ взлетел слишком высоко. Пора обрезать ему крылья.

– Ты права. Евнон забирает в свои руки все больше и больше власти, попирает обычаи предков. Он позволил Горду возглавить поход. Когда это позволялось иноплеменнику управлять войском аорсов и стоять выше знатных воинов?! Многие этим недовольны.

– Это неплохо. Чем больше недовольных Евноном, тем больше у тебя возможностей занять его место. Жди, когда

¹⁵ Спадин – царь аорсов в I в. до н. э.

придет пора, я дам знать. Ищи себе союзников, они тебе пригодятся. – Жрица, одарив Даргана улыбкой, направилась в сторону своей повозки.

Дарган провожал ее задумчивым взглядом. И без того сутулый, он ссутулился еще больше.

«Змея, настоящая змея. Эта может ужалить в любое время». – Дарган сплюнул.

От раздумий его оторвал оклик Сухраспа:

– Господин, Горд зовет тебя!

* * *

Всадники неспешно проезжали мимо. Евнон с удовлетворением, взирал с высоты бугра на своих воинов, которых он пожелал увидеть в полном боевом снаряжении. Ему хотелось быть с ними, но предводитель чувствовал, что не готов управлять войском. Горе надломило его духовные силы. Но вождь не сомневался, придет время, и он вновь поведет их в бой.

Ныне аорсов возглавлял Горд. Первым за ним следовал отряд тяжеловооруженных конников, состоявший из знатных воинов. Греки, македонцы и римляне называли таких воинов катафрактами. Гордость многих сарматских племен и основная сила в борьбе против кавалерии врага, а порой и против пехоты, использовалась для нападения с флангов, вклинивания в образовавшиеся разрывы и пробивания бре-

шей в рядах войска. Но последнее удавалось крайне редко, особенно если это касалось обученных воинов, построенных в фалангу¹⁶. Копья с железными наконечниками, длинные мечи и акинаки, вот оружие тяжелой конницы сарматов, разившее без пощады и наводившее на противников страх. Имели эти воители и луки, использовали их при преследовании врага. В конусовидных и полусферических шлемах из железа и бронзы, но больше в кожаных, усиленных металлическими полосами, облаченные в чешуйчатые и пластинчатые доспехи, они казались несокрушимыми. Броня, частично прикрывающая коней некоторых из них, усиливала это впечатление. Среди этих отборных всадников была и часть личного отряда Евнона. Отряд состоял из родичей, особо приближенных и верных аорсов, а также двух десятков роксолан и алан, волею судеб попавших к нему на службу. В состав отряда входили и не сарматы: несколько армян, что ушли из родных мест с аорсами, опасаясь мести со стороны Митридата Иберийца, и римлянин Квинт, слуга и переводчик Евнона. Его вождь оставил при себе. Личным отрядом Евнон дорожил. Знать могла взбунтоваться, эти же преданы ему как псы.

За катафрактами скакал второй, гораздо больший числом, отряд всадников. Вторыми они были и в сраженьях. Следуя за тяжеловооруженными воинами, прикрывавшими их своей броней, словно щитом, сами же, в свою очередь, всеми

¹⁶ Фаланга – тесно сомкнутое построение тяжелой пехоты.

силами содействовали в битве соратникам. На этих войнах доспехи проще. Панцири из бычьей кожи, кожаные шлемы, а то и обычные войлочные остроконечные и закругленные шапки, небольшие плетеные из ивовых прутьев щиты, обтянутые все той же кожей, это все, что защищало их головы и тела. Но, несмотря на это, вооруженные луками, мечами, кинжалами, дротиками и арканами, они нисколько не уступали в храбрости своим братьям по оружию. Это они до появления тяжелой конницы являлись главной силой скифов и сарматов. Но и в данное время эта сила играла немаловажную роль, вступая в схватки с такими же отрядами, производя разведку, раздвигая построения противника, осыпая его градом стрел и прикрывая тяжелую конницу. А стрелы не все обычные. У некоторых воинов наконечники смазаны ядом. От таких стрел не спастись, не излечиться. В племени Евнона такой яд изготавливала жрица Зимегана, его было мало, поэтому не у каждого воина имелись отравленные стрелы. Но не в ядовитых стрелах таилась их сила. Верхом на степных лошадях, которых сарматы и их одноязыкие родственники и соседи скифы предпочитали менее покладистым жеребцам, они стремительно нападали на врага, а затем стремительно уходили от погони, не давая ему надежд на победу. Сообща с катафрактами они составляли грозное войско. Сейчас часть этого войска отправлялась в поход. Каждый всадник вел за собой одну, а то и двух сменных лошадей. Без них в степи, а тем паче на войне не обойтись. В ло-

шадях была сила сарматов. Слава Небесному Светилу, их у нижних аорсов хватало, и Евнону не требовалось много времени и сил, чтобы собрать конное войско. Пехотинцев Евнон применял редко: спешил при необходимости часть всадников или набирал их из землепашцев. К землепашцам он относился с легким презрением, считал, что настоящий кочевник не должен копаться в земле, но делу этому в своих владениях не препятствовал. Знал, нужное это дело и даже покровительствовал нескольким поселениям в низовьях Дана. Они же снабжали его пшеницей, овсом, просом. Привлекать их к военному делу приходилось не часто. В основном аорсам приходилось воевать в степной и холмистой местности, где важна скорость. Ее-то и давали выносливые лошади сарматов, обученные к тому же помогать хозяину в бою, кусая противников и их коней, пуская при надобности в ход мощные копыта. Смена лошадей помогала совершать стремительные переходы и отрываться от преследования противника, а это, в свою очередь, нередко сохраняло жизнь и приносило победу.

Петля между повозками, словно степной уж из своего гнезда, войско медленно выползло из стана. Лошади постепенно набирали ход. Воинский отряд уходил все дальше и дальше, пока не стал похож на тонкую нить, чернеющую на зеленом травяном покрывале, а вскоре вовсе растворился в бескрайней степи.

Войско ушло, а с ним и верный соратник Горд. Его отсутствие отозвалось в душе Евнона еще большей тоской и пустотой. Из близких людей, способных поддержать его, остались только сын Умабий и жена, но она сама нуждалась в поддержке. А может, все-таки стоило возглавить поход? Война могла бы отвлечь от горьких мыслей и залечить сердечную рану... Нет. Евнон чувствовал – надо побыть одному. Но это ему не удалось.

В то время как войско скрылось за линией горизонта, с противоположной стороны показался отряд, состоящий из четырех десятков вооруженных всадников и такого же количества погонщиков, сопровождающих караван верблюдов и лошадей, навьюченных тюками с товаром. Весть о его приближении застала Евнона сидящим в одиночестве под навесом, где недавно лежало брненное тело его сына. Квинт, худощавый черноволосый римлянин с большими карими глазами, прервав раздумья вождя, доложил о прибытии гостей. Евнон неспешно поднялся, вышел навстречу. Гостем оказался старый знакомый – боспорский купец Ахиллес по прозвищу Непоседа. Предводитель аорсов не считал для себя зазорным самому встретить торговца. Сопровождение караванов, сбор за проезд по землям аорсов и мена с соседями давали прибыток не меньший, а порой больший, чем военная до-

быча и наемная служба. Аорсам было что предложить. Реки Дан¹⁷ и Ра были полны рыбы, в степях паслись тучные стада лошадей, овец, коров. Изделия из кожи, шкуры, скот, рыба менялись на одежду, ткани, вино, специи, посуду, драгоценные вещи и другие товары, производимые как ближними, так и дальними соседями. Торговый путь из Индии и Вавилона через Мидию и Армению к Танаису частично проходил по землям нижних аорсов и обогащал их, по этой причине Евнон дорожил дружбой с купцами и радушно встречал у себя в стане.

Ахиллес Непоседа, низкорослый, лысоватый, курчавобородый грек в пышных одеждах, не дойдя двух шагов до Евнона, остановился, приложил ладонь правой руки к груди, поклонился:

– Приветствую тебя, царь аорсов! Благополучия и процветания твоему народу! Долгих лет жизни тебе и твоему семейству!

Лицо вождя нахмурилось, доброжелательный взгляд стал холодным. Ахиллес своими словами невольно напомнил ему о смерти сына. Это длилось лишь мгновение. Евнон справился со своими чувствами, выражение глаз потеплело:

– И я приветствую тебя, Ахиллес! Что привело купца в мой стан?

– Дела задержали меня в Горгиипии, мне не удалось застать тебя у Танаиса. Отправляясь в дальнейшее путешествие, я

¹⁷ Дан – предположительно сарматское название реки Дон.

решил сделать крюк и навестить великого царя аорсов.

– Благополучной ли была дорога?

– Слава богам, ничто не омрачило наш путь.

– Что ж, не буду мучить тебя расспросами. Отдохни с дороги и раздели со мной трапезу. – Евнон, слегка повернул голову, бросил стоящему позади Квинту:

– Распорядись. И предупреди Донагу.

Склонив голову, римлянин удалился.

– О царь, прежде позволь преподнести тебе дары. – Боспорец поднял руку вверх, щелкнул пальцами.

Аорсы, у подножья бугра, с любопытством поглядывали в их сторону. Всех, от мала до велика, мучил вопрос: «Чем одарит боспорский купец вождя?»

Повинуясь жесту Ахиллеса, слуги поставили у ног Евнона две амфоры с вином, серебряный набор, состоящий из кувшина с ручкой в виде грифона и двух чаш. К ним слуги присоединили плетеную корзину со сладостями из далеких южных стран. Затем настала очередь резной шкатулки из ливанского кедра.

Ахиллес принял ее от слуги, открыл крышку, поднес дар вождю.

– Это то, что ты просил. Скарабеи и фигурки из таинственного Египта, перстень из Пантикапея и зеркало из Ольвии для тебя. Бусы из желтого камня – янтаря с берегов Свевского моря, золотые серьги, изготовленные дакийским

мастером¹⁸, коробочка с благовонием и коробочка для игл и булавок для царицы. – Ахиллес подозвал еще одного слугу: – Ну и конечно же меч из Херсонеса для старшего сына!

Лицо Евнона вновь помрачнело:

– Мой сын умер.

– Туракарт?! – Боспорец склонил голову. Весть огорчила его. Он был дружен с сыном предводителя, ему нравился жизнерадостный и общительный молодой аорс. Ахиллес надеялся, что это знакомство могло в будущем пригодиться ему. Если купец хочет, чтобы дела шли удачно, он должен уметь считать деньги, заглядывать далеко вперед и иметь обширные, а главное, нужные связи. – Прости, царь. Не знал... Мое сердце скорбит с тобой. – Ахиллес взял меч у слуги, преклонил колено, положил на землю с остальными дарами. – Пусть он послужит твоему младшему сыну.

– Такой дар обрадует Умабия.

К Евнону подошел Квинт:

– Господин, все готово к приему гостя.

– Благодарю за подарки. А теперь пора утолить голод. –

Евнон направился под навес. Купец и римлянин последовали за ним.

Под навесом, на кошме уже постелили зеленую скатерть, на которую поставили посуду и еду. Хлебные лепешки, запеченная в углях рыба, куски жаренного сочащегося жиром

¹⁸ Даки – в древности северофракийские племена, расселявшиеся к северу от Дуная до отрогов Карпат.

мяса, сыр, вино, шипучий кислый напиток из кобыльего молока вызвали у боспорца чувство неумеренного аппетита. Он с превеликим удовольствием принял приглашение вождя присесть напротив, на приготовленную для него подушечку, и утолить голод.

Ахиллес отдал должное угощениям. Поджав ноги под себя, как это делали кочевники, он ел жадно, будто торопясь. Евнон едва притронулся к пище. Закончив с кушаньями, вновь перешли к разговорам. Первым заговорил вождь аорсов:

– С прошлой весны не виделись мы, Ахиллес. Где ты находился все это время и куда держишь путь теперь?

– Немало всего случилось со времени нашей последней встречи. Я побывал в Афинах и Александрии Египетской, продал и приобрел много товара, но на обратном пути случилась неприятность. Буря выкинула мой корабль на берег, неподалеку от Иоппии. Благо, товар не пострадал. Видимо, я чем-то не угодил Яхве.

– Кто такой Яхве?

– Это бог иудеев.

– Видно всемогущ этот бог, если может вызывать бури.

– Он не раз спасал иудеев, и кто знает, может, со временем вера в него распространится далеко за пределы Иудеи и достигнет великой реки Ра, на которой ныне расположен твой стан.

– А ты дерзок, Ахиллес. Запомни, у нас есть своя вера!

Нам чужие боги не нужны.

– Ты прав, царь, у каждого народа своя вера. Я много путешествовал и видел разрушенные храмы старых богов, вера в которых похоронена под руинами времени. Видел великолепие и богатство нынешних богов Рима, Парфии, Греции, других государств и народов. Но я также слышал о новых богах и зарождающихся верованиях, видел их последователей. Возможно, пройдет время, и они придут на смену нынешним богам.

– Это что же за такие верования?

– Они разные. Одно из них родилось недавно в Палестине. Принявшие его верят в Иисуса Христа – богочеловека, творившего на земле чудеса, помогавшего людям и исцелявшего их от болезней, а после казни его прокуратором иудеи Понтием Пилатом, воскресшим и вознесшимся на небеса.

– Жаль, в моем племени нет такого человека. Может быть, он и для меня совершил бы чудо и воскресил моего Туракарта. – Царь замолчал, вперил задумчивый взор в один из стоявших на скатерти сосудов.

Ахиллес прервал тягостное молчание:

– На сей раз мой путь лежит на восход солнца, за Оксиданское озеро.

– Зачем тебе отправляться в столь далекое и опасное путешествие? Неужели торговля в Танаисе и Пантикапее не приносит тебе дохода?

– Разве мне, купцу, которого все называют Непоседой,

пристало сидеть на месте? Не только прибыль влечет меня в далекие путешествия, но и мое любопытство. Таким вот беспокойным произвели меня на свет мои родители. Отец еще ребенком переселился с дедом из Пелопоннеса на берега Понта. Как и дед, он многие годы служил в войске боспорских царей. Эту участь уготовили и мне. Отец мечтал, чтобы я стал великим воином и даже назвал меня именем легендарного героя бывшей родины. Слышал ли ты, царь, о великом Ахиллесе?

– Нет, но с удовольствием послушал бы рассказ о нем.

– Это сильнейший из воинов Эллады. Он был сыном царя Пелея и богини Фетиды. В детстве мать окунала его в подземную реку Стикс, отчего тело мальчика стало неуязвимым. Лишь только пятка, за которую она держала дитя, не омылась чудодейственной водой. Когда он повзрослел и прославился своей силой, собрались греки идти войной на Трою. Но мать, зная, что ему предначертана смерть под стенами этого города, спрятала Ахиллеса, переодетого в женские одежды, среди дочерей царя Ликомеда. Греки же узнали об этом и хитростью заставили Ахиллеса раскрыть себя. Он отправился с ними под Трою и там прославил себя множеством подвигов и победил множество врагов, в том числе и Гектора, сына троянского царя и великого воина.

Боспорец восторженно, приложил указательный палец к виску.

– Чуть не забыл. Среди тех, кого он победил в поедин-

ке, была прекрасная царица амазонок Пенфесилия, пришедшая со своими девами-воительницами на помощь троянцам. Так вот, аэд¹⁹ Гомер, поведавший нам эту историю, говорил, что пришли амазонки с берегов Понта. А знаменитый ученый Геродот утверждает, что савроматы, родственные вам народ, когда-то живший в этих местах, произошел от смешения крови скифов и амазонок. Выходит, царь, мои и твои предки встречались под стенами Трои.

– Да-а, видно предки, как и мы, ходили в дальние походы и нанимались на службу к другим царям. А это значит, что воины наши ценились во все времена, – задумчиво произнес Евнон, вспомнив свою службу владетелям Армении.

Ахиллес, отпив из деревянной чаши с золотыми лепестками-накладками бодрящего кислого напитка кочевников, ответил:

– Это так, степные воины во все времена славились своим умением сражаться на коне. Как свидетельствуют ученые мужи греков: древний народ киммерийцы, пришедший из степей, и скифы заставляли содрогаться Урартское царство, Ассирию, Фригию и даже Египет. Мидия, Ликия и та же Ассирия почитали за честь иметь у себя отряды этих отважных всадников.

– От сарматских воинов тоже еще никто не отказывался... И насчет древних женщин-воинов скажу так. Может, и пра-

¹⁹ Аэды – в Древней Греции сочинители певцы, исполнявшие эпические песни под аккомпанемент струнного инструмента.

вы ваши ученые мужи, но я о таком племени не слышал. Знаю одно – многие из сарматских женщин и поныне владеют оружием наравне с мужчинами. Но ты не сказал мне, что же случилось с Ахиллесом?

– Брат Гектора, Парис, сразил героя стрелой в пятку, единственно уязвимое место на его теле.

– Жаль воина. Велика была его сила, так же велика, как и твои познания.

– Они скромны, царь, но некоторыми знаниями я обладаю. Мой отец ошибся, дав мне столь славное имя, поскольку родился я ребенком хилым. Впрочем, не отличался здоровьем и в последующие годы. Ростом, силой и ловкостью я отставал от своих сверстников. Военная служба меня не привлекала, зато тянуло к языкам, наукам и путешествиям. Для познания большего следовало познать мир, а это лучше всего сделать, будучи купцом. Я приобщился к торговле и вполне успешно, доходы мои выросли. Это позволило мне купить корабль и посетить многие дальние страны. Вот и теперь, прочитав описанное Геродотом путешествие Аристея из Проконесса в восточные земли, я решил отправиться в далекий Китай.

– Но почему ты повернул ко мне? Есть путь короче – через земли аорсов вдоль берега моря.

– Я хотел лично доставить заказанные тобой изделия, подарки и выказать свое почтение. Кроме того, мне нужна помощь. Чтобы добраться до Китая, мне предстоит преодолеть

земли множества племен: верхних аорсов, алан, называющих себя асами, гуннов, а посему я прошу посодействовать мне. Я знаю, что царь нижних аорсов дружен с царем верхних аорсов и имеет родственные связи с предводителем одного из аланских племен. Это могло бы сделать безопасным часть пути.

– Я помогу. Воины проводят тебя до владений моего зятя Бахтава.

– Благодарю за помощь. Позволь мне вручить тебе еще один подарок. От боспорского царя Митридата. Прикажи своему помощнику принести. Мой распорядитель знает, где найти его.

Евнон посмотрел на Квинта, кивнул головой. Римлянин вернулся со свертком, который по просьбе купца передал вождю.

– Прими это в знак дружбы от царя Боспора.

Евнон развернул синюю тряпицу. Подарком боспорского царя оказался золотой ковш с изогнутой ручкой в виде змеи. На стенках сосуда золотые всадники с собаками охотились на кабанов и зайцев. Предводитель аорсов удовлетворенно покачал головой:

– Хорошая работа. Достойный дар.

– Из такого ковша не зазорно испить даже римскому императору.

– Такая чаша украсит пояс любого сармата. Передай Митридату мою благодарность за столь ценный подарок.

– Непременно, царь, но прежде я хотел бы от имени своего господина – боспорского царя Митридата, спросить...

– А ты, я вижу, не только торговлей занимаешься...

– Я смею называться твоим другом, повелитель аорсов, но я верный слуга своего царя.

– Продолжай. Что хочет Митридат?

– Он спрашивает, поддержишь ли ты его в случае войны с Римом, как некогда твой славный предок Спадин, что привел двести тысяч воинов в помощь боспорскому владельцу Фарнаку? Царь Боспора готов оплатить помощь и просит тебя вспомнить, что в нем, как и в тебе, течет сарматская кровь.

– Не все измеряется драгоценностями. Его союзники сираки, наши враги. Это воины одного из их племени напали на войско аорсов, когда оно возвращалось из Армении, и смертельно ранили нашего походного вождя и моего друга Мазвараза! Да и в Армении они собирались воевать за парфян. Я не удивлюсь, если узнаю, что к этому их подтолкнули боспорцы.

– Но в то время власть в Пантикапее не принадлежала Митридату...

– Я подумаю. Ответ получишь по возвращении. Пока же отдыхай перед дальним путешествием. – Евнон поднялся, направился к выходу. Беседа с купцом отвлекла от горьких дум, но ему хотелось побыть одному.

У входа его ожидал Умабий:

– Я слышал ваш разговор с Ахиллесом. Ты не разрешил мне идти в поход, так позволь сопроводить купца до стана Бахтава.

«Вот упрямец! Разве его удержишь?» – Евнон махнул рукой:

– Езжай. Пусть путь твой будет подобен полету быстрокрылой птицы. Можешь погостить у своей сестры Хорзы до первых морозов, заодно поведаешь ей о смерти брата. Будем ждать тебя у Волчьих бугров.

Глава четвертая

Юношей приучают ездить верхом с самого раннего возраста, а хождение пешком считается достойным презрения. Благодаря такой подготовке они вырастают в искусных воинов.

Помпоний Мела

Умабий вернулся, когда желтовато-бурую шкуру степи, словно сединой, припорошило первым девственным снегом, а мелководные ерики покрылись тонкой прозрачной коркой льда. Пришла пора холодов. Пора большого сезонного переселения нижних аорсов в более теплые места, расположенные неподалеку от предгорий Кавказского хребта и в степях, прилегающих к берегам Танаиса, ближе к впадению его в Меотийское озеро.

Возвращение Умабия было необычным. Он вернулся не

один, с Ахиллесом. Аорсы с недоумением смотрели на пять десятков всадников на исхудалых, едва переставляющих ноги конях. Отсутствовали верблюды и лошади, груженные товаром. Из тех, кто ранее сопровождал купца, вернулись один из слуг и несколько воинов Умабия. Остальные, судя по одежде, оружию, доспехам и русым волосам, стриженным короче, чем у аорсов, являлись аланами. Лица незнакомцев угрюмы. В племени поняли – случилась беда.

Евнон вышел навстречу. Он удивился, когда увидел Ахиллеса в рваной, испачканной сажей одежде. Голову купца прикрывала грязная тряпка, намотанная в виде тюрбана. Боспорец остановил лошадь, стал медленно с нее сползать. Пожилой слуга пришел на помощь хозяину. Придерживая хромящего Ахиллеса, он подвел его к Евнону. Только теперь вождь заметил окровавленную повязку на голени купца. Неясное предчувствие чего-то нехорошего, вот также тревожившее сердце за день до смерти старшего сына, снова посетило его. Взволнованным голосом он спросил:

– Что случилось? Ты ранен?!

– Боги оказались ко мне менее благосклонны, чем к Аристею из Проконесса. Благодаря оказанной тобою помощи я прошел земли верхних аорсов и алан, но уже за Оксианским озером неподалеку от реки Яксарт²⁰ мне повстречался китайский купец Линь Цзы. Он рассказал, что племена хунну, то есть гуннов, охватило безумие; сначала они дрались

²⁰ Яксарт – древнее название реки Сырдарья.

между собой, а теперь направили гнев на соседние народы. Эти злобные кентавры не щадят никого; убивают стариков, женщин, детей, грабят купцов. Это великая опасность, скептух...²¹ – Лицо Ахиллеса на миг сморщилось. Рана напомнила о себе. Переведя дух, боспорец продолжил: – Они многочисленны, их кони быстры, а стрелы, выпущенные из их луков, пробивают любые доспехи...

– Что случилось дальше? – произнес Евнон нетерпеливо. Недоброе предчувствие не покидало его.

– По вине этих свирепых наездников китаец потерял часть вьючных животных, поклажи, людей, и если бы не случайно оказавшийся там отряд воинов ал-лан-ай, этим именем Линь Цзы назвал алан, то он лишился бы всего своего товара. То, что рассказал китайский купец, испугало меня и заставило повернуть назад. В обратный путь я отправился в сопровождении нового друга, он держал путь к Танаису через земли народа янтсай – этим именем китайцы называют всех аорсов.

– Судя по твоему виду, беды не закончились?

– Ты прав, Евнон. Нам удалось целыми и невредимыми добраться до стана твоего родственника Бахтава, а дальше случилась беда...

– Что?! Что случилось?! Что с Хорзой, Бахтавом, племянниками?! Говори!

– Ночью на стан напали соседи. Их называют гладкоголовыми, потому что воины этого племени в отличие от остальных

²¹ Скептух – племенной вождь у сарматов.

ных алан бреют головы. Они грабили и убивали. Убили и Линь Цзы. От смерти меня спас твой сын. Мне с трудом удалось выбраться из этого царства Аида и присоединиться к его отряду.

– Умабий! Он с тобой?!

– Да. Дальше его черед поведать тебе о том, что произошло. – Ахиллес выдохнул, будто скинул с себя тяжелую ношу.

– Где он?! – вождь сорвался на крик. После смерти Туракарта от прежнего спокойствия не осталось и следа. Пробежав взглядом по лицам прибывших с боспорцем людей, он попытался отыскать сына.

Ахиллес шагнул в сторону. Расступились воины, стоявшие за ним. Сердце Евнона сжалось от боли. Перед ним стояли Умабий в кровавых повязках, несколько израненных соплеменников, коих он посылал сопровождать Ахиллеса, и два малолетних сына Хорзы и Бахтава – Удур и Росмик. Оборванные, грязные мальчишки казались испуганными. Голова Умабия опущена; чувство вины перед родителями заставило его потупить взор. Второй раз в этом году привез он им печальную весть. Смалодушничал, спрятался за спиной Ахиллеса, пытаясь уйти от неизбежного, но это не спасло от ответа.

Евнон подошел к сыну. Умабий поднял голову, глядя в глаза отцу, заговорил:

– Племя Бахтава давно враждовало со своими сородича-

ми, аланским племенем гладкоголовых. Год назад Бахтав заставил их бежать с поля боя. Они запросили мира и поклялись не поднимать против него своих мечей. Их слова оказались лживыми. Им нужна была передышка. Они воспользовались ею для поиска союзников...

Эти подлые шакалы напали ночью, ближе к рассвету. Гладкоголовые знали все о расположении нашего стана. Днем к нам прибыл небольшой отряд – посольство от их предводителя Шаруда. Он просил оказать ему помощь в борьбе против молодого вождя Базука, быстро набирающего силу и уже подчинившего себе несколько аланских племен. Бахтав обещал подумать и оставил гостей до утра. В этом и был их расчет. Те, кто находился внутри стана, помогли тем, кто напал со степи. Чтобы отличать своих воинов от чужих, гладкоголовые намазали бритые головы мелом. Казалось, это злые духи ворвались в наш стан...

Умабий замолчал. Перед его взором стремительно пронеслись картины той страшной ночи: крики, плач детей, звон оружия, пылающие шатры и повозки, люди, мечущиеся между ними, разъедающий глаза дым, приторный запах горелого человеческого мяса и белые головы всадников, несущих смерть. Картины следовали одна за другой. Он вновь видел, как дюжина воинов, во главе Бахтавом, яростно отбивается от гладкоголовых. Как сестра Хорза мечом пытается защитить детей, но падает на землю сраженная дротиком. Как Бахтав хватается копьё, которым гладкоголовый хо-

чет пронзить его, выдерживает противника из седла, и, пой-
мав вражеского коня, подводит к Умабию: «Сохрани сыно-
вей!» Это были его последние слова. Умабий видел, как меч
Шаруда прервал жизнь мужа сестры.

– Почему ты замолчал?! Что случилось с Бахтавом и Хор-
зой?! – с дрожью в голосе спросил вождь. Он уже знал, что
ответит Умабий. Беда снова пришла к нему. Злой рок пре-
следовал его. Смерти отца, сына, дочери следовали одна за
другой. Евнон услышал то, чего боялся.

– Они убиты. Многие наши воины тоже... Я привел толь-
ко семерых. С ними и несколькими воинами Бахтава мне с
трудом удалось уйти от погони и... – Умабий качнулся. Один
из воинов попытался прийти ему на помощь, но он отстра-
нился.

Позади Евнона раздался крик Донаги, запричитали жен-
щины. Евнон одеревенелыми ногами подошел к сыну, обнял.
Тело Умабия обмякло, стало оседать. Раны и дальняя дорога
измотали молодого воина. Умабий еще чувствовал, как отец
бережно опустил его на землю, он слышал, как он крикнул:
«Зимегану сюда! Газнаю! Быстро!» После этого наступила
темнота...

* * *

Сознание к Умабию возвратилось не сразу. Первый раз
он очнулся внутри тускло освещенного шатра. Из туманной

кратковременной яви ему запомнилась лишь черноволосая, голубоглазая жрица Зимегана. Держа в одной руке чашу, из которой то и дело пытались выпрыгнуть крохотные языки пламени, в другой – глиняную курильницу с тлеющими травами, источающими сладковато-пряный аромат, она медленно раскачивалась, рисуя в воздухе над его телом таинственные знаки. При этом она беспрестанно повторяла одни и те же неизвестные Умабию слова. Монотонное тягучее их повторение и усыпляющий, шипящий голос сделали свое дело – сам того не заметив, он снова погрузился в забытие...

Очередное пробуждение, окончательно вернувшее сознание, не принесло облегчения. Боль, причиняемая ранами, утихла, но проснувшиеся воспоминания о смерти близких людей с новой силой стали терзать сердце. Умабий сомкнул веки, стиснул зубы, застонал.

Когда душевные страдания отступили, он вновь открыл глаза и попытался определить, где находится. Это была крытая войлоком повозка. Она двигалась. Об этом говорили мерное покачивание и скрип колес. В кибитке было сумеречно и душно. Спертый воздух пах кожей, сухой травой и бараньей шерстью. Он прислушался. Снаружи доносились редкие голоса людей, ржание лошадей и блеяние овец. Тонкая полоска света боязливо проникала сквозь узкую щель у входа. Умабий приподнялся на локтях и, вытянув шею, попытался увидеть происходящее вне его временного пристанища. Ветер угадал желание, откинул занавес, окатил мороз-

ной струей. Из-за спины возникшего, в котором он узнал слугу боспорского купца, ему удалось разглядеть рогатые головы волов, тянущих повозку, белую гладь заснеженной степи, по которой медленно тек темный ручей из людей, животных, повозок, и красно-розовый диск солнца, уплывающий за линию горизонта. Это значило, что племя Евнона движется на запад. Справа послышался кашель. Умабий повернул голову. В свете заката он увидел Ахиллеса. Купец лежал у противоположного бортика. В следующее мгновение ветер ослаб, занавес вернулся на место, полутьма вновь заполнила все внутреннее пространство кибитки.

– Безмерно рад видеть пробуждение своего спасителя. Приветствую тебя, мой друг! – высокопарно произнес купец, слегка осипшим и ослабевшим голосом. Он не зря назвал Умабия спасителем. Если бы воины сына Евнона случайно не наткнулись на беглецов, то кости Ахиллеса и его слуги, лежали бы обглоданные зверями в диких степях, далеко за рекой Ра.

– Давно ли мы в пути?

– Стан покинули на следующее утро после нашего прибытия. Получается, второй день... – Боспорец откашлялся. – Все это время ты находился между жизнью и смертью. Жрица Зимегана сказала, что тебе вряд ли суждено выжить...

– Я помню ее.

– Евнон расстроился. В один год он потерял сына и дочь. Твоя смерть сделала бы его еще несчастнее. Но Газная – по-

мошница главной жрицы, взялась излечить тебя. Эта милая девушка смогла вернуть тебе жизненные силы. То, что ты вновь открыл глаза и увидел свет солнца, ее заслуга...

– Ее я не помню.

Временное небытие спрятало от Умабия старания знахарки. Он часто общался с девушкой-сиротой и даже знал один из ее секретов. Заключался он в тайных встречах Газнаи с Гордом. Случайным свидетелем одной из таких встреч на пустынном берегу реки он стал. Умабий не знал, по какой причине они скрывают от других свои чувства, но о виденном предпочел молчать.

– Этот Асклепий в обличие девы творит чудеса... К вечеру того дня, когда мы прибыли в стан твоего отца, на меня напал озноб. Ночью тело охватил жар. Ужасный кашель разрывал мне грудь, боль в ноге не давала спать. К утру силы оставили меня. Надо полагать, это следствие наших переправ через степные реки. Холодная вода и пронизывающий ветер сломили мое здоровье. Боспорский купец не обладает выносливостью сарматских воинов. – Кашель на короткое время прервал речь. – Когда аорсы тронулись в путь, Евнон поместил нас в эту повозку и повелел Газнае ухаживать за нами. Благодаря ее заботе мое самочувствие улучшилось...

Повозка дернулась, встала. Ахиллес замолчал, некоторое время прислушивался к тому, что происходит за ее пределами, затем хрипло крикнул:

– Эй! Что случилось?!

– Приехали, господин. Царь велел остановиться на отдых...

* * *

Евнон решил заночевать у мелководного ильменя, покрытого молодым ледком. Стан окружили повозками. Внутрь загнали часть скота и лошадей. Развели костры.

Опасаться врагов не приходилось, но аорсы следовали давно заведенному порядку. Поставленные по кругу повозки служили препятствием хищникам и неприятелям, давали чувство защищенности. Но больше воины надеялись на свою силу и умение владеть оружием, чем на защиту повозок, которые готовы были оборонять до последнего вздоха. Эти громоздкие войлочные жилища на четырех и шести колесах, в которых сарматы перевозили скарб и свои семьи, по сути, и являлись их родным очагом и домом.

Вскоре после остановки больных навестила круглолицая Газная. Она пришла в обычной одежде сарматок: штанах, рубахе, длиннополой куртке. Обнаружив, что Умабий очнулся, помощница жрицы заулыбалась, искренне радуясь его выздоровлению. Газная пришла не с пустыми руками. В глиняном кувшине, который она принесла, оказалось молоко. Девушка взяла две чаши, лежавшие тут же в повозке, наполнила, подала Умабию и Ахиллосу.

Молоко было горячим – обжигало губы, горчило, пахло

травами. Умабий поморщился.

– Пейте, пейте. Вам надо обязательно выпить это молоко, оно излечит, придаст силы.

Умабий поддался уговорам девушки. От горячего напитка бросило в пот. Отдавая чашу, он сказал:

– Благодарю тебя за заботу о нас.

– Я не одна, мне помогали Пунгра и слуга Ахиллеса. – Целительница смущенно опустила голову и поспешила покинуть повозку.

Отсутствовала она недолго. Газная пришла с Пунгрой и слугой купца.

Слуга явился, чтобы зажечь стоящую на бронзовом блюде масляную лампу, изготовленную в виде небольшого сосуда из глины. Он долго возился с кресалом и кремнем, прежде чем пропитанный жиром фитилек дал жизнь маленькому коптящему пламени. Огонек колыхался из стороны в сторону, словно дитя на неокрепших ногах, цеплялся за фитиль, как за свою мать. Слуга завел разговор с Ахиллесом, но Пунгра выпроводила его из повозки. Пора было кормить больных. Женщины принесли лепешки и две большие чашки густого мясного отвара. И вовремя. И Умабий, и Ахиллес, под действием горячего молока с травами, почувствовали прилив сил. В голове зашумело как от кувшина крепкого вина, к этому прибавилось непереносимое чувство голода.

Темнота быстро окружила стан. В повозке, при тусклом свете лампы, насытившийся Ахиллес развлекал Пунгру, Га-

знаю и Умабия рассказами о своих приключениях и путешествиях в Сирию, Египет, Грецию и величайший из городов Рим. Все присутствующие с большим вниманием слушали купца. Только Пунгра время от времени кряхтела и недоверчиво покачивала головой. Особенно его рассказы увлекли Умабия. Обладая пытливым умом, он, словно изнуренная засухой степь дождевую влагу, впитывал все, что говорил купец, пытаясь представить себе многолюдные города с огромными домами, выложенные камнем дороги и неприступные стены крепостей. Но ему – сыну степей, ни разу не видевшему ничего подобного, это плохо удавалось.

– Мне бы тоже хотелось побывать в Риме, – мечтательно произнес он, когда Ахиллес закончил рассказ. – Но этому не суждено сбыться, – в голосе юноши читалась грусть и уверенность в недостижимости своей мечты.

– Если сильно во что-то верить и стремиться к этому, то оно обязательно сбудется. Но помимо веры и стремления желательно многое знать и уметь. Например, научиться изъясняться на других языках. Настанет время, и ты побываешь в Великом городе, – попытался обнадежить юношу боспорец.

– Пожалуй, придется просить Горда и Квинта научить меня говорить на языке римлян, но вряд ли такая наука мне по силам, – в словах Умабия послышалось разочарование, – да и согласятся ли они...

– Кое-чему тебя научу я. Что же касается Квинта и Горда, то думаю, тебе стоит попросить отца, уж ему-то они не

откажут.

– Кто и о чем хочет просить меня? – раздался голос Евнона, а через мгновение он и сам протиснулся в повозку, в которой и без того было тесно. Пунгра и Газная поспешили удалиться. Когда они ушли, Евнон обратился к Умабию:

– Рад видеть, что ты выздоравливаешь. Надеюсь, вскоре сядешь на коня, и мы подумаем, как отомстить нашим врагам. – В глазах Евнона на миг мелькнули огоньки гнева.

Умабий знал – это не пустые слова – отец сдержит обещание.

– Я готов, – решительно сказал он и даже попытался встать, но резкая боль в бедре и боку откинула его назад.

Евнон невольно усмехнулся.

«И все же, как сильно он похож на Туракарта – даже ежеминутной готовностью к опасности и нетерпеливостью».

– Не торопись. Выздоровливай, набирайся сил. Придет весна и тогда...

После непродолжительного молчания вождь повернулся к купцу:

– Как самочувствие, Ахиллес?

– Благодаря твоим заботам, царь, и лекарскому искусству жрицы Газнай, силы возвращаются ко мне. Надеюсь, когда мы доберемся до Танаиса, кашель мой пройдет и рана на ноге затянется, а когда я вернусь в Пантикапей, то и вовсе буду чувствовать себя Ахиллесом Мирмидонянином.

– Ты не собираешься погостить у меня до полного выздо-

рования?

– Прости, царь. Думаю, мне надо поскорее вернуться, чтобы покрыть убытки, понесенные в столь неудачном путешествии. И я надеюсь доставить Митридату твой ответ.

– Скажи царю, я ему не враг, но его сторону не приму. Боспорские правители непостоянны, они то склоняются к Риму, то стараются уйти из-под его власти, зачастую делят трон между собой. Ты сам пугал меня опасностью, грозящей с востока, получается, мне нужен сильный и надежный союзник. Этим союзником может быть Рим...

* * *

По прошествии нескольких дней племя Евнона достигло берегов Дана и расположилось зимним станом неподалеку от боспорского города Танаис. Вскоре вернулось возглавляемое Гордом войско. Поход оказался удачным. Воины привезли немало добычи, половина из которой, в основном шкуры лесных зверей, вскоре обменяли у танаисских купцов на вино, посуду, украшения, ткани, оружие. Выгодно обменять добычу аорсам помог Ахиллес, поимев с этого толику прибýtка и для себя. Выздоровевший и окрепший, он вскоре покинул стан Евнона. Купец не упал духом. Он потерял товар, но сохранил самую важную драгоценность – жизнь.

И она продолжалась. Время – ветер, его не остановишь, как коня на скаку. Пролетели холодные, но спокойные дни,

со стороны жарких стран пришла в степь юная, полная сил весна и прогнала состарившуюся соперницу зиму дальше на север. Мол, погуляла по раздолью, пора и мне. Дохнула волшебница теплом, растопила белый покров, скрывающий тепло земли. Задышала обогретая солнечными лучами степь, покрылась молодой, зеленой травой.

Умабий радовался весне. За зиму он не только набрался сил, но и приобрел знания. Квинт, продолжая дело Ахиллеса, обучал его греческому языку и латыни. Рассказывал римлянин и о своей родине и ее истории. Поведал он и о своей жизни со дня появления в племени аорсов.

Это случилось в Армении. Квинт Меллий, будучи военном римского легиона, прибыл в эту страну на помощь Митридату – брату иберийского царя, задумавшему вернуть себе армянский престол. В один из дней Квинта назначили в караул. Утомленный тяжелым переходом молодой воин не заметил, как уснул на посту. Квинта разбудил центурион – предводитель сотни, он-то и приказал сопровождавшим его легионерам схватить нарушителя воинского порядка. По законам Рима за такой проступок полагалось суровое наказание – битье палками. Центурион пообещал добиться того, чтобы его прогнали сквозь строй когорты. Квинта ждала горькая участь. Выдержать удары полутысячи легионеров было подобно смерти. Но Фортуна, богиня удачи, повернулась к нему лицом. Перед рассветом легион подняли по тревоге: стало известно о подходе вражеского войска. В сума-

тохе Квинту, не без помощи служившего в этом же легионе друга, удалось бежать. Два дня он скрывался в горах, на третий, обессиленный и голодный, попал в плен к сарматским конникам. Они сохранили римскому воину жизнь; с ними он отправился в далекий путь на север, в дикую страну степей. Таким образом, римский гражданин Квинт Меллий оказался в племени аорсов, среди которых ему, возможно, предстояло прожить остаток жизни.

Аорсы же из племени Евнона благополучно пережили зиму, потеряв лишь незначительное количество скота от нападений волков. И вот теперь, как и в предыдущие годы, они стали собираться к перекочевке на север. На этот раз к ним присоединились воины других племен, подчиненных Евнону. Вождь готовил поход на восток. Кровь дочери Хорзы и ее мужа Бахтава взывала к отмщению, а присутствие сирот Удура и Росмика напоминало об этом. Прежде чем свершить задуманное, Евнон решил обратиться к Зимегане, жрице племени.

В ответ на просьбу Евнона предсказать, чем закончится поход в земли алан, Зимегана съязвила:

– Я думала, что предводитель аорсов поклоняется только мечу-скимитару и не нуждается в помощи верховной жрицы.

Вождь нахмурился, не для этих разговоров он пришел.

– Я поклоняюсь тому, чему и все аорсы. Меч же есть один из символов поклонения. Обычай почитания воинами скимитара пришел к нам от скифов, поклоняются ему и аланы.

Меч есть защита, достаток и слава племени.

Евнон повернулся спиной, собираясь уйти.

На миг в душе Зимеганы вспыхнуло и тут же погасло забытое чувство любви к этому рано поседевшему и постаревшему, но все такому же статному и гордому, как и в молодости, человеку. К тому, кто отверг ее, кого она ненавидела и чьей смерти желала. Ах, если бы много лет назад он ответил на искренние чувства Зимеганы, то, возможно, она была бы женой вождя... Все случилось иначе. С поры первой влюбленности желала она Евнона, подрастала, хорошела, ждала, когда он обратит на нее внимание. Не обращал, любил другую. Тогда пришлось прибегнуть к тайным знаниям, переданным ей покойной матерью. Зимегане удалось опоить молодого воина красавца и заполучить его в свои объятия. Он мог бы стать ее первым и единственным мужчиной, но чары оказались слабыми. Еще не случилось то, чего она страстно желала, когда Евнон вышел из дурманящего тумана и словно змею, брезгливо отшвырнул ее от себя. Посоветовав держаться от него подальше, он оставил ее лежать в одиночестве: плачущую, обнаженную и отвергнутую. Вскоре женой Евнона стала Донага. Сжигаемая жаждой мести Зимегана обратилась к Священному огню, ему же поклялась служить, отреклась от мужчин, у него же просила наслать кару на обидчика и отомстить за унижение. И высшие силы помогали ей; уже четверых детей потерял Евнон. Вот только его самого смерть обходила стороной, не помогали

ни высшие силы, ни колдовские проклятья. Евнон благополучно вернулся из Армении и даже стал вождем. Зимегана не собиралась с этим мириться, теперь она обрела союзника – Даргана. С его помощью жрица надеялась расправиться с Евноном и обрести власть, которой, как рассказывали предания, когда-то обладали женщины – жрицы племен, кочевавших в Великой Степи. В этом ей поможет Дарган, его при надобности можно будет смахнуть как былинку с одежды...

– Подожди! Я исполню твое желание!

Евнон остановился.

– Газная! – позвала Зимегана.

Из повозки выглянула помощница жрицы.

– Принеси ивовые прутья.

Зимегана в отличие от ее предшественника жреца Мазва-раза, гадавшего на внутренностях животных, предпочитала ивовые прутья.

Газная поспешила исполнить приказ. Путья были принесены, жрица взяла один из них, провела им вокруг себя. Шепча заклинания, она раскидала прутья внутри круга. Последний прут лег на землю, жрица замолчала. Изучив образованный ими рисунок, она закрыла глаза, начала вещать:

– Поход будет удачным. Твои враги будут побеждены. Но ты должен остаться. Тебе нельзя ступать на землю алан, иначе нить твоей жизни прервется. Пошли вместо себя Горда, а с ним своего сына. Пусть они уведут с собой алан, что служат тебе. – Зимегана открыла глаза. – Их с излишком появилось

среди нижних аорсов. Я не говорю, сколько их под рукой вождя верхних аорсов Фарзоя. Ты тоже окружил себя иноплеменниками. Это плохо. Прогони их. Я чувствую, они принесут нам беду.

– Позволь мне самому решать, кем себя окружать, кого прогонять и когда возглавлять войско! Не затем я пришел к тебе и не просил тебя предсказывать мою судьбу. Я готов ко всему. Воин должен с достоинством встречать смерть и не бояться ее. Что же касается алан, скажу тебе. Они того же сарматского языка, что и мы, хоть и немного отличного, и они – из лучших бойцов среди сарматских племен.

Евнон на миг задумался, затем продолжил:

– Вот о чем хочу спросить тебя. Сможешь ли ты поведать, что ждет аорсов в будущем?

Зимегана собрала, а затем вновь раскинула прутья:

– Я слышу голос земли! Она вещает, что племена не единожды будут сменяться на ней. Нам недолго осталось владеть землею наших предков. – Жрица подошла к Евнону, указала на реку.

Дан, взломав темный пористый с полыньями-прососами лед, угнал его в Меотийское озеро, и вот теперь, освободившись из плена, наполнился и, отодвинув берега, гордо катил свои воды на юг.

– Ты видишь, Дан? Ты видишь, как ветер гонит волны и как они набегают одна на другую? Вот так же ветер судьбы многие годы будет гнать со стороны восхода солнца много-

численные племена. И будут они сталкиваться между собой и теснить друг друга.

Пророчество жрицы заставило Евнона задуматься. Об угрозе с востока говорил и Ахиллес. Вождь поблагодарил Зимегану и неторопливо побрел в сторону от стана. Сейчас он предпочел остаться в одиночестве. Ему было о чем поразмыслить.

* * *

Когда племя Евнона и племена, подчиненные ему, перекочевали на восток к реке Ра, верховный вождь дал воинам кратковременную передышку перед походом.

По прошествии нескольких дней войско приготовилось к дальнему походу. Перед выступлением Евнон совершил обряд поклонения и жертвоприношения скимитару – священному мечу. Меч воткнули в землю неподалеку от могил предков. Преклонив колени, Евнон попросил бога войны об удаче и напоил его кровью жертвенного коня, щедро окропив ею лезвие скимитара. Воины обложили меч хворостом и подожгли. Когда очищающий огонь, облизав лезвие, угас, вождь поднялся с колен. Войско, ожидавшее окончания обряда жертвоприношения, издало боевой клич. Евнон с легкостью юноши вскочил на подведенного к нему коня. В кожаных штанах, расшитых узором по боковым швам, сапожках и в красной кожаной безрукавке поверх серой рубахи, он

походил на простого воина. Его отличали только пектораль и золотые браслеты на запястьях. Остальная одежда и доспехи находились в одной из легких повозок, следующих обозом за войском. В обозе везли и подарки для вождя верхних аорсов Фарзоя. Чтобы попасть в земли алан, войску предстояло пройти по его владениям, поэтому Евнон решил сделать крюк, навестить соседа и отблагодарить за возможность пройти по его землям. Но не только для этого понадобилась Евнону встреча. Невзирая на былые, ныне забытые, обиды (когда-то предки Фарзоя вытеснили предков Евнона с насиженных мест), возжелал он исполнить свою мечту и соединить брачным союзом племена верхних и нижних аорсов. Женихом юной дочери Фарзоя должен был стать Умабий.

Глава пятая

*...Готовил гибель и ему, и старейшинам народов,
чтобы забрать в свои руки единоличную власть...
Тит Ливий*

Евнон увел войско на восток, оставив вместо себя Даргана. Дарган упивался временной, но все же властью, надеясь на то, что случай вновь поможет ему, лишив жизни Евнона, как помог убрать с дороги его сына.

– Зимегана ждет тебя вечером в своем шатре.

Мечты Даргана прервала младшая жрица, тихо подошедшая к его повозке, у входа в которую он сидел. Дарган недо-

вольно поморщился. «Наглая дрянь, она не соизволила назвать меня вождем или господином». Вслух же повелительно произнес:

– Передай Зимегане, я приду на закате.

Газная поклонилась и торопливо зашагала к шатру главной жрицы. Шатер стоял особняком на краю стана. Зимегана не любила жить в повозке, как большинство соплеменников, и при первой возможности ставила шатер, чтобы быть поближе к матери Земле, которая, со слов жрицы, питала ее силой.

«Что понадобилось колдунье? – встревожено подумал Дарган. Со времени, как он вернулся с войском Горда, она ни разу не подошла к нему. – Зимегана говорила перед походом, что даст знать, когда придет время. Может, настала пора действовать?»

* * *

Дарган пригнулся, вошел в шатер. Жилище, освещенное внутри двумя лучинами, можно было бы назвать скромным, если бы не посуда из золота, серебра и бронзы, предназначенная для совершения священных обрядов. В остальном, обстановка состояла из развешанных по стенам пучков трав, сушеных лапок мелких птиц и животных, всевозможных амулетов из камня, дерева и кости. Особняком стоял деревянный сундучок и несколько различной формы глиняных

сосудов, а также корзина с крышкой, сплетенная из прутьев ивы, в которой что-то шипело и шуршало.

– Зачем звала? – кивнув жрице, произнес Дарган с плохо скрываемым недовольством.

«Кажется, будущий предводитель аорсов забыл, что старшую жрицу подобает приветствовать с почтением. Иначе судьба человека, проявившего неуважение, может измениться в плохую сторону».

Зимегана пронзила Даргана змеиным взглядом. Он смутился, опустил голову.

– Или ты забыл о нашем разговоре перед походом?

– Нет. Я слушаю тебя. – В голосе Даргана поубавилось присущей ему спеси.

– Разговор будет долгим. Садись. – Зимегана указала на кошомную постилку, на которой стояли кушанья и глиняный кувшинчик с вином.

Дарган опустился на кошму, подобрал ноги под себя. Жрица села напротив, разлила по чашам вино. Отпив из чаши терпкого, кисло-сладкого на вкус красного вина, Дарган резковато спросил:

– Почему мы столько времени бездействовали? Сколько еще ждать?

Нетерпеливость гостя начала раздражать Зимегану.

– Ты опять невежлив... Сиди, пей вино и слушай, что буду говорить я! – В ее голосе вновь появился металл.

Это заставило Даргана подчиниться. Жрица своим пове-

лительным тоном и поведением дала понять – он второй. Дарган осознал, что не ощутит всей полноты власти, пока будет находиться под влиянием этой женщины. Но он потерпит, а когда станет вождем...

– От торопливого охотника добыча бежит. Я уже говорила, ты узнаешь, что делать, когда настанет время. Я не собираюсь повторять вновь...

– Но почему мне нельзя попробовать стать верховным вождем? Думаю, самое время. Евнон ушел с войском в земли алан, а иной силы, способной противостоять мне, я не вижу. На моей стороне многие роды, знатные воины и старейшины, недовольные Евноном.

– Ты глуп. Хочешь стать повелителем при живом Евноне? Аорсы не поддержат тебя, и твоя власть будет кратковременной. Но это не все. Подумай, что будет, если он вернется со своим многоопытным войском? Тебе не быть вождем, пока он жив. – Зимегана замолчала, что-то обдумывая, а затем продолжила: – Будем ждать. Возможно, великое светило соблаговолит помочь нам. Евнон может не вернуться из похода, а Умабий еще слишком молод и неопытен. Опасность будет исходить только от Горда. Но, несмотря на то что воины уважают его, он чужак и нам без труда удастся изгнать его.

– А если Евнон вернется?

– Смерть будет ждать его. Ему не удастся избежать ее еще раз.

– Ты уже пыталась сделать это?

– Перед кочевкой он приходил ко мне и просил предсказать ему, чем закончится поход. Я постаралась отговорить его, но он остался таким же упрямым, как и раньше... Если бы он остался и отослал войско с Гордом и Умабием, то ты уже стал бы предводителем аорсов.

– С тобой? – Дарган усмехнулся.

– А что, разве я не могла бы быть женой вождя? – Зимегана одарила Даргана игривым взглядом, встала, взяла опустошенный кувшин и, покачивая бедрами, направилась к амфоре с вином. Дарган опешил. Такой неприступную и строгую жрицу он видел впервые. Но ведь и она женщина... Во время беседы Дарган не забывал о вине, до которого был большой охотник. Оно-то и заставило посмотреть на жрицу по-другому и навеяло мысли далекие от того, о чем они говорили.

Жрица нагнулась, чтобы наполнить кувшин. Льняная ткань длиннополой рубахи обтянула тугие ягодицы женщины. Дарган, наблюдая за ней исподлобья, облизнул губы. Вино окончательно прогнало внутреннюю робость, испытываемую многими во время общения с повелительницей змей. Теперь в нем проснулось иное чувство. Вожделение все больше и больше охватывало его. Ему захотелось взять ее здесь и сейчас. Схватить, поднять на руки, бросить на пол и грубо овладеть ею, доказав самому себе, что он не только не боится, а даже наоборот – может повелевать ею.

Когда Зимегана подошла и поставила кувшин, Дарган встал, шагнул к ней. Его длинные сильные руки обхвати-

ли ее. Она не сопротивлялась. Губы Даргана впились в полуоткрытый от удивления рот. Запах, исходивший от него, был неприятен Зимегане, но в этом мужчине чувствовалась огромная плотская сила, а она многие годы не испытывала мужской ласки. Влажные губы коснулись мочки уха и стали медленно перебираться по нежной коже шеи к ключице. Из груди жрицы вырвался стон, тело затрепетало. Дарган сторал от нетерпения. Его ладони скользили по гибкой спине, ягодицам, плоскому животу. Он чувствовал, момент настал – она в его власти. На миг отстранившись, он рванул ворот рубахи на Зимегане. Тело женщины обнажилось. Его широкая ладонь охватила маленькую белоснежную грудь.

Волна желания окатила Зимегану, присущие ей расчетливость и хладнокровие отступали перед чувством. Дарган прижал ее к груди. Еще миг – и это случится. Мысли Зимеганы разбегались: «Может, отдать ему свое тело и этим еще больше привязать его к себе?.. Нет!» – Жрица не поняла, подумала она или произнесла последнее слово вслух. В тот же миг Дарган ощутил, как острое жало жертвенного ножа уперлось ему между лопаток. Это охладило его пыл. Но еще больше его отрезвил ледяной взгляд Зимеганы и ее голос:

– Остановись! Не забывай – я жрица.

Дарган отступил, ошалело посмотрел на ту, что мгновение назад с удовольствием, безропотно принимала его ласки.

– Не торопись. Я приготовлю напиток, который даст тебе любовные силы, еще тобою не испытанные. – Зимегана

улыбнулась, жертвенный нож вернулся в ножны. Жрица подошла к сундуку, открыла крышку. Вернулась она с кожаным мешочком. Наполнив чашу вином, бросила в нее щепоть порошка, протянула Даргану:

– Пей.

– А может, ты хочешь отравить меня?

Зимегана засмеялась, глаза лукаво прищурились:

– Ты мне еще понадобишься.

Ее поведение снова вызвало в нем влечение. Сомнения и опасения улетучились. Он медленно выпил вино и почувствовал, что желание в нем нарастает. Выплеснув остаток на пол, Дарган отбросил чашу и не в силах сдерживать себя шагнул... в туман.

Проснулся он от холодного прикосновения. Что-то скользило по его обнаженному телу, перебираясь с ноги на живот. Дарган открыл глаза. То, что он увидел, привело его в ужас. Большая серая змея, шевеля раздвоенным языком, подползала к его груди. Вскрикнув, он отбросил гада и откатился в сторону. Змея приподняла голову, приняв боевую стойку, зашипела.

«Неужели жрица обратилась в змею?» – От мысли, что он переспал со змеей, к горлу подступила тошнота. Не отрывая взгляда от отвратительного создания, он стал отступать к выходу.

– Боишься. Правильно. Повелительницу змей надо бояться.

Дарган обернулся на голос. Зимегана стояла у входа. Рас-терянный вид гостя рассмешил жрицу. Звонкий с издевкой смех резанул слух Даргана. По спине вновь проползла змея, только теперь другая – невидимая. Скорее не змея, а маленькая противная змейка, имя которой – страх.

Жрица приблизилась к гаду и быстрым неуловимым движением схватила чуть ниже головы:

– Ты опять убежала, проказница.

Змея извивалась, пытаясь вырваться, но Зимегана, крепко держа свою подопечную, подошла к корзине, откуда накануне Дарган слышал шипение. Жрица бросила в нее змею, накрыла крышкой, обернулась к Даргану. Он торопливо одевался.

– Спесишь к любимой жене? А что ты будешь делать, если однажды проснешься и обнаружишь, что она превратилась в водяную крысу? – Смех Зимеганы вновь заполнил шатер, приведя в бешенство Даргана. Быстро одевшись, он за-спешил к выходу, споткнулся об чашу, брошенную им ми-нувшим вечером, с трудом удержался на ногах. Смех жрицы стал еще сильнее. Дарган выругался, выбежал из шатра.

– Я призову тебя, когда ты мне понадобишься, – долетели до него слова Зимеганы.

Глава шестая

...Высоки ростом и красивы видом. Свирепостью своих взглядов они внушают страх...

*Они находят удовольствие в войне и опасности.
Аммиан Марцелин*

Навестив стан Фарзоя и отблагодарив его за разрешение на проход по землям верхних аорсов, Евнон повел войско дальше. Встреча с Фарзоем удовлетворила его. В лице вождя верхних аорсов он обрел сильного и верного союзника. Мало того, Фарзой отпустил с ним три сотни своих воинов, в основном из подчиненных ему аланских племен, но главное – он дал согласие на брак своей дочери и Умабия. Теперь все зависело от исхода предстоящей войны...

Войско двигалось по владениям верхних аорсов. До земли алан оставалось менее одного дневного перехода. В этих местах степь была ровной, почти без морщин, и оттого казалась еще более бескрайней. Вошедшая в полную силу весна украсила ее узором из цветущих растений. Лишь изредка на этом гигантском зеленом ковре желтели песчаные проплешины и барханные бугры, похожие на верблюжьи горбы. Попадались и снежно белевшие солончаки, окруженные каемкой из буро-красной низкорослой травы с листвой, похожей на жирных червей. Природа оживилась, радуясь буйству тепла, света и красок. Раз за разом над головами всадников пролетали на север птичьи стаи. Отовсюду доносились посвистывание мелких птиц и стрекот кузнечиков. То тут, то там торчали неподвижными изваяниями коричневатого-желтого суслики, в чистом бледно-голубом небе парили орлы, время от времени на горизонте появлялись многочисленные изголодавши-

еся за зиму стада сайгаков, джейранов и куланов, жадно поглощающие обильно взошедшую молодую траву. Не чужда была радость и воинам Евнона, но в нее нет-нет да и вползала черной змеей тревожная неизвестность. Кому из них суждено еще встречать весну? Для кого эта станет последней? Все должно было решиться на земле алан. О том думали многие из них, да только скрывали от товарищей свои мысли, загоняли их в дальний угол души. В бою нет места сомнениям, только храбрость, решимость и умение владеть оружием могут сохранить воину жизнь. А потому вечером на отдыхе они подбадривали друг друга рассказами о подвигах предков и ныне живущих соплеменников, покрывших себя славой. Воинственными песнями и танцами укрепляли боевой дух.

С великими трудностями миновали широкую полноводную реку Даикс²², за которой начинались земли аланских племен. В месте переправы пересеклись два потока – людей и рыб. Неисчислимы косяки белуги, осетра, севрюги стремились на север, чтобы отметав икру, подарить потомству, да и самой природе новую жизнь, а воины Евнона двигались на восток, чтобы отнять ее у себе подобных. Видимо, за то и взяла река с людей дань. Поглотила нескольких из них мутная с желтизной от гонимого песка-ила вода и унесла бездыханные тела быстрым весенним течением к своему равному Гирканскому морю. Но на этом беды не закончились. Стоило войску отойти от реки, как небо нахмурилось, налетел

²² Даикс – древнее название реки Урал.

ветер. Немалой силы, порывистый и холодный, он затруднял движение, сбивал с ног, бросал в лицо мелкую колючую крупу. Вскоре ветер утих, прекратилась и крупа, но на горизонте появилась серо-желтая туча, она стремительно приближалась.

Буря накрыла войско. Люди оказались в песчаном тумане. С трудом различалось то, что творится на расстоянии вытянутой руки. Стихия оказалась сильнее, ей невозможно было противопоставить боевые навыки. Стрела, меч, копьё перед ней бессильны. Евнон остановил войско. Аланы и верхние аорсы предупреждали о злых весенних ветрах, приносящих непогоду и смерть одиноким путникам. Они прилетали каждый год почти в одно и то же время. Евнон об этом знал, в земли нижних аорсов доходили отголоски здешних бурь, но он рассчитывал успеть завершить свои дела до наступления ветров. Ветры поторопились, они вынудили войско оставаться на месте несколько дней, пить мутную воду, есть лепешки, сыр, мясо, хрустя песком на зубах, и слушать тоскливый вой, коему вторили волки, бродившие вокруг стана. Некоторые из воинов начали роптать, ссылаясь на то, что река, унесшая жизни их товарищей, и буря – есть знаки свыше, предвещающие плохой исход похода. Но таких было мало, да и тех заставили замолчать товарищи по оружию.

На пятый день ветер обессилил, небо прояснилось, войско двинулось дальше.

Гладкоголовые знали о приближении войска аорсов. Разведчики несколько раз замечали малочисленные отряды их всадников. Евнон держал воинов в постоянной готовности. Но пока Шаруд – предводитель гладкоголовых не решался принять бой, видимо, копил силы.

Одну из остановок сделали в урочище. В котловине, окруженной невысокими буграми, сохранилось крохотное озерцо. В лучах закатного солнца вода в нем казалась кроваво-красной. Это было место последней стоянки аланского племени Бахтава и его гибели. Об этом напоминали обугленные остовы шатров и повозок. Воины в полном молчании наблюдали, как Евнон, Умабий и Горд направили своих коней вниз. Умабий первым слез с коня и подошел к месту, где когда-то стояла повозка Бахтава. Останков людей поблизости он не увидел. Наверное, кто-то из племени выжил, вернулся и предал их земле. Умабий опустился на колени, зачерпнул золу и размазал ее по лицу. Слезы, смешиваясь с золой, грязновато-черными ручейками медленно покатались по его щекам. Ладонь Евнона легла на плечо сына.

– Я отомщу. Я сам отрублю Шаруду голову, – произнес Умабий. В его голосе чувствовалась решительность мужа. Это были не произнесенные вне себя слова, а клятва...

Шаруд все же вынужден был принять сражение, хотя его

войско уступало в численности войску Евнона. Не все союзники пришли ему на помощь. Кто-то опасался противостоять вождю могущественных племен нижних аорсов, кто-то не желал усиления Шаруда, а кто-то не мог простить ему подлого ночного нападения на противника. Сразиться в открытом бою для алан – дело чести. Нападать на сонного безоружного врага – позор.

Шаруду удалось заманить неприятеля в удобное для себя место сражения. Построение его конного войска напоминало лук, выгнутый в противоположную от противника сторону, и повторяло очертание возвышенности, на которой оно расположилось. Это давало воинам Шаруда возможность стрелять сверху, в то время как аорсам предстояло метать стрелы вверх, чему мешало стоящее в зените солнце. Гладкоголовые полукругом охватили войско аорсов в надежде окружить и уничтожить его. Битву не начинали. Евнон ожидал действий врага, а Шаруд надеялся, что аорсы, убоявшись окружения, отступят, и он одержит бескровную победу. Но не только на это надеялся предводитель гладкоголовых. Если ему удастся отсрочить время новой решающей битвы, то, возможно, он дождетс помощи, обещанной вождем Базуком, объединившим под своей властью несколько независимых аланских племен.

Умабий не дал ему этой возможности. Сын Евнона выехал из рядов аорсов и стал выкрикивать его имя, призывая на бой. Отказаться – потерять власть над своим племе-

нем и обесчестить себя на всю жизнь. Ему ли, опытному воину и вождю, опасаться зарвавшегося мальчишку? Выказывая презрение к противнику, Шаруд выехал на бой без шлема. В темно-сером одеянии, носатый, чернобородый, в отличие от большинства своих соплеменников, на мышастом коне, он напоминал ворона – хищного ворона, готового растерзать добычу. Вождь тронул коня. Всадники помчались навстречу друг другу. Умабию с трудом удалось увернуться. Ко второму наскоку он приготовился лучше. Острие копья ударило в грудь Шаруда. Предводитель гладкоголовых свалился с коня, но остался жив, крепкие доспехи сохранили ему жизнь. Алан не остался в долгу, его копье угодило в шлем Умабия. Сын Евнона оказался земле. Противники поднялись, вынули из ножен мечи, сблизились. Шаруд был выше и сильнее, но ловкость Умабия и его умение владеть мечом, удивили не только бывалых воинов Евнона, но и их врагов. Уроки брата Туракарта, лучшего бойца на мечах среди нижних аорсов, не прошли для него даром. Шаруд удивиться не успел. Умабий, играючи уходя от ударов, качнулся вправо, затем влево, сделал ложный выпад в живот противника. Шаруд попытался защититься, но меч в руке Умабия крутнулся и взлетел вверх. Бритая голова предводителя алан, отделившись от туловища, упала в куст верблюжьей колючки. Умабий схватил ее за бороду и поднял над собой. Войско Евнона возликовало, двинулось на алан и их союзников. Умабий откинул голову врага в сторону, подбежал к коню...

Задумке Шаруда окружить и разбить противника не суждено было сбыться. Фланги аорсов устояли, в то время как их тяжелая конница, прорвав центр вражеского войска, разрезала его на две части и рассеяла по степи. Исход битвы был предрешен, неприятель бежал, месть свершилась, но война не окончилась...

* * *

Аорсы возвращались. Не считая нескольких мелких стычек, все закончилось одним лишь сражением, в котором гладкоголовые потерпели поражение, а их предводителя Шаруда настигло возмездие. Аорсы одержали победу, но им пришлось возвратиться. Добыча оказалась небогатая и не стоила потерь, понесенных войском в этом походе. Земли, принадлежавшие Бахтаву, тоже пришлось оставить. На то имелись причины. Гладкоголовые частью истребили, частью рассеяли племя Бахтава. Евнон понимал, что, окруженный врагами, главным из которых представлялся набирающий силу молодой аланский вождь Базук, имевший многотысячное войско, он не сможет удержать за собой владения зятя. Тут не помогло бы и войско: его требовалось кормить, одевать и пополнять, но в землях, где их считали чужаками, исполнить это представлялось делом непростым, а значит, удар Базука мог оказаться смертельным. Знатные воины, в их числе родовые и племенные вожди, тоже настаивали на

возвращении, и с их мнением Евнон не мог ни считаться. Да и простые воины сетовали на скудность добычи, досадливо посмеивались: «С гладкоголовых скальпов²³ не снимешь, коня ими не украсишь». Не забывал вождь и о своих землях, которые нуждались в защите и предводителе. Важнее остаться победителем и женить Умабия на дочери Фарзоя, а земли Бахтава можно отдать как выкуп за невесту.

* * *

В стане Фарзоя веселье. Предводитель выдает дочь Торикку замуж. Вождь щедр, он не скупится на угощения. Третий день не затухают костры, бурлит в котлах нагретая огнем вода, готовится наваристая похлебка, варится и жарится мясо, запекается в углях обмазанная глиной рыба, нарезаются кусками круги белого овечьего сыра, разливается по кувшинам бодрящий напиток из кобыльего молока. Для знатных гостей не пожалел Фарзой иберийского, боспорского и греческого вина, доставленного купцами. Ему ничего не жалко для единственной дочери. Празднуйте аорсы! Радуйтесь! Аорсы радуются – и не только свадьбе. Разве не радостно быть свидетелем единения родственных племен? Разве не приятно

²³ Скальп – скальпирование, военный обычай, по которому в качестве трофея снимали кожу с волосами с головы убитого (реже живого) врага. Существовал у галлов, скифов, сарматов. Подтверждается трудами Тадеуша Сулимирского и других авторов.

видеть заодно воинов нижних и верхних аорсов? Сила! Дано ли кому ее сокрушить?! Сердца наполняются гордостью, и хочется крикнуть: «Мы аорсы!» Те же чувства и мысли владеют верховными вождями. Фарзой и Евнон сидят на седлах, застеленных бараными шкурами, на вершине приземистого бугра. Ниже расположились старейшины, племенные и родовые вожди, знатные воины. Остальные растянулись от подножья бугра до стана на берегу реки. Все ждут начала состязаний.

Фарзой устремил взгляд серовато-дымчатых глаз направо. Под навесом из синей ткани, скрытые от лучей полуденного солнца, в окружении десятка молодых воинов и девушек, сидят на белой кошме виновники торжества – Умабий и Торики.

– У тебя хороший сын. Тебе повезло, – произнес Фарзой с долей зависти.

– Твоя дочь красавица, – не остался в долгу Евнон.

– Да. Только завтра ты увезешь ее... Я мечтал о наследнике, но жена подарила мне только Торику.

– Ты молод, высшие силы еще подарят тебе сына, – обнадежил Евнон.

– Да услышит Небо твои слова. – Фарзой обратил взор ввысь. – Если это случится, я сделаю его царем верхних аорсов, а он передаст власть своему сыну.

Евнон удивленно вскинул брови. Неужели русоволосый предводитель верхних аорсов прочитал его мысли. Несмот-

ря на то что Фарзой на добрый десяток лет младше, несомненно, умом он одарен в достатке, а иначе не быть бы ему вождем.

– А разве мы не цари? – Евнон пронизательно посмотрел на Фарзоя. – Царями и скептухами нас называют владельцы соседних государств, у некоторых из которых и земель, и войска меньше, чем у нас. Старейшины и знать под нашей рукой, а потому, думаю я, пришла пора брать власть...

– И передавать ее по наследству, – перехватил Фарзой. – Что я и сделаю, если у меня родится сын.

– А если нет?

Фарзой ухмыльнулся – понял, куда клонит новоявленный родственник. Лицо его посерьезнело, глядя Евнону в глаза, ответил:

– Тогда я сделаю все, чтобы Умабий стал царем всех аорсов.

Этого ответа и ждал с волнением Евнон. Теперь он как никогда был близок к цели. Знал: предводитель верхних аорсов сдержит слово; для сармата изменить своему слову – бесчестье.

– Ты тоже можешь рассчитывать на меня... царь. – Евнон протянул раскрытую ладонь Фарзою. Фарзой ответил крепким пожатием.

Седой жрец три раза стукнул в бубен. Из стана с криками выбежала ватага мальчишек. Следом под подбадривающие выкрики соплеменников выехали конные воины, выстрои-

лись в линию. Взмах руки жреца бросил всадников вперед. Подобные гонимым ветром шарам перекаати-поля, они унеслись в бескрайнюю порыжевшую местами степь, оставляя за собой хвост пыли. Состязания начались.

Они длились до самого вечера. Воины Фарзоя отличились в скачках, метании дротиков и стрельбе из лука, нижние аорсы превзошли соперников в умении владеть мечом и арканом. В борьбе, одолев, по очереди трех противников, лучшим стал Горд. Закончилось все пиршеством. Но засиживаться не стали. Утром войско Евнона ушло на заход солнца, в сторону родных кочевий. Хоть и без богатой добычи, возвращалось оно к берегам реки Ра непобежденным.

Глава седьмая

В устье реки Танаис есть город, для входящего сюда по левую сторону находится Европа, по правую – Азия...

Плиний

Отдых в стане у реки Ра продлился недолго, аорсы покинули гостеприимные берега раньше. Дожди и ранние морозцы, нагрянувшие в эти места, покрыли землю ледяной коркой, лишив скот пропитания.

К Дану они подошли до ледостава. Приморские теплые ветры еще сопротивлялись наступающей зиме, и скотина могла кормиться.

Не прошло и пяти дней после их прибытия, как стан Евнона навестил Ахиллес. Купец в это время находился в Танаисе по торговым делам. Нетерпение, любопытство и желание повидать старых друзей привело его в стан аорсов. Узнав о прибытии вождя, он, оставил дела, оседлал коня и отправился в путь. У Евнона купец гостил два дня, затем засобирился назад. Пользуясь случаем, с ним напросился Умабий. Он давно мечтал увидеть город, но до сей поры ему это не удавалось. Евнон согласился, поручил сыну возглавить аорсов, пожелавших обменять добычу в Танаисе. Вождь доверял Ахиллесу, но для собственного спокойствия послал с Умабием Горда.

Выехали рано, до восхода солнца. С реки поднялся густой клубящийся туман, медленно пополз по степи, заглядывая в балки, займища, прибрежные заросли и рощицы, будто искал что-то, а потому ехали не спеша. Умабий любовался стелившимся в низине туманом, над которым возвышались верхушки низкорослых деревьев. Они казались ему плывущими в облаках островками.

Сбиться с пути не боялись. Путь от стана Евнона к Танаису проторили давно, и степняки могли отыскать его с закрытыми глазами. Да и дорога была недалней, ближе к полудню Ахиллес сообщил, что до города осталось ехать недолго.

Туман стал рассеиваться. Умабий заметил, как размытые силуэты двух всадников, ехавших им навстречу, свернули с дороги. Незнакомцы сочли за благо избежать встречи с от-

рядом кочевников. Кем были эти люди, путниками или танаитами, выехавшими поохотиться на дикую птицу, зайца или кабана, осталось неизвестным. Вскоре от тумана не осталось и следа, ветер с моря разогнал его последние остатки. Понесся перезвон колокольцев. Пастухи гнали навстречу аорсам стада коров, коз, овец, это говорило о приближении города.

Окраина встретила отряд крытыми соломой глинобитными хижинами, сбросившими листву садами и виноградниками, пустыми огородами и убранными полями, где танаиты выращивали неплохие урожаи ячменя, ржи, пшеницы. Кое-где желтели одинокие стожки, позабытые нерадивыми хозяевами. Миновав кладбище, где греческие надгробия из каменных плит с изображениями захороненных соседствовали с низкими курганами и немногочисленными каменными бабами скифов, путники достигли тополиной рощи. Но не успели они въехать в нее, как неожиданно деревья-гиганты, удивившие Умабия своей высотой, расступились, и перед сыном Евнона открылся вид куда более для него поразительный. Он увидел то, о чем давно мечтал. На известняковой скале стоял город – множество каменных одноэтажных зданий, крытых камышом. Лишь несколько из них были в двух уровнях и имели черепичную крышу. Город опоясывала каменная стена высотой, на взгляд Умабия, в четыре человеческих роста, а в иных местах и выше. Она же соединяла между собой мощные четырехугольные башни, отсто-

ящие друг от друга на расстоянии нескольких десятков шагов. Умабий подметил, что стены только частично защищают город. Не ускользнули от взора и разрушенные башни, и строители, возводящие новые стены.

Ахиллес, угадав его мысли, сказал:

– Полемон, царь Боспорский, наказал строптивцев, пожелавших отложиться от его царства. Он привел войско, разграбил Танаис и повелел разрушить стены и башни, чтобы в будущем не возникало у танаитов искушения самим управлять своим городом. Но прошло время, и с соизволения боспорских царей горожане вновь стали укреплять город. Кроме стен и башен защитой городу служат река и море, а со стороны суши – высокий вал и глубокий ров.

– А что это? – Умабий указал на деревянные сооружения, венчавшие некоторые башни.

– Это боевые орудия. Они способны метать огромные стрелы, камни и даже огонь...

Когда аорсы подъехали ближе, Умабию удалось рассмотреть, что кладка башен ровнее, чем кладка стен. Видимо, танаиты торопились, стараясь обеспечить себя защитой, особенно со стороны степи и по этой причине клали необработанный камень как придется.

Аорсы остановились у Скотьего рынка. Он расположился у самых стен города, где по обычаю проходила мена кочевников с танаисскими купцами. Сюда же они приводили и пленников для продажи в рабство. Это привлекало не только

танаитов и греков, но и парфян, иверов, армян, иудеев, купцов с берегов Средиземного моря. Опытный в делах торговли Ахиллес быстро нашел желающих обменять у сарматов пленников и скот, после чего обратился к Умабию:

– Что ж, навестим дом моего давнего друга эллинарха Деметрия. Заодно тебе представится возможность осмотреть Танаис изнутри.

Оставив Горда вместо себя, Умабий последовал за купцом. В город они въехали через Северные ворота, защищенные двумя мощными башнями. Стража, стоящая на деревянном мосту, перекинутом через ров, признала пантикапейского купца, водившего дружбу с самим наместником боспорского царя, и потому беспрепятственно пропустила Ахиллеса и его спутника.

Очутившись в городе, Умабий попытался на глаз определить толщину стен: «Не меньше трех шагов в ширину. Случись война с танаитами, нелегко будет захватить город, защищенный такими стенами и башнями».

Они ехали по главной улице, что вела к небольшой площади у дома наместника и дальше к городскому рынку, расположенному рядом с причалами, куда ежедневно приставали корабли со всего света. Улица оказалась неширокой, но еще уже были кривые улочки и переулки, отходившие от нее. На некоторых вряд ли могли разминуться два всадника. Теснота угнетающе действовала на Умабия. Сын степей, он привык к простору, город казался ему каменной ловушкой, из которой

хотелось поскорее выбраться, но любопытство брало верх, и их путешествие по узеньким улицам Танаиса продолжалось. Миновав многочисленные мастерские плотников, кузнецов, ювелиров, косторезов, гончаров, пекарей, Ахиллес и Умабий достигли двухэтажного крытого черепицей дома наместника.

– Неплохо бы тебе, как родственнику верховного скептуха, навестить и выразить почтение этому вельможе, – посоветовал Ахиллес. – В Танаисе его называют пресбевтом, а порою, на римский лад, легатом. Я думаю, дружба с ним тебе не помешает.

Но повидаться с наместником не пришлось, слуга сообщил, что хозяин направился к причалу встречать высокого гостя из Пантикапея.

– Уж не сам ли Митридат решил навестить Танаис? – предположил купец. – Что ж, пойдем к Деметрию, у него и узнаем свежие новости.

Они повернули в сторону района, где жили эллины. Город был поделен на две половины; в одной обитали греки, в другой танаиты, имеющие своими предками меотов, фракийцев, скифов и сарматов. И те и другие выбирали себе предводителей, танаиты – архонта²⁴, греки – эллинарха, таким предводителем и являлся друг Ахиллеса – грек Деметрий.

Дом его, крытый, как и обиталище наместника, краснова-

²⁴ Архонт – обладатель имперского титула или должности; члены доминировавшей в городах провинциальной элиты.

той черепицей, оказался выше своих соседей – низких домишек с односкатными камышовыми крышами. Путники спешили. Ахиллес подошел к калитке, позвонил в колокольчик. Послышались быстрые шаги. Слуга Деметрия узнал купца, отворил калитку, замер в почтительном полупоклоне.

– Прими коней, – кратко бросил Ахиллес.

Из дома выбежали еще двое слуг, отворили ворота, приняли коней и завели их во двор.

Внутренний двор, выложенный плоскими камнями, по меркам Танаиса тоже оказался довольно обширным. Умабий увидел два навеса. Под одним из них хранилось сено. Тут же стояли две лошади, вол и коза. Второй навес явно предназначался для сокрытия людей от дождя и солнца. Под ним находился алтарь, огороженный с трех сторон невысокой каменной стеной, неподалеку расположился колодец, накрытый каменной плитой, и печь – глинобитный купол с отверстием наверху. В дальнем углу двора, под раскидистым ореховым деревом, торчали горловины врытых в землю пифосов.

Из дома вышел Деметрий, тучный грек в белой хламиде²⁵ под меховой мантией, и неторопливо, вперевалку направился к гостям. Жидкая борода едва прикрывала двойной подбородок. Хозяин радостно приветствовал старого друга и его спутника:

– О Ахиллес! Приветствую тебя и твоего друга в своем

²⁵ Хламида – греческая верхняя одежда, подобие тоги.

доме. Удачна ли была ваша поездка?

– Слава Зевсу и остальным богам, удачна, – отвечивал купец.

– Прошу, дорогие гости, входите в дом, отдохните после дороги, слуги накормят вас. К сожалению, я не могу разделить с вами трапезу. Спешу на главный причал. Вот-вот к нему должен пристать корабль... Котис – младший брат нашего повелителя Митридата решил посетить Танаис. Я должен быть там.

– Значит, нам с тобой по пути. Нельзя пропустить столь знаменательное событие.

– Но как же твой молодой друг? Возможно, он проголодался с дороги.

– Мой друг Умабий, сын царя нижних аорсов, и как каждый сармат легко переносит голод и иные невзгоды и неудобства.

Деметрий кивнул:

– Буду рад иметь таких спутников. Коней оставим. Пойдем коротким путем. Только вот улочки там узкие. Боюсь, не застрять бы мне со своим богатством. – Деметрий засмеялся и похлопал себя по объемистому животу. – Но перед этим, чтобы не прослыть негостеприимным хозяином, я должен угостить вас прекрасным и божественным нектаром, привезенным из чудесного места, называемого Хиос. Индор, вина!

Слуга, отворивший им калитку, исчез в доме.

– Твой друг Умабий пьет вино по-скифски или предпочи-

тает вкушать его согласно греческим традициям разбавленным?

– Я не наблюдал за ним пристрастия к вину, но думаю, чтобы утолить жажду и почтить хозяина, нам будет достаточно разбавленного вина, – Ахиллес повернулся к Умабию: – Прав ли я, мой друг?

– Вы правы, уважаемый Ахиллес.

Деметрий с удивлением посмотрел на сармата.

– О, сын Евнона прекрасно изъясняется на греческом языке! К сожалению, в Танаисе все меньше слышится греческая речь. В городе проживает больше сарматов, чем греков и меотов!

Из дома вышел Индор с медным подносом, на котором стояли три полусферические мегарские чаши. Еще один слуга вынес амфору с вином.

Выпив вина и воздав хвалу греческому богу виноделия Дионису, все трое вышли через калитку и направились в сторону пристани. Ахиллес и Умабий могли бы достигнуть цели раньше, если бы не Деметрий. Эллинарх при всем старании шел медленно, потел, отдувался. Было видно, что ему тяжело нести себя. Но не это стало единственной причиной их медленного продвижения. Они прошли половину пути, когда из-за угла, им навстречу, выбежал стройный юноша в сарматской одежде. Его преследовали четверо вооруженных мечами людей, возглавляемых коренастым предводителем. Это были сираки. Умабий узнал их по одежде, несколько от-

личавшейся от одежды аорсов. С ними был горбоносый богато одетый человек. Розоватый шрам, протянувшийся ото лба до подбородка, обезобразивал правую половину его лица. Следствием этой зарубцевавшейся раны были прищуренный глаз и искривленный в хищной усмешке рот с раздвоенной губой. Даже черная густая борода не могла скрыть уродливого рта и вытекающей из него слюны.

Увидев вооруженных людей, бегущих на них, Деметрий испуганно ойкнул. Не зная их намерений, Умабий схватился за рукоятку меча. Юноша тоже заметил неизвестных, вставших на его пути, жест Умабия заставил его резко остановиться и развернуться в сторону более многочисленных преследователей. Его войлочная шапка зацепилась за перекинутую через каменную ограду ветку дерева, упала с головы. По плечам и спине юноши рассыпались густые каштановые волосы. Тот, кого Умабий принял за юношу, оказался девушкой. Преследователи приближались. Девушка встретила их лицом к лицу. Пути к отступлению у нее не было. С одной стороны догоняли преследователи, с другой – незнакомцы, возможно сторонники сираков, по бокам находились стена дома и каменная ограда в полтора человеческих роста. Попытавшись перепрыгнуть через нее, значит, подставить спину противникам. Не теряя времени, она правой рукой выхватила меч из ножен, в другой у нее оказалась секира с двумя лезвиями, вынутая из-за пояса. Ею и был сражен первый из подбежавших воинов. Следующего за ним сирака поразил меч.

Отражать нападение четверых оставшихся врагов оказалось делом непростым, к тому же внимание отвлекали люди, преградившие ей дорогу. Девушка не знала, кто они и что от них ожидать. Тем временем сираки и криворотый теснили ее к ограде. Коренастый предводитель изловчился, ранил ее в левое бедро. Кровь окрасила желтоватую кожаную штанину в красный цвет. Еще мгновение и мечи сираков порубят тело девушки на куски. Умабий выхватил меч. Вскоре один из нападавших упал ему под ноги. Коренастый предводитель, криворотый и оставшийся в живых сиракский воин отступили. Девушка бросила на спасителя благодарный взгляд, подпрыгнула, зацепилась за ветку дерева. В следующее мгновение она взмахнула ногами и исчезла за каменной оградой. Преследователи кинулись за ней, но на их пути встал Умабий. Стычка могла разгореться с новой силой. Ахиллес заклонил собой аорса, поднял правую руку вверх.

– Остановитесь! – воскликнул он, грозно взирая на сирака и его криворотого приспешника. – Как вы смее посягать на жизнь гостя нашего города, сына скептуха аорсов!

– Мне плевать, что это сын Евнона! Я сам родственник вождя сираков Зорсина! Я покажу этому красавцу, как умеют биться сираки! – повысив голос, произнес коренастый на довольно сносном греческом языке и шагнул в направлении Умабия.

Из-за спины Ахиллеса выступил Деметрий.

– Я, эллинарх греков Танаиса, представитель закона наше-

го города, запрещаю применять оружие на его улицах и уведомляю всех присутствующих, что за неповиновением последует наказание. Посему предлагаю обратиться для разрешения спора к пресбевту, к коему мы и направляемся.

– Я согласен, – коренастый ухмыльнулся, – тем более что пресбевт сам пригласил меня.

– Вот, вот, – встрял в разговор криворотый, – наместник накажет того, кто выступил на защиту вора.

– Это еще надо доказать. Идите за мной. – Деметрий важной поступью зашагал по улочке. Ахилл и Умабий последовали за ним. Коренастый предводитель, обратившись к криворотому, распорядился:

– Харитон, предупреди стражу и моих воинов. Она не должна выйти из города.

– Непременно, Намген. – Криворотый бегом бросился исполнять поручение коренастого.

Предводитель сираков поспешил за остальными. На месте остался только сиракский воин, которому коренастый предводитель приказал позаботиться о телах соплеменников.

* * *

Некоторое время Умабий шел молча. Осознание того, что он не в битве лишил жизни человека, его угнетало, но жестокий закон жизни гласил: «Не убьешь ты – убьют тебя». Молодое ненасытное любопытство брало верх над угрызениями

совести. Когда они проходили мимо башни, отличающейся от остальных меньшей шириной и большей высотой, Умабий спросил Ахиллеса:

– Почему башня построена иначе, чем другие?

– Это маяк. Он помогает кораблям отыскать в ночи правильный путь к городу. Ты видишь пристроенное к башне помещение?

– Да.

– В нем в глиняных сосудах хранится огненная жидкость. По надобности сосуды поднимают на смотровую площадку, жидкость поджигают в специальном светильнике. Свечение видно далеко в море, оно указывает морякам, в какую сторону вести судно.

«Велика мудрость жителей Танаиса, если они сумели произвести столько чудесных вещей и предметов, построить неприступные стены и башни, боевые орудия, маяк, челны, на которых могут плавать одновременно несколько десятков человек. Но Танаис, по словам Ахиллеса, небольшой город. Каковы же тогда сила, красота и величие Пантикапея, Александрии, Рима, о которых говорил купец?»

В раздумьях Умабий прошел ворота рядом с маяком, за ними начинался спуск, ведущий к пристани. Отсюда Умабию открылся чудесный вид на море. На какой-то миг у него перехватило дыхание, он остановился. Такого обилия воды ему еще не приходилось видеть. Ширь, не уступающая степи, раскинулась перед городом. Свежий морской ветер гнал

многочисленные волны, оседланные белопенными барашками. Они бежали в направлении берега, накатывались на него с шуршащим шумом, разбивались, превращаясь в пенистую кайму, отделявшую море от суши. И там, в море, белели паруса многочисленных малых и больших челнов. Эти большие челны, видимо, и были кораблями, о которых он слышал от Ахиллеса.

Коренастый сирак подтолкнул его в спину:

– Иди, иди. Если ты задумал сбежать от справедливого суда, то не надейся, я слежу за тобой, аорс.

Умабий промолчал, зашагал дальше. Ахиллес, следовавший за Деметрием, поравнялся с ним и придержал его за локоть, помогая преодолеть крутой спуск. Эллинарх благодарно кивнул головой и с легкой тревогой произнес:

– Не вовремя произошла ссора. Уж не напрасно ли мы все это затеяли? Думаю, пресбевту будет не до наших споров в присутствии столь важного гостя.

– С Котисом у меня прекрасные отношения, впрочем, как и с его царственным братом, думаю, опасаться не стоит, – успокоил друга Ахиллес. – А скажите мне, высокоуважаемый эллинарх, с каких это пор по Танаису разгуливают столь прекрасные амазонки, подобные самой Афродите? Да не прогневаётся богиня на своего недостойного слугу!

– Не знаю, надеюсь это выяснить. Но почему, уважаемый Ахиллес, вы называете ее амазонкой? Я считаю все эти рассказы о племени женщин-воительниц выдумкой.

– Не только рассказы, но и свидетельства ученых мужей говорят о том. Всем известно, что Гипсократия, жена понтийского царя Митридата Евпатора, была амазонкой. А воинское умение девушки, которую мы видели, и наличие у нее лабриса – секиры с двумя лезвиями, не это ли подтверждение их существования?

– Возможно, вы правы, но кто поручится, что это не амазонка, а одна из женщин-сарматок, которые владеют оружием не хуже ваших легендарных дев-воительниц. Надеюсь, мы скоро узнаем, кто она...

Миновав рынок, изобиловавший свежими и вялеными осетрами, севрюгами, стерлядями, сазанами, сомами и рыбьей мелочью, они вышли на пристань. У причалов стояло большое количество кораблей, но обычной суеты множества людей, занимающихся разгрузкой и погрузкой, не было – Танаис встречал Котиса, брата царя Митридата. Стоило поторапливаться, корабль царственной особы уже подплывал к главному причалу. Навстречу ему хлынула волна торжествующих криков. Знатные граждане города стояли отдельно, им предоставлялась честь первыми приветствовать столь высококочтимого гостя. К ним-то и направились Деметрий и его спутники. Путь им преградили воины, оцепившие причал и неширокую площадь перед ним. Стражи строго следили за порядком и время от времени тычками и пинками охлаждали пыл особо ретивых горожан. Увидев перед собой танаисского эллинарха, они расступились. Коренастый сирак,

Ахиллес Непоседа и Умабий последовали за ним.

Корабль боком притулился к деревянному причалу, брошенные с него концы незамедлительно приняли и привязали к специальным деревянным столбикам. С корабля спустили сходни, по которым на берег величаво и неторопливо сошел Котис в сопровождении вельмож и телохранителей. Раздались бухающие звуки литавр, протяжно запели трубы, пристань огласилась ликующими криками встречающих. Брат властелина Боспорского царства, милостиво одарив улыбкой толпу простолюдинов, подошел к мужам властным, склонившимся перед ним в полупоклоне. Пресбевт, невысокий плотного сложения лобастый грек с окладистой бородой, первым поднял голову и поприветствовал гостя. Речь его изобиловала словами, восхваляющими царский род Митридата и Котиса. Красноречию пресбевта позавидовали бы самые великие риторы Афин и Рима. Котис не оценил таланта и остановил нескончаемый словесный поток наместника.

– Рад видеть тебя, легат. – Котис предпочел назвать пресбевта на римский лад. – Рад, что мне посчастливилось посетить ваш город.

Котис лукавил. Плыть в этот, по его понятиям, городишко на краю Ойкумены он не хотел, но слово брата-царя было твердым и помимо своей воли, проклиная про себя Митридата, он отправился в Танаис. Митридат давно мечтал полностью уйти из-под опеки Рима, а это грозило войной, следовательно, царь Боспора должен был найти как можно боль-

ше союзников и конечно же быть уверенным в преданности городов, находящихся под его властью. А они не раз, в прошлой истории Боспорского царства, проявляли строптивость. Одним из таких строптивцев являлся Танаис. Потому Митридат и послал Котиса удостовериться в преданности города и своим присутствием показать – власть Митридата крепка. Ему же было поручено договориться с сираками о поддержке, а также, при посредничестве купца Ахиллеса, заручиться поддержкой аорсов.

– И мы рады принимать тебя, высокородный, в нашем городе. И простолюдины, и достойнейшие мужи Танаиса собрались, чтобы приветствовать тебя. Позволь представить тебе стратига²⁶ и предводителя городской стражи. – Пресбевт обернулся и указал на облаченного в доспехи мужчину. Далее он представил смуглолицего архонта танаитов, эллинарха Деметрия и нескольких вельмож. Дошла очередь до Ахиллеса. Пресбевт хотел представить и его, но Котис опередил:

– Сего достойного мужа представлять не надо. Кто же не знает Ахиллеса-Непоседу, одного из самых удачливых купцов и желанного гостя в царском дворце! Приветствую тебя, Ахиллес! – Котис похлопал купца по плечу. – Брат справлялся о тебе. – И, понизив голос, спросил: – Удалось ли тебе склонить на нашу сторону аорсов?

Ахиллес еле слышно ответил:

²⁶ Стратиг – военачальник.

– Пока нет, повелитель, но я не оставляю надежды. Со мной сын Евнона – Умабий. По моим наблюдениям и разумению, велика возможность того, что придет время и он заменит отца.

– Где он? Познакомь меня с ним.

Ахиллес указал на Умабия.

– Позволь представить тебе, повелитель, Умабия – сына скептуха аорсов.

Котис посмотрел на аорса с легким налетом высокомерия. Его, сына боспорского царя, в отличие от брата Митридата, чьим воспитанием по большей части занимался отец, воспитывала мать Гепеирия – фракийская царица, правнучка по материнской линии самого римского триумвира Антония и сестра трех фракийских цариц, воспитывавшихся в Риме. Она-то и привила ему любовь к римской культуре и образу жизни, развиг в нем тем самым отвращение к варварам. Для него Умабий – кочевник-варвар, пусть и царского рода. Он забыл или же не хотел помнить, что Аспург, его отец и отец Митридата, имел сарматские корни и сарматское имя – «сильный, как конь». Но чем больше он глядел на Умабия, тем больше проникался к нему симпатией. Лет на семь младше Котиса, сармат имел гордый и полный достоинства вид воина-предводителя, и, в отличие от подобострастных вельмож, он смотрел на Котиса, как равный на равного.

Долговязый, широкоплечий, с волнистыми черными волосами, гладковыбритым на римский манер лицом и надмен-

ным взором темно-карих глаз Котис тоже не вызвал у Умабия неприязненных чувств. Перед ним стоял воин, это Умабий смог определить с первого взгляда. Отметил он и то, что Котис одет скромнее своих вельмож. И все же что-то в нем настораживало. Что именно, Умабий понять не мог.

Теперь Котис смотрел на него с интересом. А интерес у Котиса имелся. Мыслишка тайная, спрятанная глубоко, с задумкой на будущее, проснулась в голове царевича. Впрочем, его интерес сменился удивлением, когда Умабий поприветствовал его на греческом языке.

– Высокородный Умабий говорит на языке Эллады? Похвально!

– И еще изъясняется на латыни, – вставил Ахиллес. – Умабий любознателен и легко осваивает науки. Он мечтает посетить Пантикапей, Афины и Рим.

– Это правда? – По выражению лица Котиса было видно, что его интерес к Умабию возрос еще больше. То, что он узнал об Умабии, окончательно убедило царственную особу в правильности своих намерений в отношении родовитого²⁷ сармата.

– Да, – кратко ответил Умабий.

– Раз так велико твое желание, считаю для себя возможным помочь тебе в его осуществлении. Приглашаю тебя с собою в Рим.

Котис действительно собирался отплыть весной в Рим.

²⁷ Родовитый – знатный.

Митридат, чтобы усыпить бдительность римлян, посылал в столицу империи своего младшего брата. Вот туда-то (а не в эту дыру – Танаис!) Котис и стремился, и присутствие там Умабия было бы на руку его замыслам.

– Когда? – Глаза Умабия радостно блеснули. Он и не мог предположить, что такое возможно в его жизни.

– Весной жду тебя в Пантикапее. Ахиллес доставит тебя.

– Мой корабль к услугам моего молодого друга, – выразил готовность Ахиллес.

– Вот и славно. Жду вас вечером в доме пресбевта, в нем я собираюсь отпраздновать свое прибытие в Танаис.

– С превеликим удовольствием, – ответил Ахиллес и посмотрел на Умабия. – Надеюсь, скептух Евнон не будет гневаться на тебя за задержку.

– Думаю, нет.

Беседу неожиданно прервали. Расталкивая знатных танаитов, к Котису попытался приблизиться коренастый сирак, о котором и Умабий, и Ахиллес, и Деметрий уже успели позабыть. Два дюжих телохранителя преградили ему путь.

– Прошу слова и справедливости! – прокричал сирак.

– Кто это?! Как посмел?! – возмутился Котис, сверля наглеца гневным и несколько брезгливым взглядом.

Пресбевт побледнел, упал в ноги Котису.

– Прости меня, о высокородный! Это Намген – родственник царя сираков Зорсина, он прислан своим повелителем в Танаис для ведения переговоров.

– Это прощает его. Другого за столь дерзкий поступок я бы немедленно предал смерти. Встань и объясни, что ему надо.

Пресбевт поднялся, отряхнул одежду, с легкой дрожью в голосе произнес:

– Не гневайся, повелитель, но мне неизвестна причина столь буйного его поведения. Может, нам стоит выслушать посланника Зорсина?

– Скверно, пресбевту должно быть известно все, что происходит на вверенных ему землях, но, пожалуй, я выслушаю сармата. Хотя и не с этого предполагал я начать посещение Танаиса. Подойди... как тебя...

– Намген, – подобострастно напомнил пресбевт.

Коренастый сирак приблизился, поприветствовал Котиса полупоклоном, заговорил:

– Этот человек, – он указал на Умабия, – должен быть наказан.

– Чем провинился сын Евнона?

– Он убил моего человека и позволил скрыться воровке, когда я со своими людьми почти схватил ее.

– Девушка, насколько я успел рассмотреть, сарматка, а сарматки не промышляют воровством, – подал голос Умабий. – Может быть, он судит по сиракским женщинам...

Лицо Намгена исказилось от злобы. Сирак рванулся к аорсу, но телохранители вновь остановили его.

– Этот щенок, оскорбляя женщин моего племени, оскорб-

ляет меня! Он должен поплатиться за это!

Умабий ответил, сохраняя спокойствие:

– Не ты ли накажешь меня за дерзость? Вас было шестеро против одной девушки, двоих из вас она убила. Неужели ты, сирак, – последнее слово Умабий произнес с некоторым презрением, – думаешь, что я слабее девушки?

– Прекратите! – приказал Котис. – Кровопролития я не допущу! И аорсы, и сираки являются друзьями Боспорского царства. Предлагаю решить спор борьбой без оружия. Вечером мы будем праздновать мой приезд. Перед застольем вы и решите, кто из вас сильнее. Кто победит, тот и прав. – Про себя Котис подумал: «Неплохо будет увидеть, как варвары будут ломать друг друга в объятьях. Зрелище могло бы быть гораздо интереснее, позволь я взять им в руки оружие, но при этом можно потерять молодого аорса, а он еще пригодится».

– А кто заплатит мне за троих убитых воинов? – возмущенно спросил Намген.

– Вступившись за девушку, я убил только одного, – уточнил Умабий.

Котису доставляла удовольствие ссора варваров. Вот так сражая аорсов с сираками, языгов с роксоланами, скифов с таврами, можно быть спокойным за безопасность Боспорского царства. Но сейчас у него была иная забота. Вельможи и простолюдины с любопытством ждали его решения, а значит, заглядывая в будущее, он должен проявить себя как

человек справедливый и мудрый.

– Я заплачу тебе за двоих воинов. За третьего, убитого Умабием, расплатится он сам... если ты одолеешь его в борьбе.

– Одолею, но прежде прошу распорядиться, чтобы воровку задержали.

– Я дам поручение начальнику стражи. Жду вас в доме пресбевта.

– О Котис, достойный сын своих родителей! Более справедливого решения нельзя придумать. Несомненно, ты источник великого ума, чей поток мудрых слов наполняет озеро наших знаний, – пресбевт, заглядывая Котису в глаза, не преминул вставить льстивое слово.

* * *

Поединок состоялся во внутреннем дворе дома пресбевта. Многим жителям Танаиса, прослышавшим о предстоящей схватке, хотелось бы посмотреть на нее, но это зрелище предназначалось для избранных. Воинов аорсов и сираков тоже не пригласили в дом наместника во избежание возможного столкновения и кровопролития. Пресбевт, по указанию Котиса, запретил впускать их в город. Степняки ждали известия за крепостными стенами.

На исходе дня все было готово к поединку. Перед входом из внутреннего двора в дом поставили деревянную скамью

с невысокой изогнутой спинкой и резными подлокотниками в виде лежащих на животах медведей. На ней расположился Котис. По обеим сторонам от него встали танаисские и пантикапейские вельможи. Свидетелем поединка была и мраморная, в рост человека, статуя Афродиты, одиноко стоящая под сенью камышового навеса. Умабию она показалась живой.

Он не мог понять, как человек мог сотворить подобное из камня. На него смотрела самая настоящая женщина со всеми ее прелестями, причем необыкновенно красивая, и даже чем-то похожая на девушку с каштановыми волосами, ставшую причиной этого поединка. Но это было не обычное изваяние, оно являлась божеством, и Умабий, хоть и поклонялся другим богам, не преминул мысленно испросить у нее помощи в поединке. А помощь ему не помешала бы. Его противник далеко непросто и силен, Умабий это чувствовал. Прекрасно владея мечом и луком, он был далеко не самым лучшим в борьбе, хотя кое-чему научился у Горда. К этому бывалому бойцу Умабий относился с уважением и к советам его прислушивался.

Котис махнул рукой. Схватка началась. Единоборцы начали сходитьсь. Оба босы и обнажены до пояса. Тела степняков, не знавшие праздности, мускулистые и натренированные, невольно вызывали восхищение зрителей, казалось, что даже мраморная богиня любви с удовольствием взирает на эту природную красоту и мужественность.

Умабий был тоньше станом, но выше противника. Намген старше возрастом, коротконогий, кряжистый, широкогрудый, он выглядел внушительнее. Его туловище, руки, плечи, густо покрытые завитками черных волос, были сплетены из мышц, бугрящихся под смугловатой кожей. Он-то и бросился на соперника первым. Умабий не успел опомниться, как сирак поднял его над головой, а затем с силой швырнул на устланную коврами каменную площадку. Бросок Намгена был продуманным, он пытался провести его так, чтобы противник упал вниз головой и свернул себе шею. Падая, Умабий успел подставить руку. Это его и спасло. Он понял – намерения соперника серьезны, сирак задумал покалечить его, а то и лишить жизни, чтобы позже сослаться на случайность, ведь в пылу борьбы может случиться всякое. Умабий поднялся, преодолевая боль в руке и колене. Намген ухмыльнулся. Кончики подкрученных кверху усов вызывающе приподнялись. Это была ухмылка победителя. Весь вид сирака говорил: «Юнец мне не ровня», – во взгляде сквозило неприкрытое презрение. Умабия захлестнула ярость, подчиняясь порыву, он кинулся на Намгена. А ведь Горд наставлял: «В борьбе, как и в смертельном бою, нельзя давать волю гневу. Сохраняй холодную голову и ясность мыслей. Будь рассудителен, расчетлив и внимателен. Умей ждать момента, когда соперник ошибется». Не внял. И теперь тщетно пытался освободиться из крепких объятий сирака. Намген обхватил его сзади. Грудь стиснуло железным обручем, дыхание пере-

хватило. Тут-то и вспомнились уроки опытного борца Горда. Умабий захватил противника за шею сверху, другую руку завел под живот. Повиснув на шее Намгена, Умабий сел к его ногам, перебросил сирака через себя, вскочил на ноги. Намген тоже не мешкал, но Умабий бросился ему под ноги. Попытка свалить опытного борца оказалась безуспешной. Намген устоял. Умабий откатился в сторону и вновь оказался на ногах. Выставив перед собой согнутые в локтях руки, Намген пошел на Умабия. Напирая, он делал выпады, пытаясь поймать противника. Аорс отступал. Но вот, улучив момент, он схватил запястье сирака и рванул его на себя. Намген сделал шаг вперед. При этом одна нога оторвалась от ковра. Умабий воспользовался этим и подсек опорную ногу. Намген упал лицом вниз и тут же попытался встать, Умабий не дал ему такой возможности, навалился сзади и словно петлей обхватил шею левой рукой. «Петля» стала затягиваться. Намген напрасно пытался разорвать ее. Его смугловатое лицо приобрело пунцовый оттенок, глаза закатились. Сирак не сдавался...

Котис, поняв, что для Намгена схватка может оказаться последней, остановил поединок. Смерть сирака ему была не нужна. Победа осталась за Умабием. Котис поблагодарил борцов за хороший бой, поднес им по чаше вина и предложил выпить за примирение. Они выпили. Умабий с радостью, Намген с неохотой. Заметив хмурый вид сирака, Котис решил смягчить горечь его поражения и пообещал заплатить

за смерть воина, убитого Умабием, но Умабий, обрадованный исходом боя, проявляя уважение к достойному противнику, пожелал сам рассчитаться за смерть сиракского воина. На том и порешили. Пресбевт пригласил всех в дом. Застолье продолжалось до полуночи, а на рассвете аорсы отправились в обратный путь.

Глава восьмая

*В день, как мужам подобные, ратью нашли
амазонки:*

*Но не столько их было, как здесь быстрооких
данаев.*

Гомер

Зима добралась и до Меотийского озера. С верховьев Дана подул холодный ветер. Танаис и его окрестности припорошило тонким слоем первого снега. Умабий остановил коня, обернулся, бросил прощальный взор на город. Вчера он предстал перед ним в другом облике. Сегодня же крыши домов и ветки деревьев окрасились в белый цвет. А каким Танаис будет весной и суждено ли ему еще раз побывать в нем? Умабий надеялся, что мечты сбудутся и он вернется сюда. Вернется, чтобы отправиться в далекое путешествие к величайшему из городов – Риму.

Аорсы прошли полпути от Танаиса до стана Евнона, ко-

гда Горд указал Умабию на всадников, выскочивших из-за взгорка. Их было около полусотни, столько же, сколько и воинов Умабия. Конные скакали в сторону аорсов. Не зная, что от них ожидать, Умабий велел изготавиться к бою.

– Это сираки, а кто впереди? – Горд указал на всадника, далеко оторвавшегося от остальных. – Кажется, они гонятся за ним.

Умабий прищурил глаза, пытаясь лучше разглядеть преследуемого. Всадник не имел ни шлема, ни шапки, их ему заменяла каштановая грива длинных волос развевающихся на ветру. Умабий узнал всадника.

– Я знаю, кто это.

Горд вопросительно посмотрел на Умабия.

– Девушка-воин, за которую я вступился в городе.

– Думается мне, что тебе придется спасти ее во второй раз. – Горд хитро прищурился.

– Может, и так... Вина девушки перед сираками нам неизвестна. Не знаю, стоит ли вмешиваться. В доме наместника Танаиса мне пришлось выпить с сираком чашу примирения. Я бы не хотел нарушить данного мной слова, девушка и сама умеет постоять за себя. Она стоит десяти наших воинов.

Вскоре пришлось убедиться в правдивости слов Умабия. Несколько сиракских всадников вырвались вперед и теперь настигали свою жертву. Один из них метнул аркан. Петля нависла над всадницей, но она видела приготовления воина, а потому прижалась к холке лошади. Петля скользнула по спи-

не. Попытка пленения не удалась. Теперь остановить ее могла только смерть. В руках преследователей появились луки. Преследуемая тоже наложила стрелу на лук, но выстрелить не успела, за ее жизнью уже летели остроклювые посланники, выпущенные сиракскими воинами. Девушка откинулась на круп лошади, натянула тетиву, выстрелила. Один из преследователей свалился с коня на уже начавший подтаивать снег. Стрелы сираков пролетели мимо, лишь одна зацепила шею лошади. Девушка приподнялась, вынула другую стрелу и, полуобернувшись, выпустила ее навстречу преследователям. Еще один сирак с пронзенной шеей уткнулся в гриву лошади. Но так долго продолжаться не могло... Умабий не утерпел, он не мог забыть встревожившего его душу облика девушки-воина.

– Горд! Они убьют ее! Аорсы, за мной!

Воины с боевым кличем помчались навстречу сиракам. Преследователи, скакавшие впереди, не решились малыми силами вступить в бой с аорсами и остановились в ожидании отставших соплеменников.

Девушка подскакала к Умабию. Теперь она вне опасности. Умабий поднял руку. Аорсы осадили коней. Особенно горячие головы сделали это с неохотой. Еще в Танаисе они почесывали ладони, зудевшие от нестерпимого желания скрестить мечи с сираками, но Горд строжайше, под страхом смерти, запретил затевать ссоры. Торг есть торг, да и плохой мир как не крути лучше войны.

– Почему они преследуют тебя? – Умабий пристально посмотрел на девушку, пытаясь угадать – скажет она правду или солжет.

– Я хотела предупредить – сираки готовили вам западню.

– Так ли это или тому другая причина?

– Ты помог мне, я решила помочь тебе. Прощай!

Девушка направила лошадь в сторону, намереваясь уехать.

– Подожди! Останься с нами. Сираки убьют тебя. – Умабий почувствовал – девушка не лжет. И ему не хотелось с ней расставаться. Почему? Этого он объяснить себе не мог.

Девушка остановила лошадь, внимательно посмотрела на Умабия.

– Я верю тебе, аорс, я остаюсь.

– Теперь ты под опекой аорсов. – Умабий с трудом оторвал взгляд от светло-карих миндалевидных глаз и посмотрел в сторону сираков, к которым уже присоединились отставшие воины. С аорсами их разделяли не более двух десятков шагов. Среди них Умабий увидел коренастого предводителя на буланом коне. Намген тронул буланого, направляя его в сторону аорсов. Умабий выехал ему навстречу. Они сблизились. На этот раз в глазах Намгена отсутствовало мнимое дружелюбие, которое он хотел выказать Умабию в присутствии Котиса. Теперь его заменяла нескрываемая враждебность.

– Отдай девчонку мне, – произнес сирак. В голосе сквозила неприкрытая угроза.

– Она находится под защитой моего племени, – голос Умабия был тверд.

Намген понял, что намерения Умабия серьезны. Значит, придется принять бой, но не тот, к которому он готовился. Напасть на аорсов неожиданно, как он задумывал изначально, не получилось. Сирак бросил злобный взгляд через плечо Умабия. Он понимал, что теперь силы сираков и аорсов равны. Но его воины и кони измотаны в погоне, а аорсы готовы к сражению. Имелась и еще причина избежать стычки – сираки находились на земле аорсов, он видел вдали их пастухов, перегоняющих стадо овец. Весть о том, что сираки появились во владениях Евнона, ветром разлетится по степи, и случись столкновение, ему и его воинам вряд ли удастся добраться до своих. Нет, он не мог вступить в бой, а ему этого хотелось. Намген, мстительный по натуре, с трудом сдерживал свои желания.

– Она убила моих людей.

– Тебе за них заплачено Котисом и мною.

– Пусть она вернет меч, принадлежащий моему другу Харитону, – не унимался Намген.

Умабий повернулся, посмотрел на девушку, похлопал ладонью по ножнам своего меча. Девушка поняла знак и отрицательно помотала головой в ответ.

Намген вперил ненавидящий взор в спину Умабия. Ему до ломоты в кисти хотелось взяться за рукоятку меча и вонзить лезвие в ненавистное тело молодого аорса, смыв его

кровью позор, испытанный им на поединке. Хотелось, но не могло. За свое хотение он сразу поплатится жизнью. Луки аорсов на изготовке, тетивы в натяг, жала стрел направлены в его сторону и стоит ему шевельнуться...

– Нет, – ответ Умабия был краток.

– Что ж, следующая наша встреча будет для тебя последней.

– Благодарю богов за данное мной Котису слово.

Одарив Умабия испепеляющим взглядом, Намген сплюнул под копыта его коня, развернул буланого и поскакал в направлении Танаиса.

* * *

Когда сираки удалились и аорсы продолжили свой путь, Умабий подъехал к девушке:

– А теперь расскажи, как тебя зовут, какого ты племени и почему эти люди тебя преследуют?

Девушка ответила не сразу, некоторое время она молчала, решая для себя, может ли она довериться этому молодому воину, спасшему ее уже во второй раз. Пронзив Умабия взглядом выразительных, похожих на темный янтарь глаз, заговорила:

– Я Кауна. Названия своего племени я не знаю. Нас было около трех десятков женщин, живших в горном селении. Мы называли друг друга по именам, и только наша предводи-

тельница – моя мать, называла нас воительницами. Не знаю, правда ли это, но с ее слов я узнала, что когда-то в далекие времена наше большое племя кочевало в степях, в нем были мужчины. Неожиданно напали враги и убили всех мужчин, от младенцев до стариков. Женщин они хотели сделать своими рабынями-наложницами, рассчитывая на то, что они будут рожать им воинов. Беременеть от убийц их дедов, отцов, братьев и детей женщины не пожелали и сами взяли за оружие, чтобы отомстить... Врагов уничтожили, племя выбрало царицу и стало жить без мужчин.

– Выходит, купец Ахиллес был прав, когда говорил мне об амазонках, девах-воительницах. Вот откуда твое умение владеть оружием, – тихо сказал Умабий и добавил: – Продолжай, Кауна, я слушаю.

– Год от года племя уменьшалось. Воительницы умирали от болезней и погибали в схватках с многочисленными врагами. К ним редко приходили женщины других племен, еще реже кому-нибудь из них удавалось принести дитя от случайного мужчины. Из рожденных оставляли только девочек. А потом пришли сираки. Оставшиеся в живых воительницы ушли высоко в горы и основали селение подальше от людских глаз. В этом селении появился на свет единственный ребенок – я. Моя мать – предводительница Уштара родила меня от мужчины из племени синдов²⁸. Всех, кто вторгся в их пределы, воительницы убивали, но этого она оставила.

²⁸ Синды – одно из меотийских племен.

Моя мать не смогла устоять перед его красотой... Его звали Харитон.

– Я слышал это имя! Так называл криворотого сирак Намген.

– Это так... Он прожил в селении два года, а потом ему удалось бежать. Прошло время, и все, кроме матери, забыли о нем. Но он явился... через пятнадцать лет. Явился не для того, чтобы навестить мать и меня, а для того, чтобы завладеть богатствами дев-воительниц, которые хранились в потаенной пещере для поклонения богу войны. Будучи в плену, он прознал о тайнике, но завладеть им без посторонней помощи не мог. После долгих скитаний ему повезло, и он нанял Намгена с его сираками... Они напали внезапно и превосходили нас числом. Сокровища достались им, моих соплеменниц убили. И мою мать тоже. Только я избежала этой участи.

– Но почему они преследуют тебя?

Ответа не последовало. Кауна молчала.

– Ты доверилась мне один раз, к чему опасаться во второй? Это из-за меча? – догадался Умабий.

– Да, – решившись, Кауна поведала тайну меча: – Это меч Сарматии – одной из цариц дев-воительниц. В последний раз он принадлежал моей матери. Им она успела пометить лицо Харитона, лишив его былой красоты, погубившей все наше племя. Жаль, что матери не удалось убить подлеца с первого раза... Возможно, виной тому любовь. Она осталась в

ее сердце и лишила руку твердости. Второго удара ей нанести не пришлось. Стрела Намгена помешала матери искупить свою вину... Я до сих пор не отомстила сираку за ее смерть... Умирая, она вручила меч мне и велела хранить его.

– Что же в нем такого, если Намген и Харитон охотятся за ним? Я могу увидеть его?

Кауна испытующе посмотрела на Умабия, вынула меч из перекинутых за спину невзрачных деревянных ножен, отмотала кожаный ремешок, скрывающий рукоять. Протянула его Умабию...

Меч был прекрасен. Умабий разбирался в оружии, он сразу понял; меч выкован искусным мастером и должен принадлежать воину столь же искусному в воинском деле. Отточенное лезвие, испещренное мелким узором, ожило, заискрилось в слабосильных солнечных лучах, с трудом пробившихся сквозь низко нависшие над степью тучи. Радужной игрой цветов ответил ему огненный опал, вставленный в головку, желтизной блеснули золотые львы на рукояти.

– Меч достоин царей, – произнес он, любуясь оружием.

Кауна протянула руку:

– Посмотрел, хватит. Отдай. – На лице девушки читалась нетерпение, легкое беспокойство и боязнь, что Умабий может покуситься на ее драгоценность. В душе она ругала и не понимала себя. Почему она доверилась этому малознакомому молодому аорсу? Объяснить себе своих поступков она не смогла.

Умабий вернул меч. Кауна вложила его в ножны, обмотала рукоятку, помолчав, словно что-то решая для себя, сказала:

– Я доверю тебе тайну – тот, кто владеет им, становится царем.

– Значит, ты царица? – Умабий усмехнулся.

– Не смейся надо мной!

Лицо девушки нахмурилось, ладонь коснулась рукояти меча.

– Не буду, не буду, – успокаивающе-примирительно произнес Умабий и выставил перед собой руки, притворно защищаясь от гнева девушки. – Расскажи, правда ли, что Намген хотел напасть на нас, или ты просто спасалась от погони?

– Я не просила у тебя защиты, – в голосе девушки прозвучала обида.

Умабий смотрел на Кауну с нежностью, неизвестно почему проснувшейся у него к этой девушке. К жене Торике он такого чувства не испытывал. Сжатые в нитку губы, зардевшиеся щеки, изгиб черных тонких бровей рассмешили Умабия. Уж больно Кауна напоминала сейчас обиженного ребенка, что не вязалось с образом девушки-воина, с легкостью отправляющей врагов в потусторонний мир. Смех еще больше разозлил Кауну, она с раздражением посмотрела на аорса, собираясь сказать ему что-нибудь резкое, но его добродушная улыбка обезоружила ее. Смягчившись, девушка заговорила:

– Скрываясь от преследователей, я оказалась в Танаисе.

Почти всю осень я спокойно прожила в этом городе под видом мужчины. Почему они появились и как выследили меня, я не знаю.

– Ваша встреча случайна. Намгена в Танаис послал родственник – предводитель сираков Зорсин, для переговоров с братом боспорского царя Котисом, который приплыл в город этим же днем. Что касается Харитона, то, похоже, он остался служить Намгену.

– Возможно и так, но не думаю, что Харитон забыл о мече Сарматии. Они встретили меня у Южных ворот и погнались за мной.

– Чем все это закончилось, я знаю. Что же произошло дальше?

– Я попыталась покинуть город. Путь был один – на север, туда, где сираки не имели возможности выследить меня, но стражников у ворот оказалось больше обычного. Только теперь после твоих слов я поняла – стражу увеличили из-за прибытия Котиса. Я же решила, что это из-за меня. Так что проскользнуть через ворота у меня не имелось ни малейшей возможности. Ко всему прочему мои штаны были окровавлены, да и рана давала знать о себе. Я решила бежать через недостроенную стену, но обнаружила за ней сираков. Они расположились станом, хотя обычно останавливались у Южных ворот. Мне оставалось переждать день в разрушенной башне, чтобы ночью попытаться вырваться из этой ловушки. Вечером к недостроенной стене подошел отряд стражи. На-

верное, они опасались сираков.

«Опасались, – подумал Умабий. – В это время проходил поединок. Видимо, пресбевт направил туда своих стражников, чтобы в случае гибели вождя сираков те не вздумали ворваться в город для мести».

– Выбраться за стены города мне удалось уже под утро. Я стала пробираться между сираками, но мне пришлось остановиться и притвориться спящим воином. Мне помешал всадник, прискакавший в стан. Всадником оказался Намген. Он разбудил Харитона и приказал подымать сираков. «Аорсы покинули город. Мы обгоним их, устроим засаду и неожиданно нападём. Ты получишь меч, а я отомщу этому мальчишке за поражение». Так сказал Намген.

– Подлый шакал! Лучше ему не встречаться на моем пути! – с негодованием в голосе воскликнул Умабий.

Кауна продолжала:

– Харитон поднял сираков и велел им садиться на коней. Я воспользовалась суматохой, схватила лук и колчан одного из воинов, запрыгнула на первую попавшуюся лошадь и помчалась вслед за вами, чтобы предупредить тебя о замыслах Намгена. Сираки быстро опомнились и пустились в погоню. Слава священному мечу все окончилось удачно!

– Благодарю тебя. Ты спасла всем нам жизнь, – и, понизив голос, добавил: – Царица, могу ли я, просить тебя стать воином моего отряда?

– Не называй меня царицей! – вспыхнула девушка и более

спокойно добавила: – Я согласна.

* * *

Они не успели достигнуть стана аорсов, когда Горд, заметив многочисленных всадников, скакавших им навстречу, обратился к Умабию:

– Смотри. Это Евнон. Похоже, весть о появлении сираков уже дошла до него.

Отряд остановился, поджидая приближения вождя. Умабий слез с коня. Евнон осадил взмыленную саврасую лошадь, спешил, подбежал к сыну, крепко обнял.

– Я боялся, что сиракские собаки причинят тебе вред, но, слава богам, ты жив и здоров. Ничего, они еще ответят мне за свою дерзость...

По пути в стан Умабий поведал о том, что с ним приключилось. На это Евнон посоветовал ему впредь быть осторожным...

Задумка Умабия отправиться с Котисом в путешествие в Рим поначалу не вызвала одобрения верховного вождя. Евнон опасался коварства римлян и боспорцев, пугало его и то, что Умабию придется преодолевать моря. По рассказам Ахиллеса о бурях и затонувших кораблях море представлялось ему огромным чудовищем, поглощающим все живое. Он видел необузданное Гирканское море во время возвращения из Армении, и оно ему не понравилось. Умабий с тру-

дом убедил его в безопасности путешествия. Видя горячее желание сына, Евнон согласился и даже решил обратить это во благо:

– Ты поплывешь в Рим, но не как спутник Котиса. Аорсы давно не посылали послов к римскому императору. Я думаю, самое время. Тебе и Горду поручаю говорить от имени вождя нижних аорсов.

* * *

Пришла весна. Посольство приготовилось к отправке. Евнон лично осмотрел дары, предназначенные для царя Боспора и римского императора, отобрал десяток воинов для сопровождения, старшим над которыми поставил Горда. В их число по просьбе Умабия вошли Кауна и Квинт. Римлянин несказанно обрадовался возможности побывать на родине и повидать родственников. Умабий обещал, что предоставит ему такую возможность. Квинта огорчало лишь то, что вернуться на родную землю он мог только тайно, скрывая родовое имя и прошлое, так как за совершенный проступок по законам империи его ожидала смерть.

Настал день расставанья. Умабий попрощался с Евноном, Донагой, племянниками, подошел к Торике. Молодая жена любила его, и Умабий это знал, но малорослая, худенькая, бледнолицая, с широким приплюснутым, как у ее отца, носом, дочь вождя верхних аорсов с самого начала не вызвала

в нем ответных чувств. После гибели близких людей он не задумывался о том, какая жена ему достанется, и женился больше в угоду отцу. Но был долг мужа, обычаи, чувство жалости и вины перед этой юной девушкой.

Торика крепко прижалась к его груди.

– Я буду вспоминать о тебе каждый день. – Она подняла лицо и преданно посмотрела на Умабия.

Поцеловав ее в прохладный лоб, он направился к ожидавшим его воинам. Среди них стояла Кауна. Торике не понравилось, что ее молодой муж взял с собой эту красивую и стройную девушку-воина. Чувство ревности маленьким червячком шевельнулось в ее душе, но она отогнала его, не позволила осквернить чистой любви к Умабию. Муж удалялся, и она не знала, когда он вернется и вернется ли. Не знал и Умабий, что его маленькая нелюбимая жена уже носит в чреве зачатый ими плод...

Они отъехали довольно далеко, стан Евнона уже успел спрятаться за горбатой спиной бугра, когда Горд, бросив Умабию: «Езжайте, я догоню», – повернул коня к зарослям. Умабий догадался, по какой причине наставник свернул к реке. Он оказался прав: это было временное место встреч Горда и Газнаи, скрытое от посторонних глаз зарослями ивняка и краснотала. Горд остановил коня, слез, стал ждать. Погрузившись в свои мысли, он смотрел на водную гладь. Сзади послышался шорох. Горд оглянулся. Из зарослей вышла Газная. Горд шагнул ей навстречу, взял за руки. Но все

случилось не как обычно. Газная не бросилась к нему в объятья, в ее глазах он не увидел радости, да и откуда ей взяться, когда единственный близкий ей человек уезжает в дальний и опасный путь. Девушка отстранилась, стала что-то искать за пазухой. Поиски оказались тщетными. Глаза Газнай увлажнились.

– Кажется, я его потеряла, – произнесла она расстроено.

– Что?

– Оберег. Я несла его тебе.

– Верблюжонок мой. – Горд поцеловал девушку в родинку на щеке, бережно прижал к груди.

– Я буду просить высшие силы, это поможет вам вернуться. Я знаю...

Часть вторая. В недрах империи

Глава первая

У Боспора Киммерийского царь Митридат...
Плиний

Ахиллес Непоседа, как и договаривались, оказался в Танаисе со своими кораблями. Он радушно встретил старых знакомых Умабия, Горда, Квинта и немало удивился, когда увидел среди телохранителей царского племянника загадочную амазонку. Не в силах совладать с пожирающим его любопытством боспорец при первом же удобном случае поинтересовался, не та ли это девушка, из-за которой Умабий вступил в поединок с сираком Намгеном. Умабию пришлось поведать купцу удивительную историю появления Кауны в племени аорсов.

Задерживаться в городе надолго не стали, уже на следующее утро поставили паруса и вышли из бухты на просторы Меотийского озера.

Первое путешествие по большой воде привело Умабия в неопикуемый восторг, который он, как посланник царя аорсов, скрывал и пытался вести себя с достоинством. Восторг длился недолго. Ветер крепчал, волны становились круче,

качка усиливалась, вызывала в Умабии чувство легкой тошноты, с которой, впрочем, ему вскоре удалось справиться. Дальнейшее путешествие не доставило неприятных ощущений. Первый день плыли, имея берег с левой стороны, но вскоре он исчез и появился на третий день далеко впереди корабля. Суша приближалась. Тонкая сереющая на горизонте полоска превратилась в широкую неровную ленту, которая медленно разорвалась на две половины. Умабию представилось, что это всемогущие боги открыли створы каменных ворот, пропуская корабли и позволяя им продолжить путь. Пользуясь благосклонностью этих самых богов, суда вошли в пролив, называемый Боспором Киммерийским. Ахиллес поведал:

– Всемогущий греческий бог Зевс-громовержец полюбил красавицу Ио. Чтобы скрыть ее от гнева ревливой жены богини Геры, он превратил девушку в корову. Гера, увидев корову, попросила ее в подарок. Зевсу ничего не оставалось, как удовлетворить желание жены. Гера повелела многоглазому великану Аргусу охранять ее. Видя страдания возлюбленной, Зевс послал своего сына Гермеса, почитаемого мной бога, покровителя купцов и путешественников, освободить Ио. Что он и исполнил, отрубив Аргусу его стоглазую голову. Разгневалась Гера и послала вслед за Ио огромного овода, который кусал несчастную, подвергая ее ужасным мукам. Спасаясь, корова бежала из одной страны в другую, но нигде не находила покоя, пока не достигла страны скифов, где был

прикован к скале титан Прометей. Он подарил людям огонь и за это его наказал Зевс.

– Ты неправ, – Умабий прервал рассказ купца, – огонь дан нам не Прометеем.

– Знаю, знаю, но грекам он дан именно Прометеем. Слушай дальше. Титан предсказал, что от мук она избавится только в Египте у берегов великой реки Нил, но перед этим ей предстоит пройти долгий, полный опасностей и испытаний путь, преодолеть горы и переплыть пролив, который люди назовут в честь нее Боспором... Так и случилось. Люди называют пролив Боспор – Путь коровы.

Умабий с удовольствием слушал рассказы Ахиллеса и с любопытством рассматривал холмистые, разрезанные балками и оврагами берега, где порою замечал белеющие скопления зданий. Это были города со странными для слуха аорса названиями – Порфмий, Порфений, Мирмекий и, наконец, Пантикапей, представший пред взором Умабия во всем великолепии.

Основанный много веков назад выходцами из Милета, он рос и ширился, пока не превратился в столицу мощного Боспорского царства, с силой которого порою приходилось считаться даже могущественному Риму. Сила же его прирастала торговлей. Из Пантикапея корабли, груженные хлебом, рыбой, кожей, скотом, мехом, шерстью и рабами, отправлялись в греческие и итальянские города, в Египет и Сирию, привозили оттуда товары для жителей Боспора и торговли ими с

народами, живущими по берегам Понта Эвксинского и Меотийского озера. Прирастала сила Пантикапея и людьми, принимая в свое лоно выходцев разных народов. При помощи этой силы, объединив вокруг себя несколько греческих городов-полисов, расширяло это царство границы, подчиняя своей власти другие города и племена. Так стали зависимыми от Пантикапея Фанагория и Феодосия, племена синдов, меотов, тавров и скифов. Впрочем, и сам Боспор попадал под влияние фракийцев, понтийских царей, римлян, сарматов. Но это не поколебало величия Пантикапея. Не раз он подвергался пожарам, разрушениям и землетрясениям, но вновь отстраивался, радуя глаз путешественников. Как радовал он, жадный до всего нового взор Умабия!

Строения города начинались у самого берега моря. От подошвы скалистой горы город уступами поднимался по ее склонам к вершине, на которой, словно корона, венчающая голову великана, стоял акрополь. За мощными зубчатыми стенами и башнями из сероватого камня гнездились средоточие верховной власти. Там находились главные храмы города и дворец боспорских правителей. В свете красного предзакатного солнца эти белокаменные здания имели розоватый оттенок, что делало их еще более величественными. К ним и направилось, сойдя с кораблей, посольство аорсов, сопровождаемое Ахиллесом и вельможей, встретившим их у пристани. Подымаясь по каменным лестницам-переулкам, соединяющим земляные террасы, подпираемые каменными же

стенами, Умабий невольно сравнивал Пантикапей с Танаисом. Улицы столицы Боспорского царства были ровнее и шире, дома выше и просторнее, крыши большинства из них покрыты черепицей, да и сам город намного превосходил Танаис размерами и количеством жителей. Многочисленность, разноликость и смешанность проживающих в нем людей поразила Умабия. Кроме греков, фракийцев, скифов, синдов здесь проживало множество представителей племен и народов, находящихся под опекой боспорских царей. Немало встречалось сарматов, а также гостей из других стран – высокомерных римлян, курчавобородых сирийцев, болтливых египтян, смуглолицых жителей Аравии и даже таинственных индусов.

Посольство поднялось на вершину горы и, оставив по правую руку огороженные стенами казармы, примыкавшие к акрополю, подошло к воротам. Предупрежденная стража пропустила послов, а за воротами их радушно встретил родной брат царя Митридата – Котис. Он любезно поинтересовался, как прошло плавание, и спросил, понравился ли Умабию город Пантикапей. Аорс развел руки в стороны:

– Это, это так... – вымолвил он, не в силах выразить своих чувств.

Котис улыбнулся, и без того было видно, с каким восхищением Умабий взирал на колоннаду царского дворца, мраморные статуи богов и красоту посвященных им храмов и святилищ. Задрав голову, Умабий посмотрел на главную

башню внутренней крепости, расположенной на самом высоком месте акрополя. Каменная четырехугольная башня возвышалась над акрополем, над городом, над всей близлежащей местностью. Чем ни гигантский страж, с высоты осматривающий окрестности охраняемого им города?

Умабий разглядел, как из оконного проема верхней смотровой площадки заструился дымок. Наблюдатели давали знать царю Митридату о прибытии посольства аорсов. От крепости к крепости передавалась дымами весть. Таким же способом сообщали боспорцы о приближении врага. В степи тоже порою прибегали к помощи дымов, для Умабия это было не ново.

Котис перехватил взгляд сармата:

– Царь охотится в окрестностях Мирмекия. Думаю, завтра до полудня он примет вас. Ну а сейчас, если моего гостя не утомило плавание по Меотийскому озеру, позволю предложить подняться на башню и полюбоваться Пантикапеем сверху, пока бог солнца Гелиос не спустился к священным водам Океана.

Аорсов проводили в предназначенные им покои. Котис, Умабий и Горд поднялись на башню. Умабий поглядел вниз. Много удивительного удалось ему повидать в последнее время, но то, что предстало перед его глазами, удивило вдвойне. На короткий миг он почувствовал себя птицей, воспарившей высоко в небо. Внизу, краснели крыши храмов, дворца, казармы, еще ниже раскинулся город, опоясанный лентой за-

щитных стен, на которые, редкими бусинами, были нанизаны башни. По улицам и площадям едва заметными букашками двигались люди. На зеркальной глади залива замерло около трех десятков больших кораблей. Иная жизнь... Почему-то вдруг защемило сердце, вспомнилась родная степь, мать, отец. От тоскливых воспоминаний его отвлек Котис. Царевич предложил спуститься вниз и за пиршественным столом отметить их встречу.

* * *

Как и говорил Котис, Митридат принял посольство аорсов ближе к полудню в зале дворца. Архонт всего Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев²⁹, пессов восседал на позолоченном троне с высокой спинкой. Справа и слева его охраняли мраморные изваяния грифонов – крылатых чудовищ с телом льва, их свирепые головы были вооружены орлиными клювами. Помимо них за жизнь царя отвечали четыре десятка телохранителей. Воины стояли позади трона и у входа в зал.

Котис сидел по правую руку от Митридата, его трон был скромнее царского, а белая тога поверх голубого хитона и простые сандалии делали его скорее похожим на италийского вельможу, чем на потомка царского рода. Митридат же,

²⁹ Дандарии – одно из меотийских племен.

наоборот, был одет пышно: красный плащ, накинутый на зеленую рубаху с множеством золотых бляшек, синие штаны сарматского покроя, расшитые узором, коричневые кожаные сапожки. Красочный наряд царя завершала золотая корона в виде листьев оливы. На вид Митридату было не больше тридцати, о чем свидетельствовали густые и волнистые, как и у Котиса, черные волосы, высокий лоб, прямой нос, а волевой подбородок лишь подчеркивала тщательно ухоженная борода. Но из всего облика властелина Боспора внимание Умабия привлекли его глаза... Они хоть и были черными, но все же напоминали Умабию глаза Зимеганы. Взгляд их был также пронзителен, вот только отсутствовала в них подавляющая волю недобрая сила жрицы. Умабий не отвел своих глаз от царских, впрочем, как и не отвел бы он их и от взгляда Зимеганы.

Прием был недолгим. С достоинством приняв дары, Митридат справился о здоровье царя Евнона. Слово взял Умабий:

– Вождь аорсов здоров и силен, как и прежде, стада его тучны, а воины многочисленны. Он прислал нас заверить в его дружеском отношении к тебе, царю Боспора.

Митридат в очередной раз пронзил взором молодого аорса, пытаясь разгадать его мысли.

«Почему он напомнил о многочисленности воинов? Угрожает? Не словами ли своего отца говорит? Почему Евнон признается в дружбе, но помощи не обещает и отправля-

ет посольство в Рим? Может, верховному скептуху и царю аорсов стало известно о моих замыслах и он хочет оповестить императора? Вряд ли. И все же... Котис сказал, что он и Ахиллес попытаются перетянуть этого молодого аорса на свою сторону. Если это удастся, то можно помочь ему стать царем, а взамен попросить помощь против Рима. Что ж, поглядим...» – эти мысли стрелой пронеслись в его голове, вслух царь Боспора промолвил:

– Рад, что царь Евнон здравствует. Я наслышан о его храбрости и благородстве и желаю, чтобы наши мечи никогда не скрещивались. Надеюсь, на обратном пути вы посетите Пантикапей, и тогда я передам царю аорсов ответные дары, свою благодарность и дружеское расположение к нему. А пока, посланец Евнона, прими от меня мешочек с пантикапейскими статерами³⁰. В Риме ты найдешь, куда их потратить. Котис тебе в этом поможет.

Митридат хитро глянул на младшего брата. Давая понять, что прием закончен, он пожелал послам спокойного плавания. Котис испросил разрешения проводить гостей.

Царь Боспора задумчиво посмотрел вслед послам.

«Что ожидать от этих аорсов? На кого повернут они своих степных коней? Да и можно ли доверять Котису? Братья мы, но разные. С детства тянется он ко всему римскому. Не выдаст ли?»

Послы ушли, а следом и вельможи, присутствующие на

³⁰ Статер – денежная единица Боспорского царства.

приеме. Остались только молчаливые стражи у входа в зал. Митридат погрузился в раздумье.

Не зря беспокойство и недоверие терзало душу царя. Бывало в истории Боспорского царства, что власть добывалась ценой предательства родственников, шли брат на брата, а сын на отца. Почему же это не могло случиться сейчас?

«Надо бы отправить в Рим верного человека, чтобы он проследил за аорсами и братом. Но где взять такого? Может, Ахиллес?»

Размышленьям помешал вошедший в приемный зал вельможа – распорядитель дворца:

– Царь, прости, что потревожил тебя.

– Говори.

– Какой-то криворотый человек называет себя купцом и требует приема.

– И ты посмел из-за этого потревожить меня? Гони его в шею!

– Я бы так и поступил, но он говорит, что дело важное и не терпит отлагательства. Купец утверждает, что ранее он состоял при дворе твоего отца Аспурга. Прости, царь, но его лицо показалось мне знакомым.

– Если так, зови, и пусть стражники обыщут его.

Поклонившись, вельможа удалился.

Спустя некоторое время в зал вошел высокий, прилично одетый человек. Его лицо было обезображено шрамом. Он приблизился к трону, пал на колени.

– Встань и отвечай, что тебе надо?!

Криворотый поднялся. Заговорил. В силу увечья слова, произносимые им, были не всегда разборчивы и перемежались с шипящими и свистящими звуками.

– Ты не помнишь меня, царь?

Митридат молчал, пристально и с безгливостью вглядываясь в изуродованное лицо незнакомца.

– Я Харитон, твой воспитатель. Время припорошило мои волосы сединой, украсило лицо морщинами, железо обезобразило его, но моя верность к тебе осталась прежней.

Митридат вспомнил. Харитон, сын гречанки, что была служанкой и преданной подругой его матери Гепеирии. Цена верность, царица выдала ее за богатого купца-синда. Брак оказался удачным. Долгое время супруги жили счастливо, воспитывая единственного сына, но случилась беда. Пожар уничтожил дом синда, а заодно и склады со всем его товаром. Семейство разорилось. Купец не смог перенести потрясения и вскоре скончался. Гепеирия в очередной раз пожалела подругу и добилась от своего мужа – царя Аспурга, назначения Харитона, красавца и знатока языков, одним из воспитателей их детей. Так Митридат, будучи юным, познакомился с Харитоном. Тот обучал его и младшего брата Котиса языкам и истории. Но Митридата это мало интересовало, в большей степени его привлекали повествования о богах, героях и различных чудесах. Однажды, когда они остались наедине, учитель рассказал Митридату историю, в тай-

не поведанную ему умирающим отцом. В ней говорилось о мече Сарматии – повелительницы амазонок. Меч делал того, кто им обладает, царем, и хранился он за проливом, высоко в горах, под надзором дев-воительниц. Юным Митридатом завладело желание обрести чудесный меч. Харитон обещал достать его, но сказал, что для этого нужны деньги или драгоценности... Через день Митридат вручил Харитону несколько золотых изделий и монет, причем часть из них он выкрал у своей матери. В тот же день Харитон исчез.

Митридат не догадывался, что воспитатель и не думал добывать для него меч, он сам загорелся желанием обладать чудесным оружием. Бывая во дворце, видя окружавшие его богатства и роскошь, а также почет, воздаваемый детям Аспурга, Харитон сгорал от зависти. Одна и та же мысль не давала ему покоя: «Почему эти глупые мальчишки достойны быть царями, а я, обладатель многих талантов, нет?» Только меч Сарматии мог дать ему власть и богатство. Харитон решил любой ценой завладеть им, но для этого нужны были деньги. И тогда он приобрел их, обманув легковверного царевича Митридата...

– Ну и где же меч, который ты обещал мне добыть?

– Прости меня, величайший! – Харитон вновь рухнул на пол.

– Встань! Царем я стал и без твоего чудесного меча. Правда, трон мне достался не без борьбы. Год после смерти отца Боспором правила моя мать Гепепирия, а потом полоум-

ный римский император Калигула решил посадить на боспорский трон фракийского царевича Полемона – моего дядю. Слава богам, у них ничего не вышло. А теперь расскажи, где ты находился столь долгие годы?

Утерев рот ладонью, Харитон начал повествование:

– Драгоценности, которые ты мне вручил, позволили переправиться через пролив, достигнуть гор и, следуя путем, указанным моим покойным отцом, добраться до владений амазонок. По пути я набрал десяток головорезов, они согласились идти со мной за приличную плату и долю в будущей добыче. Когда мы достигли горы, на которой располагалось селение дев-воительниц, мои спутники решили не рисковать. Эти трусливые собаки задумали ограбить меня и вернуться назад. Они отобрали у меня деньги, драгоценности и хотели убить... – Харитон провел ладонью по бороде. – Появление амазонок стало моим спасением. Они убили всех, кроме меня. Мне связали руки, ноги, завязали глаза. Вскоре я оказался в селении амазонок. Селение невеликое, в нем проживало не более трех десятков женщин. Случилось так, что предводительница амазонок Уштара влюбилась в меня...

Митридат хотел сказать: «Ты всегда был красавцем», – но, глянув на помеченное железом лицо Харитона, передумал. Тем временем Харитон продолжал рассказ:

– Мы стали жить, как муж и жена. У нас родилась дочь. Два года, проведенные среди амазонок, не прошли даром. Я смог узнать тайну меча. Отец оказался прав – он существу-

ет. В то время он хранился в пещере, в сокровищнице амазонок, и тщательно охранялся ими. Чтобы добыть его, мне нужно было чье-либо содействие. О том, чтобы прибегнуть к помощи правительницы Уштары, не могло быть и речи. Обладая вспыльчивым нравом, она сразу бы лишила меня головы, посмей я заговорить с ней об этом. Я решил бежать, и мне это удалось... Но из одного плена я попал в другой. Я не мог обратиться за помощью к тебе, ты был юн и не обладал той властью, которой обладаешь ныне. Кроме прочего я встретил пантикапейского купца, старого друга моего отца, он и поведал мне, что мое неожиданное исчезновение присокупили к пропаже драгоценностей царицы Гепепирии и царевича Митридата.

Правитель Боспора покраснел, нахмурился, ведь тогда он не сознался в своем неблагоприятном проступке.

– Меня объявили вором. Путь в Пантикапей был для меня закрыт. Я стал искать помощников, чтобы добыть для тебя меч, но моим поискам помешали... Пираты напали на одно из прибрежных селений, в котором мне довелось ночевать, взяли меня в плен. Я пытался склонить на свою сторону их главаря, но он счел мой рассказ ложью, придуманной для того, чтобы избежать плена. Меня избили, а потом продали работорговцу в Синопах, тот в свою очередь продал меня в Милете римскому вельможе Сервию Цецилию. Меня спасло знание языков и то, что я понравился жене вельможи Лукерции. Она-то и настояла на покупке. Так я оказался на вилле

под Капуей, откуда мне с господами часто приходилось переезжать на временное жительство в Рим. Жилось мне прекрасно. Почти семь лет я прислуживал Сервию Цецилию, а в его отсутствие ублажал Лукерцию. Но сколько бы орел ни летал в небе, когда-нибудь ему все равно придется опуститься на землю... – Харитон стер слюну с подбородка. – Сервий заподозрил жену в измене, и отправил меня в Нижнюю Мезию³¹ к своему брату Публию Цецилию, служившему в Четвертом Скифском легионе. Публий обрадовался такому подарку, так как алу – конный отряд римлян, которым он командовал, нередко выдвигали к границе империи, и он нуждался в человеке, знающем языки племен, что живут к северу от Эвксинского моря. Публий, суровый воин, любящий порядок и имеющий скверный характер, а потому мне у него приходилось нелегко. Когда терпение кончилось, я бежал в Ольвию, а затем через земли роксолан в Танаис.

Митридат усмехнулся, покачав головой, сказал:

– Наверное, Одиссею, царю Итаки, возвращаясь из-под стен Трои, не пришлось так много путешествовать и пройти столько испытаний, сколько выпало на твою долю.

– О царь, с прибытием в Танаис испытания мои не закончились. Даже пройдя многие тяготы и лишения, я не забыл слова, данного юному царевичу Митридату.

– Хвала твоей верности, Харитон.

– Я недостоин твоей похвалы, высокородный! Позволь

³¹ Мезия – римская провинция между нижним Дунаем и Балканами.

твоему рабу продолжить?

– Продолжай.

– В Танаисе я познакомился с Намгеном, родственником Зорсина – верховного скептуха сираков.

– Котис говорил мне о нем. Зорсин присылал его для переговоров в Танаис.

– Вот ему я и поведал о сокровищах амазонок. О чудесных свойствах меча я умолчал. Намген позарился на львиную долю добычи и согласился мне помочь. Мы взяли с собой триста сиракских воинов и отправились во владения амазонок. Нам удалось застать их врасплох. Но амазонки, многие из которых оставили далеко позади свою молодость, оказали отчаянное сопротивление. Мы потеряли половину наших воинов. И все же мы добрались до входа в пещеру с сокровищами. Всех женщин-амазонок мы убили, вход защищали только предводительница Уштара и ее дочь Кауна, родившаяся от меня. Уштара держала в руке меч Сарматии. Я видел его ранее. Раз в год, весной, амазонки выносили меч из пещеры и поклонялись ему. Я попытался уговорить Уштару и Кауну сдаться. И Уштара ответила мне... Ее ответ остался на моем лице... Стрела Намгена поразила ее, когда они попытались скрыться в пещере. В ответ Кауна метнула дротик. Чудо спасло сирака от смерти. Намген был ранен... Сиракские воины ворвались внутрь пещеры и захватили сокровища, но ни меча Сарматии, ни Кауны они не обнаружили... Позже мы нашли потайной выход из пещеры. Воины обыскали близле-

жащие горы, но никого не нашли.

– Значит, меч утерян навсегда?

– Нет, мой повелитель! Боги благоволили ко мне. Случилось так, что я оказался с Намгеном в Танаисе в день прибытия твоего брата Котиса в город. Там мы случайно столкнулись с Кауной. Меч был при ней. Мы пустились в погоню, и когда мы догнали ее, этот волчонок Умабий вступился за нее. Намген решил отомстить ему и перехватить его отряд на обратном пути из Танаиса в стан Евнона. Но Кауна снова помешала нам. Меч остался у этой девчонки.

– Девчонка твоя дочь, и, судя по твоим словам, достаточно смелая.

Злобная гримаса исказила и без того уродливое лицо Харитона.

– Продолжай. Я слушаю тебя.

Совладав со своими чувствами, Харитон продолжил:

– Намген слышал, как Котис приглашал Умабия отправиться весной в Рим.

– Я понимаю, что сам ты предстать пред очами моего брата побоялся.

– Помня крутой нрав мальчика Котиса, которого мне довелось обучать, я не сомневался, что он тут же казнит меня за воровство.

Митридат ухмыльнулся:

– Ты прав, Котис бывает вспыльчив и крут, но обладает холодным и расчетливым умом... Продолжай.

– До Пантикапея их обещал доставить купец Ахиллес Непоседа. Поэтому я ждал в Танаисе. Это была единственная возможность вновь увидеть Кауну. Предчувствие меня не обмануло. Она появилась с Умабием. Корабли Ахиллеса отплыли на следующий день, и я не успел что-либо предпринять. На денежные средства, что остались у меня от сокровищ амазонок, я нанял корабль и последовал за ними. И вот теперь хочу сообщить, мой повелитель, – меч Сарматии в Пантикапее! – последние слова Харитон произнес, почти захлебываясь слюной. Спешно стерев влагу с бороды, он добавил: – Кауна среди телохранителей послов Евнона. Меч у нее. Забери его!

– Мне он не нужен.

– К-как, к-как же так? Ты же хотел... – Левый глаз Харитона округлился, веко правого задергалось.

Митридат рассмеялся. Подавив в себе смех, сказал:

– Я был глупым юнцом и верил в чудеса, но, как видишь, повзрослел. А ты? Неужели ты до сих пор веришь, что при помощи вещи, пусть даже это оружие, можно стать царем? – Смех Митридата вновь растекся по пустому залу. – Власть или передается по наследству, или ее добиваются. Добиваются умом, силой, хитростью, а зачастую подлостью и предательством, и никакой чудесный меч не поможет, если ты лишен способностей. Многие, будучи не царского рода, всходили на трон благодаря своим способностям. Вспомни персидского царя Кира Великого, македонцев Селевка и Птоле-

меня, или моего деда Асандра, отвоевавшего Боспор у понтийского царя Фарнака. И не только в этом причина. Портить отношения с аорсами сейчас мне невыгодно. Так что труды твои оказались напрасны. Но я ценю твою верность, и чтобы возблагодарить тебя за перенесенные лишения, оставляю тебя служить при дворе. Ты будешь получать достойное жалование.

Харитон, радостно воскликнув, в третий раз повалился на пол:

– О царь, моя благодарность к тебе безмерна!

Он был счастлив – это то, к чему он стремился. Харитон понимал, что с такой внешностью ему вряд ли удастся стать царем, и возможность быть вельможей повелителя Боспора его обрадовала. Ко всему прочему отказ Митридата от меча развязывал ему руки. Он сам завладеет чудодейственным оружием, а там, кто знает... Царь Македонии Филипп, отец Александра Великого, тоже был одноглаз. А Митридат, сам того не зная, подарил ему надежду. Он сказал:

– Ты должен послужить мне. Я сомневаюсь в верности Котиса и не ведаю замыслов аорсов. Мне надо знать, что они будут делать в Риме. Я хочу послать тебя с купцом Ахиллесом вслед за ними.

– Царь, не доверяй купцу! Ахиллес в дружбе с Котисом и молодым аорсом.

– Ты еще не стал придворным, а уже начинаешь плести сети недоверия, – в голосе Митридата послышалось раздра-

жение. – Ахиллес достойный муж и давно служит мне!

«Мне ли?» – промелькнуло в голове царя. Харитон все же посеял в его душе семя сомнения.

– Прости, повелитель!

Митридат на короткое время впал в раздумье, а затем продолжил:

– Котис умен, скрытен и недоверчив. Пошли я с ним кого-нибудь из своих вельмож, он сразу распознает в нем соглядатая, а у воинов и прислуги мало возможности добыть сведения о его действиях. Единственный, кому я мог бы довериться, это Ахиллес Непоседа, но теперь... Ты отправишься с купцом Фотием, есть у меня верный человек. Но справишься ли ты без Ахиллеса? Есть ли у тебя знакомства среди римских вельмож? Из твоего рассказа я понял, что ты был простым слугой, рабом своего хозяина.

– У каждого римского вельможи есть слуги, а у слуг есть уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть, и язык, чтобы в нужный момент шепнуть своему хозяину то, что будет выгодно мне. У меня нет знакомых патрициев, если не считать моих бывших хозяев, и уж тем более сенаторов, но у меня были знакомые слуги и если мне удастся их разыскать, то я могу узнать многое. А если повелитель снабдит меня некоторым количеством монет, то это развяжет многие языки. И еще, мне бы не помешало письмо, свидетельствующее о том, что я являюсь посланником царя Боспора.

– Ты получишь то, что просишь. Надеюсь, мое письмо и

пантикапейские статеры помогут тебе, но запомни – я должен знать все. Если ты получишь достоверные сведения об измене брата, незамедлительно возвращайся назад. Фотий будет ждать тебя в Бурундзии. И не вздумай обмануть меня...

Наутро три военных боспорских корабля, покинув порт Пантикапея, вышли в море. Они везли посольство Митридата и аорсов в Рим. Спустя два дня корабль купца Фотия отплыл в том же направлении.

Глава вторая

*Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему
судну,
Страшно вокруг киля его зашумели пурпурные
волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя,
летело.*

Гомер

Отсутствующий в первой половине дня попутный ветер надул паруса, и теперь продолговатые тела боспорских кораблей скользили по залитой солнцем водной ряби, следуя друг за другом вдоль берегов Таврики³². Котис велел плыть

³² Таврия (Таврика) – древнегреческое название Крыма.

на запад. Исходя из своих немалых познаний в науке вождения кораблей и идя навстречу пожеланиям Умабия, желающего посетить Афины, он отбросил сухопутный путь до Рима. Путникам предстояло преодолеть Понт Эвксинский³³, Пропонтиду³⁴, Эгейское, Ионийское и Тирренское моря.

Умабий, опираясь на борт, смотрел вперед. На носу корабля стояла Кауна. Ее длинные каштановые волосы развевались на ветру, кожаные сарматские штаны местами обтягивали крепкие стройные ноги. Девушка убрала плотную стягивающую куртку специального покроя в походную суму и сейчас стояла в льняной рубаше, под которой угадывались высоко поднятые груди. Она была подобна деревянной фигуре nereиды³⁵, что украшала нос судна.

– Нравится? – Котис коснулся локтя аорса.

Умабий растерялся, покраснел, стараясь не показывать своего смущения, перевел взгляд на море:

– Да. Оно красиво.

Котис лукаво усмехнулся. Умабий сделал вид, что не заметил усмешки боспорца.

– Ахиллес рассказывал о бурях и всяческих опасностях, подстерегающих людей в море.

– Ахиллес говорил тебе правду. Море действительно ко-

³³ Понт Эвксинский – древнегреческое название Черного моря.

³⁴ Пропонтида – древнегреческое название Мраморного моря.

³⁵ Нерея – в греческой мифологии морской старец, имеющий 50 дочерей – морских нимф, называемых nereидами.

варно. Сегодня оно улыбается, а завтра будет готово поглотить тебя. Конечно, все во власти богов, но, когда море в гневе, с ним надо бороться, как и со страхом. Стоит опустить руки, и ты у него в плену... Но не стоит его бояться. Не такое уж оно и страшное. – Котис внимательно посмотрел в сторону берега. – А вот и незваные гости, – произнес он ироничным тоном и указал на выскочившее из-за мыса узконосое суденышко.

– Кто это?

– Пираты. Это камар – корабль морских разбойников... и не один.

Из-за мыса показались еще два пиратских судна.

Умабий кинул на Котиса встревоженный взгляд, положил ладонь на рукоять меча.

– Не беспокойся. Я уверен, наша встреча случайна. После того как мой дед Асандр и отец Аспург премного потрудились, чтобы известить их в водах Понта, эти трусливые крысы, которых почти не осталось, лишь изредка осмеливаются нападать на одиноких путешественников.

Котис оказался прав. Заметив боспорцев, два камара развернулись и вскоре скрылись за мысом. Но судну, следовавшему первым, не повезло – слишком близко оказалось оно от боспорских кораблей. Попытка развернуть камар означала подставить борт под тараны триер, а это грозило неминуемой смертью. Пользуясь легкостью и большей подвижностью своего судна, пираты решили проскочить между двух военных

кораблей, на одном из которых находился Умабий. Попытка не удалась. Камар оказался зажатым между ними. Абордажные крюки боспорцев крепко вцепились в его тело. С высоких бортов триер полетели стрелы. Пираты один за другим падали на палубе, заливая ее кровью. Среди стонов слышались крики о пощаде, но ее не было. Несколько храбрецов, во главе с предводителем, с яростью обреченных бросились на борт корабля Котиса, в надежде взобраться на палубу. Мечи и копья боспорцев вернули их к товарищам. Мертвыми. Предводитель остался. Десяток стрел, пущенных со второго корабля, пригвоздили пирата к боковой стенке судна. Руки предводителя еще мгновение судорожно цеплялись за край борта, а затем тело тряпичной куклой повисло на древках стрел. С морскими разбойниками было покончено.

Котис посмотрел на груды мертвецов в камаре и громко распорядился:

– Уберите крюки! Пробейте днище! Затопите негодяев вместе с их суденышком! – Глянув на приколотое к борту тело предводителя, добавил: – И уберите эту падаль!

Два других пиратских камара боспорцы догонять не стали.

* * *

К Боспору Фракийскому – проливу, соединяющему Понт Эвксинский с Пропонтидой, вели два пути. Один лежал от

южной оконечности Таврики через открытое море к берегам Вифинии, плывя вдоль которых на запад можно было достичь пролива. Котис выбрал второй, по его разумению, более безопасный. По всей своей протяженности он пролегал вблизи от берега, у которого в случае непогоды можно было найти убежище. Котис любил риск, но сейчас он должен сохранить жизнь, свою и Умабия, возможно, впереди их ждали великие дела. Кроме того, Митридат обязал Котиса сопровождать некоторое время караван купеческих судов, плывущих в Ольвию.

Часть пути корабли плыли на полночь³⁶, а затем, отделившись от идущих в Ольвию судов, направились на запад. Достигнув берега неподалеку от устья Истра³⁷, они повернули на полудень³⁸. Дальнейшее путешествие продолжалось вдоль мизийских и фракийских берегов.

Путешествие пришлось Умабию по душе. Теперь, когда море приняло его и качка больше не доставляла беспокойства, ему нравилось все – и свежий соленый ветер, и пропитанный запахом водорослей воздух, и жалобный крик чаек, и даже неистовство морских бурь. Убегая от последней бури, они бросили якоря в удобной, глубоко врезающейся в сушу бухте, напоминающей очертанием изогнутый рог. В гавани уже находились: римская военная триера с тремя рядами ве-

³⁶ Полночь – север.

³⁷ Истр – древнегреческое название реки Дунай.

³⁸ Полудень – юг.

сел, две монеры, имеющие по одному ряду весел, гиппагин, перевозящий скот, несколько купеческих судов и рыбацких лодок.

Умабий подошел к Котису и указал на спрятавшийся за мощными стенами город, расположившийся на берегу по левому борту.

– Это город римлян?

– Город принадлежит Риму, но заселен в большинстве греками. Они же и основали его. Часть жителей греческого города Мегары решили поискать себе места лучшего для жизни. Прежде чем отправиться на его поиски, они выбрали себе предводителя. Его звали Виз. Перед отплытием они спросили у оракула, где им искать пристанища? Прорицатель ответил: «Идите и поселитесь напротив города святых». Мегарийцы отправились на поиски и вскоре достигли Пропонтиды. У входа в Боспор Фракийский они увидели стоявший на берегу моря город Халкидон. Когда же обратились они взорами на противоположный берег, то увидели мыс, выдающийся далеко в море, полуночный берег которого омывала глубокая бухта, – прекрасное место для стоянки кораблей. Лучшей местности для постройки нового города нельзя было и придумать. Мегарийцы удивились близорукости жителей Халкидона, не увидевших всех преимуществ этого места.

– И тогда они вспомнили слова предсказателя?

– Ты догадлив, мой друг. Они основали город и назвали

его в честь своего предводителя – Византий. Думается, пройдет время и станет он гораздо величественней Пантикапея.

– Почему? Как подобное возможно, чтобы маленький городок столь возвысился? – спросил Умабий недоуменно.

– Как Пантикапей стоит у пролива, соединяющего Меотийское озеро с Понтом Эвксинским, так и Византий встал стражем у Боспора Фракийского, что дает возможность кораблям выйти из Понта в Пропонтиду и дальше в Эгейское и Внутреннее моря, а это есть великий водный путь многих народов. Но это не все. Наилучший сухопутный путь из Рима, Галлии, Греции, Македонии в Парфию, Сирию, Персиду, Индию лежит мимо этого города. Торговые пути дадут Византию богатства, а богатства принесут силу. Так случилось с Пантикапеем.

* * *

Починка заняла два дня, на третий крошечный флот Котиса покинул гостеприимную бухту. При выходе в море корабли разминулись с судном купца Фотия.

Плавание по-прежнему доставляло Умабию удовольствие, но свежесть первых впечатлений постепенно таяла и все чаще его мысли возвращались к родным степям, к Евнону, Донаге, Торике. Как они там? Ах, если бы морской ветер мог приносить вести из далекой степи! А вести были...

Через день после отбытия Умабия гонец от Фарзоя сообщил: «У вождя верхних аорсов родился сын, названный Инисмеем». Это был второй сын Фарзоя, первый умер в трехлетнем возрасте. С рождением Инисмея, наследника Фарзоя, мечта Евнона об объединении аорсов в очередной раз рушилась. Это расстроило вождя. Разбавила горечь, новость более приятная. Таковой она была бы и для Умабия. Из уст Донаги Евнон узнал – Торика носит под сердцем дитя его сына.

Еще одной новостью с Евноном могла бы поделиться Газная. Девушка стала свидетельницей заговора против вождя, но не знала, как и кому поведать о нем, кому довериться. Кто поверит чудачке-сироте, обвиняющей таких уважаемых людей, как родовой вождь Дарган и главная жрица Зимегана? Если бы рядом был Горд, он бы посоветовал, что делать, но венед находился далеко. Выручил Ахиллес. Купец приехал в стан аорсов за день до откочевки племени на юг. Он рассказал, что благополучно доставил посольство в Пантикапей, где его с почестями принял царь Митридат, после чего оно отправилось в дальнейший путь с младшим братом царя, Котисом. Евнону, Донаге и Торике он привез подарки и приветы от Умабий и о племянниках, им достались сладости. Нашел Ахиллес время подойти и к знакомой целительнице Газнае. Вручив девушке ожерелье из морских ракушек с подвеской-раковиной, с улыбкой изрек: – Этот скромный дар просил меня передать один из моих

друзей, имя которого вам известно, моя милая спасительница.

Газная покраснела, опустила голову:

– Как я объясню людям, от кого подарок?

– Скажешь, что это подарил тебе я, в благодарность за исцеление. Но я не вижу радости на твоём лице. Тебе не понравился подарок Горда? Завтра я уезжаю в Танаис, а затем меня ждёт дальнейшее путешествие, возможно, я навещу посольство аорсов в Риме, и передам Горду, чтобы он привез подарок более достойный такой замечательной девушки.

Газная молчала, смотрела на Ахиллеса испытующим взглядом. Могла ли она поведать купцу свою тайну? Он друг Евнона, неплохо относится к ней, Горд доверился боспорцу, почему не рассказать ему обо всем?

– Что случилось? – спросил Ахиллес. Её угнетенное состояние обеспокоило его. – Тебя обидели?

Заботливый тон Ахиллеса разрешил сомнения целительницы:

– Я случайно подслушала разговор Даргана и Зимеганы... – голос девушки задрожал от волнения.

– Слушаю тебя, продолжай, – голос Ахиллеса обрел твердость и решимость, успокаивающе действуя на Газною.

– Они говорили, что пока Горда и Умабия нет, пора отправить Евнона к прамати. Они хотят сделать верховным скептухом Даргана! Он сказал, что позже они свернут голову Умабию и Горду. – В глазах девушки появились слезы,

она закрыла лицо ладонями, из-под которых вперемежку со всхлипами донеслось: – Они погубят его!

– Не беспокойся, я сам разберусь с этим... И не говори никому о нашем разговоре.

Следующий день был днем откочевки племени к реке Ра. Евнон назначил Даргана распорядителем, и теперь тот с важным видом разъезжал на лошади между повозок, время от времени отдавал приказы, повелительно покрикивал на нерасторопных соплеменников. Улучив момент, к нему подошел Ахиллес. Драган слез с лошади. После обмена приветствиями Ахиллес пристально посмотрел в глаза Даргана и сказал:

– Мне стало известно, что ты что-то затеваешь против скептуха.

Предательская бледность проявилась на лице Даргана. Ахиллес понял – он виновен, но доказать это не представлялось возможным, слов Газнаи было слишком мало, чтобы вывести злоумышленников на чистую воду. Ему же, иноплеменнику, могли не поверить. Даже Евнон вряд ли одобрил вмешательство чужеземца в дела своего племени. Осталось одно – оторвать осе жало, пока оно не ужалило.

– Запомни, в стане есть люди, которые по моему поручению следят за тобой и твоей подружкой Зимеганой, и если ты собрался вынуть меч из ножен, лучше вложи его обратно. Послушай совета, а я позабочусь, чтобы Евнон не узнал о твоих скверных замыслах. – Ахиллес улыбнулся, глаза его

сузились.

Ни улыбка, ни взгляд не предвещали Даргану ничего хорошего. Боспорец отошел. Все произошло так быстро, что растерявшийся Дарган не нашел слов для ответа, лишь полный ненависти и бессилья взгляд пронзил спину Ахиллеса-Непоседы.

Глава третья

Один город Аттики на протяжении многих лет прославился большим числом мастеров слова и их творений, чем вся Греция, так что можно подумать, будто части тела греческого народа распределены между другими городами, дух же заперт за стенами одних Афин.

Валлей Патеркул

Оставив позади зажатое между европейским и азиатским берегами море, называемое римлянами Мармара, а греками Пропонтидой, корабли проплыли Геллеспонт³⁹ и вышли в Эгейское море. Греческий бог водной стихии Посейдон, обретший у римлян имя Нептун, отнесся к путешественникам благосклонно, море оставалось спокойным, ветер был попутным. Умабий любовался многочисленными островами, что встречались на их пути, а Котис развлекал его рассказами о происхождении названий островов и моря, о жизни в горо-

³⁹ Геллеспонт – древнегреческое название Дарданелл.

дах, стоящих на его берегах. Со слов Котиса, он узнал, что Эгейское море названо именем Афинского царя Эгея. Его сын Тесей уплыл на остров Крит, чтобы сразиться с чудовищем Минотавром и избавить Афины от ежегодной дани юношами и девушками. Он исполнил задуманное, но, при возвращении, забыл сменить черный парус, означавший его смерть, на белый, предупреждающий о благополучном возвращении. Это и погубило его отца. Он долго ждал горячо любимого сына и ежедневно выходил на берег встречать его. И вот однажды он увидел в море парус. Черный. С горя царь бросился со скалы в море и погиб. С той поры море стало называться Эгейским. Поведал Котис и о том, что город Афины, куда стремился попасть Умабий, назван в честь богини-воительницы Афины Паллады, хранительницы городов и покровительницы наук. По-доброму завидуя Котису, обладавшему столь обширными знаниями, Умабий любопытствовал, откуда тот слышал такое количество всевозможных сказаний, на что Котис ответил:

– В юности мне довелось короткое время проживать в Риме и посетить Афины. А в детстве у нас с Митридатом был учитель, он любил рассказывать нам о греческих и римских богах и героях. Особенно он любил истории о вещах, обладающих чудодейственной силой, о волшебных сандалиях, доспехах, щитах и мечах, дающих могущество своим обладателям. Жаль, что Харитон, так звали нашего учителя, оказался вором. Он похитил из дворца драгоценности моей матери и

покинул царство. Больше его никто не видел.

– Ты говоришь – Харитон?

– Да. Тебе знаком этот человек?

– Одного из людей Намгена, напавших на Кауну в Танаисе, звали Харитон. – Умабию, как и в случае с купцом Ахиллесом, пришлось выложить правду о появлении в его свите Кауны. – Харитон был криворот, а его лицо обезображено шрамом. – Умабий смолчал о мече, дарующем человеку власть, это была чужая тайна, в которую он не имел права кого-либо посвящать.

– Вряд ли это он. Я помню нашего учителя красавцем, на которого заглядывались многие знатные женщины Пантикапея. Но к чему вести речь об этом негодяе и воре, давай я расскажу тебе о том, как греческий бог морей Посейдон спорил с богиней Афиной Палладой за обладание Аттикой...

Умабий увлеченно слушал рассказы Котиса, соединял их с тем, что узнал от Ахиллеса и Квинта, примерял к виденному своими глазами. Следующим ему предстояло увидеть порт Пирей – морские ворота Афин. Было время, когда Пирей и Афины существовали как отдельные города, но один из правителей Афин повелел воздвигнуть две стены, прикрывшие дорогу, ведущую от одного к другому. Стены эти соединили города, и сделали их, по сути, одним целым. Горожане называли их «Длинными». Впоследствии они не раз спасали афинян и подвергались разрушению.

Корабли вошли в акваторию пирейского порта ближе к ве-

черу, в связи с чем посещение Афин отложили на утро. Умабию пришлось удовольствоваться осмотром с корабля Пирея и его окрестностей. Но день клонился к закату, и вскоре очертания строений и берега расплылись, а потом и вовсе скрылись за черной занавесью ночи. Она же, черноокая, раскидала мириады звезд, сверкающих драгоценными камнями, на необъятном небосводе. Звезды таинственно перемигивались между собой. Их отраженья-двойники шевелились на воде, подобные светящимся медузам. Умабий некоторое время любовался этой красотой, затем отправился спать под навес на корме судна.

Среди ночи его разбудил громкий стон и последовавший за ним всплеск воды. Спустя мгновение вся команда корабля была на ногах. Вскоре выяснилась и причина переполоха.

Кауне не спалось. Мысли об Умабии навязчиво лезли в голову девушки. Она пыталась гнать их от себя, но чувство, поселившееся в ее душе, не отпускало. Оно же порождало нечто похожее на ревность, проявившуюся в тот миг, когда она узнала, что Умабий женат на Торике, дочери предводителя верхних аорсов. Некоторую обиду вызывало и его невнимание к ней с той поры, как корабли покинули Танаис. Кауна, желая отвлечься от дум, смущавших ее девичью душу, встала и, осторожно перешагивая через спящих на палубе воинов, подошла к борту. Побывать в одиночестве ей не удалось. Стоящий на страже боспорский воин заметил девушку. Сарматка с каштановыми волосами давно приглянулась

ему. Вначале пути он не делал попыток завести с ней знакомство, опасался ее соплеменников, среди которых могли оказаться те, кому она небезразлична. Но плавание продолжалось, и не было заметно, чтобы кто-то из аорсов или боспорцев уделял ей особое внимание. Сама сарматка производила впечатление неприступной, лишь иногда позволяя себе общение с римлянином Квинтом. Но в один из дней воину показалось, что она посмотрела в его сторону с интересом. Он ошибся.

Страж окинул палубу взглядом: все спали. Боспорец прислонил копье к мачте и подошел к девушке:

– Скучаешь, красавица? Не спится?

Кауна ответила молчанием, она даже не повернула голову в его сторону. Это несколько оскорбило и обескуражило его. «Притворяется недотрогой», – подумал боспорец и решил действовать более напористо:

– Я знаю, что тебе надо. Поцелуй телохранителя боспорских царей развлечет любую красавицу. – Рука стражника объяла стан девушки. Кауна резко повернулась к нему лицом, в тот же миг ее колено врезалось в пах боспорца. Стражник согнулся, взвыл от боли. В следующее мгновение ноги стражника оторвались от палубы, и он оказался за бортом.

Моряки и воины со смехом втащили на палубу боспорца, охлаждавшего чрезмерный любовный пыл в соленой воде Эгейского моря. Разбуженный шумом Котис отчитал нерадивого стражника и предупредил всех остальных воздер-

жаться от притязаний на телохранительницу Умабия. Он пообещал, что нарушитель приказа будет иметь дело с ним.

Кауна безучастно стояла в стороне, будто все, что происходило, совершенно ее не касалось. Лицо, освещенное светом факелов, зажженных встревоженными воинами, казалось высеченным из камня. Умабий подошел к девушке. Все время путешествия его непреодолимо тянуло к ней, но он сдерживал себя, считая неудобным общение с личным телохранителем на глазах Котиса и остальных воинов. Но сейчас это было к месту. Взяв Кауну за запястье, он спросил:

– Боспорец обидел тебя?

– Нет. – Кауна вырвалась, пошла на нос корабля. В ее голове, жесте, Умабий почувствовал обиду. Но она не огорчила его, в ней он уловил что-то необъяснимо-особенное. Именно теперь он понял, что небезразличен этой гордой и своенравной девушке.

Сзади подошел Котис, тихо изрек:

– Я вижу, табун твоих мыслей стремится к источнику любви, но смотри, чтобы тропа разочарований не привела тебя в долину душевных мук...

* * *

Утро наступившего дня было пасмурным. Принесенные греческим богом Бореем тучи низко стелились над землей, задевая вершины близлежащих гор. Казалось, опустись еще

ниже, эти клубящиеся темно-серые гиганты переломают все мачты кораблей, стоящих в водах пирейского порта. Буря стремительно надвигалась. Умабий наблюдал, как рыбацкие суденышки возвращаются с моря и спешат спрятаться от непогоды. Среди них он различил знакомый силуэт. Тот самый корабль, который он видел входящим в бухту Византия. Котис на вопрос о принадлежности судна ответил, что оно принадлежит купцу Фотию, давнему сопернику Ахиллеса-Непоседы. Фотий много лет, как и Ахиллес, поставлял ко двору пантикапейских царей иноземные драгоценности, оружие и различные диковины. Котис добавил, что каждый год, в это время Фотий отправляется в римский город Бурундзий, где уже много лет с разрешения тамошнего префекта⁴⁰ торгует с итальяскими купцами. Его удивило, почему проворный в торговых делах купец не присоединился к посольству, плывущему к берегам Италики. Плавание в составе кораблей Котиса было бы для Фотия более безопасным.

Надвигающийся ли шторм загнал в гавань корабль или посещение Афин было задумано купцом, этого ни Котис, ни Умабий не знали. Это знал Харитон, именно по его настойчивой просьбе Фотий привел корабль к Пирею.

Погода портилась, свинцовые тучи разродились проливным дождем. С погодой портилось и настроение Умабия, отчаявшегося попасть в этот день в Афины, но боги сжалились над ним. Ближе к полудню небо посветлело, ветер стих. Ко-

⁴⁰ Префект – в Древнем Риме административная или военная должность.

тис, Умабий и Горд, охраняемые двумя боспорскими воинами, Кауной, Квинтом и в сопровождении проводника, представленного властями города царственной особе, отправились осматривать Афины. Части моряков и воинов позволили сойти на берег.

* * *

Харитон издали, лишь взглядом, проводил Котиса и его друзей. За ними он не последовал, его интересовали те, кто сошел с корабля после них. Ему нужен был свой человек на судне, который мог бы рассказать обо всем, что там происходит. Такой человек нашелся.

Толпа боспорцев оказалась на пристани. Их появление сопровождалось то и дело вспыхивающим хохотом. Причиной смеха оказался один из них. Молодой воин, багровея от стыда и гнева, с трудом сдерживал себя, выслушивая насмешки:

- Бардус, найди себе афинянку, они не такие строптивые!
- Афинянка ему теперь не нужна, Кауна отбила у него охоту к женщинам!

– Поэтому он и нырнул в море, не иначе решил обольстить одну из дочерей старца Нерея! Ха, ха, ха!

Услышав имя Кауны, Харитон насторожился.

Оскорбленный издевательствами Бардус отделился от товарищей, пожелав им лопнуть от смеха. Досадливо отмахнувшись от колкостей, летевших вслед, он в одиночестве по-

брел по одной из улочек Пирея. Харитон неспешно пошел за ним. Он нуждался в этом боспорце, обиженного человека гораздо легче склонить на свою сторону.

Как оказалось, путь Бардуса лежал к ближайшей таверне. Боспорец спешил утопить обиду в вине. События прошедшей ночи огнем жгли его поруганное самолюбие и потушить его мог только бог Вакх.

Харитон вошел в питейное заведение. Это была портовая таверна, причем не лучшая в Пирее. Бардус сидел за грубо сколоченным и плохо очищенным столом на четверых посетителей. Он уже успел осушить чашу кипрского вина. Харитон подождал, пока будет выпита вторая, и подошел к боспорцу. Хмель растревлял обиду, а значит, играл ему на руку, но третья чаша могла помешать делу. Не спрашивая приглашения, он сел напротив. Бардус угрюмо склонился над пустой чашей. Харитон кашлянул. Боспорец медленно поднял голову и неприязненно посмотрел на обезображенное лицо незнакомца.

– Мне надо поговорить с тобой, Бардус.

– Кто ты и откуда тебе известно мое имя?

– Я слышал, товарищи насмехались над тобой, но если ты поможешь мне, то не пройдет и года, как они окажутся в твоём подчинении и пожалеют о том, что без уважения относились к тебе.

– Уж не ты ли назначишь меня на столь высокую должность? Может, ты царь Боспора или римский император? –

произнес Бардус с сарказмом.

– Нет. Но могу похлопотать за тебя перед Митридатом, он поручил мне выполнить важное задание, и я нуждаюсь в твоей помощи. Она не будет безвозмездной. – Харитон вынул из складок одежды кошель и положил его перед боспорцем.

В глазах Бардуса загорелись огоньки алчности, трясущаяся рука сграбастала кошель со стола.

– Я согласен, – ответил он, не раздумывая. – Что я должен сделать?

– Для начала поясни, что за обиду тебе нанесла сарматка по имени Кауна? Затем расскажешь, что происходило на корабле после того, как он вышел из Пантикапея, ну а потом я послушаю о тех, кто плывет с тобой. Особенно меня интересуют Котис и аорсы.

Бардус торопливо, желая поскорее отработать полученные деньги, рассказал Харитону обо всем, что знал и видел, в том числе и о своем ночном позоре.

– Ты утверждаешь, что на корабле есть римлянин? – заинтересованно спросил Харитон, когда Бардус закончил свое повествование. – И он дружен с Кауной?

– Да.

– Подружись с ним, выведай о нем все, что сможешь. Я должен знать, откуда он родом, как попал к аорсам. С его помощью постарайся вымолить прощение у Кауны...

Лицо Бардуса побагровело от гнева:

– Я! Прощение у этой...

– Молчи и слушай, – в голосе Харитона появился металл, заставивший Бардуса подчиниться. – Да, прощение. Денег я тебе дал, купи ей подарок, но не женские принадлежности. По характеру она больше мужчина, чем женщина, поэтому и отринула твои ухаживания. Оружие ей дороже всякой девичьей безделушки. Но подарок должен быть недорогим, иначе многих заинтересует, откуда у тебя столько денег. Запомни, ты должен завоевать их доверие и стать им другом... Это будет полезно для дела. В общем, вызнавай, смотри, слушай. Я должен знать обо всем, что происходит на корабле Котиса.

– Но когда и где я расскажу тебе о том, что узнаю?

– В Риме. Я сам отыщу тебя. А теперь прощай.

– Ты не назвал мне своего имени.

– Пока тебе необязательно его знать. Называй меня – господин. И советую не увлекаться вином. Оно развяжет твой язык, и ты можешь потерять не только деньги, полученные от меня, но и саму жизнь...

* * *

Умабий вернулся на корабль в прекрасном расположении духа. Впечатления от увиденного переполняли его. Осмотр города, что расположился на Цефисианской равнине, доставил несказанное удовольствие. Даже Пантикапей, поразивший его воображение, казался в сравнении с Афинами менее величественным. Умабий радовался: наконец-то он во-

очию увидел город, о котором слышал от Ахиллеса, Квинта и Котиса. Ему было на что посмотреть. Белокаменные дома, утопающие в зелени кипарисов, олеандров, оливковых деревьев, виноградников и плюща, крытые галереи, театр, посвященный богу Дионису, библиотеки, круглое здание Одеона, предназначенное для выступления певцов, построенный римлянами стадион, величественные здания и храмы. Но, несмотря на всю красоту городских строений, венцом Афин был возвышающийся над городом Акрополь, он чем-то напомнил Умабию тот, что он видел в Пантикапее. Немало поразили степняка фонтаны и водопровод.

Но не только осмотр города пробудил в Умабии радостные чувства. Существовала еще одна причина, и причине этой было имя – Кауна. Будучи на Агоре, Умабий воспользовался тем, что Котис остановился у лавки торговца свитками и увлекся чтением одного из них, взял Кауну под локоть, отвел ее в сторону. Теперь ему было наплевать на приличия и на неподходящее для подобного разговора место. Нетерпение и желание утвердиться в своих догадках подвигли его сделать этот шаг.

– Ты обижена на меня?

– Разве телохранитель имеет право обижаться на своего хозяина? – В голосе девушки чувствовалась ирония с легким налетом обиды.

– Ты для меня больше, чем телохранитель и друг.

– Что же может быть больше?

– Я тебя...

– Не забывайся. У тебя есть жена. Я – воин, а воину не нужны дыхатели.

– Ты говоришь неправду, я это знаю.

Лицо девушки залила краска смущения. Она отвернулась, отошла к беседующим о чем-то Квинту и Горду. Слова Умабия попали в цель. Теперь он еще более уверился – чувства девушки взаимны, но еще существовали преграды, мешающие их сближению. Одной из преград мог стать римлянин Квинт, с которым Кауна дружила, или молодой боспорец, выброшенный ею за борт.

По возвращении на корабль Умабий увидел, как боспорец подошел к девушке, извинился за то, что произошло ночью, и вручил подарок – небольшую, размером с ладонь терракотовую статуэтку Афины Паллады. До Умабия донеслись слова Квинта:

– Она похожа на тебя!

Умабий кинул взгляд на подарок. Римлянин был прав – Афина, простоволосая, вооруженная копьем и щитом, была похожа на сарматскую деву-воительницу. Умабий пожалел, что это не он одарил девушку, и почувствовал укол ревности, хотя глубоко в душе чувствовал – ни Квинт и ни боспорец Бардус не нужны Кауне. Более серьезной преградой было его положение в племени и женитьба на Торике.

На следующий день кораблям Котиса выйти в море не удалось. Правители города узнали о присутствии в нем брата боспорского царя и сарматского посольства, явились на корабль и упросили Котиса погостить в Афинах еще несколько дней. Котис согласился остаться в Афинах на пять дней, что дало Умабию возможность ближе узнать город и его обитателей.

Задержкой посольства воспользовался Харитон. Корабль Фотия в тот же день покинул Пирей и направился к Бурундию. Там, пользуясь письмом Митридата, Харитон, как посланник боспорского царя, получил у муниципального декуриона⁴¹ пропуск, дающий право беспрепятственно следовать в направлении Рима. По пути в Рим Харитон посетил виллу Сервия Цецилия в пригороде Капуи. Ту самую виллу, где он влачил пусть и не жалкое, но все же унижительное для него существование в качестве раба. Поговорив с управителем, он узнал, что с приходом к власти Клавдия его бывший хозяин Сервий Цецилий предпочитает большую часть времени проводить в Риме, так как является приближенным императора. Выведав у знакомых слуг нужные сведения о Цецилии, Харитон отправился дальше. Спустя два дня Аппиева доро-

⁴¹ Декурион – высшее сословие италийских и провинциальных городов Римской империи. Ведали городским управлением, сдачей земель в аренду.

га привела его в Рим.

Глава четвертая

*В шестую Олимпиаду, через двадцать два года, как была учреждена первая, Ромул, сын Марса, отомстив за несправедливость по отношению к деду, в Парилии, на Палатине⁴², основал город Рим.
Валлей Патеркул*

Восемь темнокожих и атлетически сложенных рабов-нубийцев в желтых набедренных повязках медленно шагали по одной из главных улиц Рима – Таберноле. Их мускулы были напряжены, тела блестели от пота. День выдался жарким, а ноша нелегка. В крытом синей шелковой тканью паланкине, развалившись в кресле, восседал их господин – пухлолицый, губастый и довольно объемный телом Сервий Цецилий. За носилками шли шестеро телохранителей-гладиаторов. Сервий имел в Риме свою небольшую гладиаторскую школу, готовившую гопломахов, чем немало гордился. Кроме телохранителей носилки сопровождали трое слуг, один из которых шагал впереди, время от времени выкрикивая одну и ту же фразу:

– Дорогу Сервию Цецилию! Дорогу сенатору Рима!

Но на этом процессия не заканчивалась. За паланкином

⁴² Палатин – один из семи холмов, на которых возник Рим, и престижный район города, в котором находилась одна из резиденций римских императоров.

Сервия чернокожие рабы несли носилки с его супругой Лукерцией, за которыми в свою очередь шли дюжие гладиаторы и служанки.

Если бы не отсутствие ликторов⁴³ с фасциями⁴⁴, то можно было подумать, что в паланкине находится ныне действующий консул⁴⁵. Но Сервий консулом не являлся, хотя и состоял в сенате, где в основном заседали бывшие консулы, преторы⁴⁶, цензоры⁴⁷. Плебеи, расступавшиеся перед носилками сенатора, посмеивались: весь Рим знал – чести заседать в сенате Сервий удостоился лишь потому, что считался другом Клавдия и в свое время часто гостил у него на вилле в Кампании, где тот любил скрываться от интриг и суеты Вечного города. Сервий же единственный не смеялся, когда полоумный император Калигула унижал своего будущего преемника. Тогда нынешний император не мог предположить, что Сервий молчит не из-за жалости к нему, а по причине своего недалекого ума, природной угрюмости и

⁴³ Ликтор – в Древнем Риме, служители, сопровождавшие и охранявшие высших магистров.

⁴⁴ Фасции – в Древнем Риме, пучки прутьев, перевязанные ремнями, с воткнутыми в них топориками. Атрибут власти царей, а затем высших магистров.

⁴⁵ Консулы – в Древнем Риме, два высших должностных лица, избиравшиеся на один год.

⁴⁶ Претор – должностное лицо, имевшее судебную власть и ведавшее охраной порядка, а также наместник в римской провинции с правом главнокомандующего.

⁴⁷ Цензор – в Древнем Риме, должностное лицо, осуществлявшее контроль над финансами и нравами римских граждан.

неразговорчивости. Даже обучавшие его риторы ничего не смогли поделаться с характерными особенностями Сервия. Но, несмотря на это, ему достало ума одним из первых поддержать Клавдия во время его неожиданного вступления в императорскую должность. А в поддержке Клавдий на первых порах нуждался. Особенно в поддержке легионов. Брат же Сервия – Публий Цецилий, прославился храбростью и боевыми подвигами, пользовался в войсках авторитетом и был знаком со многими воинскими начальниками. За эти вот заслуги Клавдий, вопреки недовольству и сопротивлению со стороны высокопоставленных мужей, удостоил Сервия Цецилия чести присутствовать в сенате. В курии⁴⁸ любили шутить: «Калигула хотел провозгласить своего коня консулом, но ему это не удалось, зато Клавдий сделал сенатором осла». Но сенаторы ошибались, занижая умственные способности Цецилия, он был не таким глупым, каким казался, и нынешнее положение его не устраивало. Прошло уже семь лет после восхождения Клавдия на вершину власти, а он, Сервий, представитель одной из ветвей знатного рода Цецилиев, ни разу не стал консулом или претором. А ведь Клавдий мог бы повлиять на выбор сената, но не сделал этого. Уязвленное, спрятанное от людских глаз тщеславие Сервия породило в нем обиду и ненависть к своему благодетелю.

Процессия остановилось у дома Цецилиев. Трехэтажное здание из белого мрамора, с колоннами в коринфском сти-

⁴⁸ Курия – в данном случае здание, в котором собирался сенат.

ле, больше напоминало дворец. Нубийцы осторожно опустили паланкин. Сервий тяжело поднял с кресла грузное тело, отодвинул занавес и нехотя ступил на мостовую под палящие лучи солнца. Поправляя складки на тоге⁴⁹ с пурпурной каймой, надетой поверх латиклавы⁵⁰, он быстро проследовал к дверям дома, услужливо открытым подобострастным привратником. Скрывшись от зноя, Сервий облегченно вздохнул. Смуглолицый, с крючковатым носом пожилой египтянин, слуга и смотритель дома Цицилиев доложил:

– Господин, тебя ожидает посланник боспорского царя, я не смог отказать столь высокому гостю.

– Посланник боспорского царя? – Брови изумленного Сервия поползли вверх.

– Да, господин.

– Где он?

– В атриуме⁵¹.

Сервий с озабоченным видом направился в закрытый внутренний двор дома. Лукерция, сжигаемая любопытством, с молчаливого согласия мужа последовала за ним.

Гость, одетый в зеленую хламиду, отороченную полоской желтой ткани, стоял спиной к вошедшим в атриум Сервию

⁴⁹ Тога – верхняя одежда граждан Древнего Рима, длинный плащ, обычно из белой шерсти.

⁵⁰ Латиклава – туника с широкой пурпурной каймой, носили сенаторы.

⁵¹ Атриум – закрытый внутренний двор римского жилища, куда выходили остальные помещения.

и Лукерции. По всей видимости, незнакомец погрузился созерцание чистого голубого неба, что отражалось в воде импловия⁵², или любовался своим ликом, подобно прекрасному юноше Нарциссу, сыну греческого речного бога Кефисса. Желая привлечь внимание посетителя, Сервий произнес:

– Прошу меня простить, но хотелось бы узнать, кого я имею честь принимать в своем доме?

Незванный гость резко обернулся. Сервий, не ожидая увидеть того, кто предстал перед его глазами, отшатнулся. На пухлом лице одновременно отразились удивление, испуг и отвращение. Лукерция, узнав в госте Харитона, прикрыла ладонью рот, пытаясь приглушить невольно вырвавшийся возглас. Лицо бывшего любовника, когда-то вызывавшего в ней пылкие чувства, было обезображено шрамом и казалось ужасным. Не в силах видеть этого уродства, она отвела глаза. Сервий в отличие от супруги взгляда не отвел. Он тоже узнал бывшего раба, которому в свое время доверял, и, заметив его ученость, поручил воспитание единственного сына. Но подлый слуга не оправдал доверия и посмел покушаться на честь его супруги. Лишь благодаря ее заступничеству он остался жить. Вина Харитона осталась не доказанной, и все же Сервий счел за благо отправить его к брату Публию, от которого неблагодарный раб осмелился бежать. В голове Сервия промелькнуло: «Уж не явился ли он, чтобы отомстить мне?» Пятясь, он на всякий случай отошел на безопасное расстояние.

⁵² Импливий – бассейн.

Вслух, скрывая страх, произнес:

– Ты?! Как ты, жалкий раб, посмел переступить порог моего дома! По римскому праву и моему повелению за побег от своего господина тебя распнут на кресте. – Обернувшись к жене, добавил: – Лукерция, скажи Амернапу, пусть позовет телохранителей!

– А ты изменился, Сервий. Раньше ты был менее решителен и немногословен, – усмехнулся Харитон.

Сервий действительно не походил на его бывшего хозяина: молчаливого, угрюмого, кажущегося застенчивым молодого человека с красивыми темно-серыми глазами, обрамленными длинными пушистыми ресницами. Теперь ресницы поредели, как и волосы на голове, а заплывшие жирком глаза напоминали глазки свиньи. Харитон не знал, что причиной этих изменений кроме возраста была неизвестная болезнь, мучавшая сердце Сервия и вызывавшая в нем непомерное обжорство.

– Советую тебе не торопиться звать верных псов, которые при случае с удовольствием перегрызут твою жирную глотку, как это делал небезызвестный всему Риму Спартак. – Харитон утер слюну с подбородка.

– Что-о-о!!! – взревел Сервий, багровея от подобной наглости, его толстые щеки затряслись от переизбытка чувств. Харитон словно разглядел его слабость. Сервий родился в Капуе, городе, откуда началось восстание гладиаторов, которое возглавил фракиец Спартак. В детстве ему не раз прихо-

дилось слышать о том, с какой жестокостью обретшие свободу рабы расправлялись со своими бывшими хозяевами, а гладиаторы заставляли патрициев убивать друг друга. Эти ужасные истории отпечатались страхом в его сознании. Рассказы о зверствах восставших не всегда соответствовали истине. Спартак старался поддерживать порядок в возглавляемом им разноязыком войске, запрещал заниматься самосудом и разбоем, но случалось, что жаждущие мести рабы и гладиаторы без ведома предводителя чинили суд над своими угнетателями. Мятежный фракиец – вождь рабов – погиб в сражении, его войско было разбито, многие тысячи восставших распяли на крестах вдоль Аппиевой дороги, в устрашение желающим покуситься на законы Рима. Это произошло свыше ста лет назад. Вечный город больше не потрясали мятежные выступления гладиаторов, и все же где-то в глубине души Сервий побаивался своих телохранителей, в чем не осмеливался признаться даже самому себе.

– Не мечи молнии гнева, уважаемый Сервий. Ты не Юпитер и поэтому выслушай меня без возмущения, – голос Харитона был спокоен и холоден. – Видимо, тебе забыли доложить, что я вельможа боспорского царя и посланник Митридата к императору Клавдию, которому может не понравиться оскорбительное обращение с гостем Рима. Вот смотри. – Харитон вынул из складок одежды два свитка – от Митридата и выданный в Бурундзии.

Лукерция собиралась идти за гладиаторами, но слова Ха-

ритона остановили ее. Жена сенатора хоть и утратила с годами часть своей прежней красоты, но все же оставалась привлекательной. Даже просторная, небесной голубизны стола⁵³ не могла скрыть соблазнительных форм ее тела. Но Харитону было не до любований прелестями жены Сервия.

– Лукерция, тебе лучше уйти. – Харитон устремил на женщину гипнотический взгляд. Лукерция не замедлила удалиться. Ей не терпелось поскорее покинуть атриум. Изувеченное лицо Харитона вызывало у изнеженной матроны приступ тошноты.

– Как ты смеешь указывать моей жене, что ей делать! – вскричал сенатор, задыхаясь от гнева. – Только я, ее муж, могу...

– Что ты можешь, Сервий? – перебил его Харитон. – Не с твоего ли молчаливого согласия безумный император Калигула спал с твоей молодой женой?! Не ты ли, зная, что не способен удовлетворить ее потребностей, закрываешь глаза на то, что она соблазняет твоих гладиаторов, как когда-то соблазнила меня?

Свиные глазки Сервия налились кровью:

– Клянусь Марсом, я растопчу тебя, мерзкий червь!!!

– Растопчешь, – вновь обретя спокойствие, произнес Харитон, – но прежде мой верный человек передаст Клавдию свиток, прочитав который император узнает о том, что ты владел телом его жены Валерии Мессалины. Любопытно ему

⁵³ Стола – длинное, просторное платье римских женщин.

будет узнать и о нелестных словах, произносимых на оргиях тобой и твоими друзьями, а еще о заговоре против него, задуманном Мессалиной, ее любовниками Гаем Силием, актером Менстером и другими высокопоставленными лицами, включая тебя, Сервий Цецилий.

Лицо сенатора стало мертвенно-белым, в коленях появилась дрожь, тело онемело.

– Что ты хочешь? – с трудом вымолвил Сервий.

– Не я, Митридат. На днях в Рим должен прибыть его брат Котис и посольство сарматов. Мой повелитель хочет знать о каждом их шаге, о каждом сказанном слове. Особенно, о чем они будут вести речь с императором. Ты близок с Клавдием, а посему имеешь возможность проследить, как будут вести себя интересующие боспорского царя люди.

– Обычно послы в ожидании решения сената останавливаются в Грекостазе⁵⁴, и я не буду иметь возможности следить за ними. – Сервий перешел на полусшепот и внимательно огляделся, опасаясь, что кто-нибудь может подслушать разговор.

– Пригласи их в свой дом, сенат будет рад снять с себя расходы на содержание посольства. И не переживай за убытки, твои гости щедры, не сомневаюсь, что средства, затраченные на них, окупятся.

Сервий нахмурился, ему не понравились последние слова

⁵⁴ Грекостаз – особое здание близ курии Гостилия, где останавливались иностранные послы в ожидании решения сената.

Харитона.

– Что ж, я постараюсь заманить их в мой дом. Ты будешь знать о них. Это все?

– Нет. Еще кое-что для меня. В свите сарматов есть девушка-телохранитель, мне нужен ее меч.

– Ты предлагаешь выкрасть его в моем доме? Но это бросит тень...

– Нет.

– Убить ее? Отравить и забрать меч? Что мне делать?

– Я читал объявления на стенах римских домов. Ты в ближайшие дни устраиваешь гладиаторские бои в Большом цирке?

– Это так. Я жду выздоровления императора. Да поможет ему Фортуна. С его согласия бои будут проведены.

– Так вот. Ты мог бы шепнуть на ухо Клавдию, что в свите сарматов есть настоящая амазонка, могущая противостоять трем опытным вооруженным мужчинам. Клавдий, как и все римляне, любитель гладиаторских боев и ему доставит большое удовольствие увидеть на арене настоящую амазонку, женщину-воина. Сарматские послы не осмелятся отказать императору в его просьбе испытать девушку в показательном бою.

– Я должен устроить так, чтобы бой оказался для нее смертельным, и тогда ты получишь свой меч, – уловил мысль Харитона Сервий.

– Да, а ты получишь свиток.

– Я все устрою.

– У тебя нет другого выхода. Поторапливайся. В Бурундзии меня ждет корабль, и чем скорее я покину на нем берега Италики, имея при себе сведения о переговорах и меч, тем спокойнее будет тебе. Прощай и не вздумай подослать ко мне своих головорезов. Не забывай, мой верный человек не передаст свиток императору, пока я жив. И еще, мне бы хотелось, чтобы мое пребывание в Риме оставалось тайной для послов...

Сервий на миг засомневался; не водит ли его за нос наглый боспорец, упоминая о человеке, готовом передать гибельный свиток императору. Но тут же отбросил эту мысль. Игра слишком серьезная.

Харитон не обманывал. Такой человек существовал. Он был слугой Цецилиев, но ему посчастливилось познакомиться с рабом по имени Тиберий Нарцисс, ставшим ныне выдвигенцем-вольноотпущенником Клавдия. Харитон узнал о близости старого знакомца к императору, нашел его и за немалую плату договорился о том, что если с ним что-то случится, то свиток должен попасть к императору. Нарцисс, получив мешочек туго набитый монетами, согласился исполнить просьбу боспорца, но не преминул после его ухода ознакомиться с содержанием свитка. Теперь он понял, как заслужить еще большую благожелательность Клавдия и подняться выше по лестнице, ведущей к вершинам власти. Но для этого приходилось набраться терпения и ждать подходящего

момента. Нарцисс знал, что будет нелегко убедить пожилого императора, ослепленного любовью к молодой супруге, в ее порочности. Клавдий взял Мессалину в жены, когда ей исполнилось пятнадцать, а ему перевалило за пятьдесят... Но Нарцисс умел ждать.

– Да поразит тебя Юпитер своими молниями! – злобно произнес Сервий после того, как Харитон покинул атриум. Сенатор воровато осмотрелся и, успокоенный тем, что никто не слышал их разговора, поспешил в таблинум⁵⁵, чтобы в одиночестве выпить чашу успокоительного фалернского вина и поразмышлять о том, как быть дальше.

Сервий не был бы спокоен, знай он о том, что все это время его жена находилась рядом. Лукерция пряталась за дверью, ведущей в атриум, напрягая слух, ей удалось уловить нить разговора. То, что она услышала, всколыхнуло в ее душе бурю негодования и обиды. Ей вспомнилось, как ее, шестнадцатилетнюю девушку из обедневшего, но родовитого патрицианского семейства, выдали замуж за молодого красивого и, главное, богатого Сервия Цецилия. Лукерция отдала ему всю свою первую девичью любовь, родила сына и стала преданной супругой, а он трусливо отдал ее в потные ладони порочного императора Калигулы, соблазненного красотой жены своего подданного. Лукерция до сих пор с отвращением вспоминала этого рано облысевшего, похотливого, волосатого телом и мерзкого слизняка-властелина и ту

⁵⁵ Таблинум – рабочая комната хозяина, кабинет в римском доме.

ночь, полную позора. С той поры чувство отвращения перешло на мужа, который к тому времени стал быстро толстеть, и тогда она без раздумий бросилась в объятия симпатичного и образованного красавца Харитона – раба, слуги и воспитателя их первенца Секста. Но однажды ее отношениям с Харитоном пришел конец. Муж заподозрил измену. Харитону грозила смерть, Лукерция все же сумела доказать невинность слуги. Сервий поверил, но, видимо, не до конца. Вскоре Харитона отправили в Мезию к брату Сервия, что стало ударом по чувствам еще молодой женщины. Назло мужу Лукерция стала предаваться греху по любви и без нее. Об этом и рассказал бывший любовник ее мужу, погрязшему в изменах ей и императору Клавдию. Лукерция чувствовала себя униженной, ведь она когда-то любила этих людей. Да, она порочна, но в том, что она стала такой, есть и их вина. И они должны ответить за это. Сейчас у Лукерции появилось оружие мести – произнесенные ими слова. Этим оружием она способна уничтожить обоих или, по крайней мере, разрушить планы ненавистных ей людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.